

СМЕНА

№ 21 НОЯБРЬ 1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ВСАДНИКИ ИЗ ГОРСКИХ ЛЕГЕНД

"пока душа жива, ты жив и"

Звенели день-деньской, весь день кружились птицы
Над горной белизной, над желтизной пшеницы.

Но вот сгустилась мгла, и под древесной сенью
Спят птицы досветла, уставшие от пенья.

Не надо их жалеть, пускай устанут снова,
Поскольку свойство петь—их бытия основа.

Опять настал рассвет, к земле простер я руки,
Как будто много лет я с нею был в разлуке.

Увидел горский люд, поля, стада, деревни
И реки, что текут по склонам, как издревле.

Все будет, как сейчас, и это убежденье
Мне в сумеречный час внушает утешенье.

Меня схороните у скал,
Здесь был я рожден и сначала
Из лопьки безмолвные скалы
На этой земле увидал.

Меня положите у скал,
Я знаю: мой прадед, бывало,
Молил о прощении скалы
И с этого день начинал.

Заройте в родимом краю,
Где высятся серые скалы.
Я знаю: им мать поверяла
Печаль и тревогу свою.

От ран изнывая, отец
На серый гранит опирался,
Подняться хотел, не поднялся,
И в скалах обрел он конец.

Всех тех, кто здесь жил и страдал,
Учили терпению скалы,
А если его не хватало,
Срывался в низину обвал.

Не очень я вам досаждал,
И ныне за просьбу простите,
Но где бы я мертвым ни пал,
Прошу вас: меня отнесите
И похороните у скал.

Как соловьи поют! Как просто их прославить,
Но и велик ли труд их замолчать заставить?

Не станет мир иным и жизнь не прекратится,
Когда мы повелим, чтоб замолчали птицы.

И лишь иной из нас поймет, что стал беднее,
Что боль извечных ран подчас еще больнее.

От дорогих вершин, из края дорогого
Ушел я, блудный сын, но возвратился снова.

Дождем меня опять земля моя встречала,
Как будто жизнь начать мне суждено сначала.

Я от всего отвык, года зазря потратил,
Но дожди! Его язык мне сладок и понятен.

Я жил среди людей, и час моей печали
Сердечностью своей они мне облегчали.

Они зажгут очаг, они мне слово скажут,
И пожелают благ, и раны перевяжут.

Я тоже, как могу, быть может, добрым взглядом
Иль делом помогу вам, кто со мною рядом.

Молния в горах

Эльбрус сегодня мрачен и гневлив,
С вершины в пропасть головни бросает—
Иль, каменные глыбы отвалив,
Он, как кресалом, искры высекает.

Мы, как бы ни гадали, не пойдем,
Что хочет он, какой задался целью.
Но блещет молния, грохочет гром
И наполняет пламенем ущелья.

Сверкают молнии, сияют блики,
Иль, может статься, новый Прометей
Опять у небожителей великих
Крадет сейчас огонь для нас, людей.

Там, где в пути остановились мы,
Темным-темно, но молния огнями
Вдруг вырывает из крошечной тьмы
То снег, то склон, и гром гремит над нами.

Нам переждать грозу и вновь идти
Удастся ли, промокшим и усталым?
И знать бы, не размыты ли пути
Грозою за Хуламским перевалом?

Свет молний снова вспыхнул и погас,
И снова гром громады гор потряс.
Сейчас, что б ни случилось, все возможно,
Страшатся даже горы в этот час,
Дрожат во тьме, насупившись тревожно,
Хоть и спокойствию учили нас.

Та птица, что летит, стрелиглав взмывая в небо,
Твой дом не утеплит и не прибавит хлеба.

Но ты за ней следи, пока из глаз не скрылась,
И птицу всякий раз благодари за милость.

Не облегчит твой путь и труд твой не прославит,
Но радости чуть-чуть она тебе прибавит.

Я всюду побывал, стора, замерзая,
И, раненный, лежал я, кровью истекая.

И ты, когда придешь за мною следом вскоре,
Навряд ли проживешь, вовек не зная горя.

Быть может, и тебе придется в миг злосчастный
Зеленый берег свой окрасить кровью красной.

Как теперь себя я самого
Ни судил бы строго и сурово,
Я могу сказать, что никого
Я ни хлеба не лишил, ни крова.

Я своих детей растил, как мог,
Сверстников не поучал уныло.
От беды друзей своих берег,
Как, бывало, мать меня учила.

Приходил к соседям я подчас
С доброй вестью или же советом.
Их я радовал не всякий раз,
Хоть и всякий раз мечтал об этом.

Проходили дни, я жил, как жил,
Каждый день вставая утром ранним,
Я проклятым злым не грешил,
Не грешил недобрым пожеланьем.

Я зимою грелся у огня,
Жил как люди, то смеясь, то плача.
Не гордился, если на меня
Снисходила незначай удача.

И теперь, когда пришла пора
Вспомнить все для общего итога,
Вижу: мало сделал я добра,
Радуюсь: я сделал зла не много.

СМЕРТИ НЕТ?!

Я говорю о том, что жизнь моя—река,
На берегу крутом я промокал слегка.

Я горевал, живя на этом берегу,
Но не любить тебя, река, я не могу.

И пусть зима близка, тебя, моя опора,
Люблю, моя река, хоть ты и встанешь скоро.

Ложится на меня деревьев тень густая,
Без тени нету дня в моем краю, я знаю.

Как я любил лежать в густой тени, бывало,
В тени опареные мать мне сказку рассказала.

Седой, я то и дело теперь сижу в тени,
Где колыбель висела моя в былые дни.

Женщины, а ль не страдал от вас,
Слез не лил, не пребывал в печали?
Разве вы несправедливых фраз
Мне в лицо порою не бросали?

Разве вы не лгали мне подчас,
Не вселяли в сердце мне тревогу?
Но всегда сиянье ваших глаз
Свет бросало на мою дорогу.

Быстро забывал я неспроста
О несправедливости вчерашней.
Мне казалось: ваша красота
Заставляла зреть мой хлеб на пашне,
И моя вода была чиста
Лишь от вашей чистоты всегдашней.

Можно ль не плениться всей горой,
Если камень на тропе случится?
Можно ль снегом гор не восхититься,
Хоть обвалы он сулит порою?

Если гром гремит в краю родном,
Отчий край разлюбишь ли за это?
Разве ты оставишь отчий дом,
Если там не топлено с рассвета?

Женщины, вы озирали мой
Путь, который был порою тешен.
С вами я не заверзал зимой
И, беддомый, не был я беддомен.

Всякое бывали времена,
Радости и горе—все бывало,
Но поэзия существовала,
Вашей красотой вдохновлена.

Чем твой труднее путь,
Чем круче твой подъем,
Тем ты сильнее будь,
Упорней с каждым днем.

Чем твой сильнее враг,
Тем сам ты будь сильней.
Те поступали так,
Что были нас умней.

Они терли кровь,
Хотя и не могли,
Но все ж вставали вновь,
Вновь падали и шли.

Пусть никнет голова,
Тьма застилает свет.
Пока душа жива,
Ты жив и смерти нет.

Ты жив, ты до сих пор
Среди людей, с людьми.
Ты камень отчуж гор
Себе в пример возьми.

Тебя какие дни
Ни ждали б впереди,
Ты поля затяни
И все-таки иди.

Когда в тебе самом
Осталось сил немного,
Когда твоя дорога
Короче с каждым днем,
Ты, слабый и седой,
То делай, что по силам,
И не сиди унылым,
На мир махнув рукой.

В нестарые года,
Пока не сброшен с круга,
Веселым быть всегда
Не велика заслуга.

Но мне милее те,
Кто обладает, к счастью,
Стремленьем к доброте
И склонностью к участию.

Кто и на склоне лет
Все сделает, что может:
Подает благой совет
И опытом позовет.

Живой, ты жизнь прожил
Еще не до предела,
Живи и делай дело
По мере малых сил.

Перевел с балкарского
Наум ГРЕБНЕВ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 21 (1187) НОЯБРЬ 1976

Наша обложка:
Ирбек и Недда
КАНТЕМИРОВЫ
исполняют осетинский
танец «Приглашение».

Фото
Юрия УСТИНОВА

- 1 «ПОКА ДУША ЖИВА, ТЫ ЖИВ И СМЕРТИ НЕТ...»
Стихи Кайсына КУЛИЕВА.
- 2 «60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ—60 УДАРНЫХ НЕДЕЛЬ!»
«ПОЗЫВНЫЕ ИСТОРИИ».
- 4 Владимир ГРУДСКИЙ. «ПОДШЕФНЫЙ».
- 6 Георгий БАЖЕНОВ. «АЛЬТЕРНАТИВА».
Стенограмма классного собрания СГПТУ с авторским
комментарием.
- 8 КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
Юрий НАГИБИН. «ИСЦЕЛЕНИЕ СЕРДЦА».
- 14 Ким СЕЛИХОВ. «ОБОСТРЕННОЕ ЧУВСТВО РОДИНЫ...»
Размышления о рукописи М. К. ЛУКОНИНА.
- 16 Рассказ Геннадия СЕМАРА «КИСТЬ-РАДУГА».
- 19 Гарий НЕМЧЕНКО. «ДЖИГИТЫ».
- 22 Юрий ГВОЗДЕВ. «С КРЕСТОМ НА ГРУДИ,
С АВТОМАТОМ В РУКАХ».
- 24 Роман Андрея ЛЕВИНА «ЖЕЛТЫЙ ДРАКОН ЦЗЯО».
- 28 МОЛОДЫЕ МАСТЕРА ИСКУССТВ.
«КЛЮЧ К ГАРМОНИИ».
Фотоочерк о композиторе Петерисе ПЛАКИДИСЕ.
- 31 КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ
РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, С. А. Абрамов, А. П. Кулешов,
В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), Г. Л. Немченко,
В. Г. Победоносцев (ответственный секретарь), Р. И. Рожде-
ственский, Е. И. Рябчиков, В. А. Саюшев, Г. В. Семенов,
А. П. Середа, Г. С. Терзибашьянц (главный художник), Б. А. Фаин,
Д. Н. Филиппов, О. Н. Шестинский.

Художник О. С. Теслер. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

Издательство «Правда». «Смена». 1976 г.

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

Ребята из нашей заводской много-тиражки, открывая в начале года на страницах газеты «Клуб молодого борцовца», провели анкету. В числе вопросов был и такой: «Какие заводские традиции вам нравятся?» Ответы охотно—и о торжественных проводах на заслуженный отдых ветеранов труда, и о посвящении в молодые рабочие, и о других заводских торжествах и праздниках. Но, не скрою, огорчило и встревожило, что среди ответов порой оказывался встречный вопрос: «А разве на нашем заводе есть какие-нибудь традиции?»

Первое, о чем подумалось: «Как же ты, молодой борцовец, сумел не заметить мемориальные доски у проходной? О том, что здесь работал герой гражданской войны Анатолий Григорьевич Железняков, легендарный «матрос Железняк»... О том, что с «Борца» ушла добровольцем на фронт контролер ОТК Зоя Космодемьянская—ей было столько же лет, сколько тебе... О том, что на заводе выступал «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин... Разве ты, молодой рабочий 1976 года, по пути в цех ни разу не остановился возле памятника заводчанам, погибшим в Великой Отечественной войне? Ничего не слышал об орденах Ленина и Трудового Красного Знамени, которых удостоен завод?»

Потом мелькнула другая мысль: «Наверное, все-таки и заметил, и останавливался, и слышал. Так почему же не почувствовал прямую связь поколений борцовцев? Может быть, потому, что собственную свою принадлежность к заводу, к его коллективу в полной мере не ощущает? А мы, комитет комсомола, все ли сделали, чтобы каждый из новичков ощущал? Надежно ли действовал у нас «приводные ремни» от заводской истории к сегодняшнему дню? Ведь традиции завода не музейное дело, они утверждаются и подтверждаются в повседневном труде...»

Мне представляется, что в почине комсомольцев Ленинграда и области «60-летию Великого Октября—60 ударных недель!», подхваченном молодежью страны, органически соединились экономические, производственные и нравственные, воспитательные задачи, что этот почин заставил комсомольцев, молодежь, работа над решением сегодняшних проблем, еще пристальнее взглянуть в исторический путь страны, еще внимательнее вчитаться в ее биографию. Как жили и трудились деды и отцы? Достоин ли ты их труда и подвига?

Несколько слов о нашем заводе. В год 60-летия Октября ему исполняется 80 лет. Начался он как Бутырский машиностроительный и принадлежал германскому фабриканту Густаву Листу. В истории завода—и создание революционных рабочих кружков на заре века и первая забастовка, увенчавшаяся успехом. Ленинская «Искра», выходящая в Женеве, 1 августа 1903 года писала, что в Москве, за Бутырской заставой, рабочие завода Густава Листа выступили с требованием убрать изувеченного директора и добиться победы... Баррикады 1905-го, Великий Октябрь... Рабочие завода были в первых рядах борющегося пролетариата. В грозные октябрьские дни 1917 года по распоряжению В. И. Ленина в Москву был отправлен отряд моряков под командованием Анатолия Железнякова—в недавнем прошлом слесаря

ПОЗЫВНЫЕ ИСТОРИИ

Валерий ГАЛКИН,
инженер,
секретарь комитета ВЛКСМ
московского компрессорного
завода «Борец»

Бутырского машиностроительного. В годы первых пятилеток завод выполнял заказы для Сталинградского тракторного, Магнитогорска, Кузнецкстроя, Московского метрополитена, морского флота. Ну, а в героическое время Великой Отечественной на «Борце» выпускались снаряды.

Заводская летопись, как видите, славная и ко многому обязывающая. Как соразмеряет с ней свои шаги нынешнее поколение борцовцев? Почему почин ленинградцев вызвал в среде молодежи завода отнюдь не формальный, а активный и деловой отклик?

Сейчас на «Борце»—1800 рабочих. К индустриальным гигантам мы не относимся. Однако гордимся, что компрессоры, которые мы выпускаем, можно встретить во всех уголках Советского Союза, что они экспортируются в 50 стран мира—от Вьетнама до Алжира, от Канады до Франции. Около 60 процентов продукции отмечено почетным пятиугольником—государственным Знаком качества.

Молодежкам заводской коллектив не назовешь—в нем 380 человек моложе 30 лет. 163—комсомольцы. Самый «молодой»—2-й механический цех. Там у нас тридцать комсомольцев. Цифры не «сногшибательные». Но это нас не смущает. Организация трудится с большим напряжением сил, в тесном контакте с нашими старшими товарищами. К слову сказать, директор завода Аветик Арташевский Бадамян сам был прежде секретарем комитета ВЛКСМ «Борца», потребности и возможности комсомольской организации во всех деталях знает и нас всесторонне поддерживает.

Шестьдесят ударных недель... Когда мы узнали об инициативе ленинградцев, то провели в цехах открытые комсомольские собрания. Комитет заседал, обсуждали, как конкрет-

но должна выглядеть шестидесяти-недельная вахта на нашем заводе, как «вписать» в нее различные действующие формы соревнования, как четче и яснее обозначить главные направления работы, как прочнее связать работу с учебой, чтобы глубже и точнее осмыслить соотношение сегодняшнего этапа развития экономики и всей нашей жизни с историческим путем, пройденным Родиной.

На нашем заводе трудно подходить к каждому цеху с одинаковой меркой. Скажем, уже названный 2-й механический—это опора, база нашей комсомольской организации. Среди молодежи цеха—рабочие высшей квалификации. Упомяну, к примеру, Александра Воробьева, члена бюро ВЛКСМ. Он поддержал своего товарища по цеху лучшего токаря завода Владимира Гаврилова, выступившего с почином «Неделю—за четыре дня». Гаврилов, молодой член партии, вместе с комсомольцами участвует в соревновании за право подписания рапорта Ленинского комсомола Центральному Комитету КПСС к 60-летию Великого Октября.

Если во 2-м механическом ровный и сильный состав, то в 1-м рядом с асами трудятся совсем молодые, еще не вполне «оперившиеся» ребята. Неодинакова обстановка и в других цехах. Как найти «общий знаменатель»?

Мы стараемся постоянно держать в поле зрения не только тех, кто впереди, но и тех, кто делает шаги вперед, замечать эти шаги, поощрять их. Считаем, что было бы ошибкой создавать какую-то замкнутую группу «лидеров». Получится, что одни привыкнут быть первыми, другие смиряются, что они последние. Поэтому мы и во всех наших «молниях», и в многотиражке, и в радиогазете «Радуга» выделяем то один, то другой цех, делаем опыт их работы достоянием всех участни-

ков нашей шестидесятидневной комсомольской вахты. В эту неделю—один из механических, в следующую—механосборочный, потом литейный, инструментальный и т. д. Показываем, подчеркиваем, что свое они внесли в общую копилку октябрьской вахты. Стремимся не обезличивать цеха и людей, не бронировать кому-то заранее место на «пьедалестале», а уловить и поддержать движение каждого вперед—независимо от условий труда, уровня квалификации и других факторов.

На заводе недавно был произведен пересмотр норм. Сегодня 120—125 процентов—это для нас чрезвычайно высокая выработка. И когда комсомолец Николай Уткин, токарь 2-го механического, тщательно подсчитав свои резервы, обязался закончить первый год десятой пятилетки к 1 октября и это обещание сдержал, мы не просто отметили его результат, но и рассказали, на чем он был основан, как удалось уплотнить время.

Очень важным делом считаем наглядность соревнования и максимальной гласности результатов. Ребятам из ПТУ, например, каждый день подсчитываем, кто как смотрит в цеховом «ландшафте», сколько нормо-часов выработал, сколько заработал. «Почему Иванов сделал больше, а я меньше?»—каждый может и себя об этом спросить и других. И получить аргументированный ответ.

На ударной комсомольской вахте ни на момент, естественно, не забываем о главной экономической задаче десятой пятилетки—всемерном повышении качества работы. Личное клеймо у нас пока имеют немногие комсомольцы, борются за него многие. Это очень трудная и почетная ступень признания мастерства. И нет комсомольца, который не добивался бы сдачи продукции с первого предъявления. Никому не хочется в эти напряженные недели октябрьской вахты иметь «сняжки»—синим карандашом мы в своих сводках метим брак. Бесспорно, борьба за эффективность труда и качество продукции—центральный, стержневой пункт соревнования за право подписать рапорт Ленинского комсомола Центральному Комитету партии.

60 лет и 60 недель... Мы разделили календарь вахты на этапы, связанные с ключевыми датами истории страны и нашего завода. Содержание пропагандистской работы определяем важнейшими событиями того года революции, которому ударная неделя посвящена. В конце каждого этапа подведем итоги, состоятся торжественные заседания, отметим лучших, попросим выступить наших ветеранов, заслуженных людей завода.

На «Борце» преемственность поколений очевидна и наглядна. У нас немало прославленных рабочих династий. Часто отец, мать, дети вместе шагают утром к проходной завода. И мы такую «семейственность» приветствуем. Для многих молодых рабочих завода жизнь и судьба родителей—убедительнейшее «наглядное пособие» к истории страны, повод для раздумий о своем долге перед обществом, о своем месте в рядах великого трудового коллектива, имя которому—советский народ.

Шестьдесят недель в канун шестидесятилетия Октября... Пусть эти недели будут достойны трудных и славных лет, которым они посвящены.

ТОВАРИЩ ПОДРОСТОК

Подросток...

Осталась за плечами счастливая безоблачность детства. Впереди—трудные, ни для кого заранее не протоптанные дороги к людям и к самому себе, впереди—открытия и потери, радости и тревоги, будни и праздники. Все то, что называется бесконечно емким словом «жизнь».

О подростках иногда говорят: «трудный возраст». Наверное, «легкого возраста» после расставания с детством вообще не существует. И все же, да, трудный... Новые понятия, интересы, порывы и стремления лавиной обрушиваются на человека, чей характер только формируется, на человека, еще не готового найти собственные, самостоятельные ответы на тысячи и тысячи вопросов, которые ставит жизнь. Ему нужна помощь—не унылым назиданием, не прописной истиной, не снисходительным похлопыва-

нием по плечу. Он ждет совета и доверия. И какой неизмеримый вес обретают опыт, мудрость, доброта, цельность натуры старшего товарища—школьного учителя, мастера производственного обучения, преподавателя техникума, наконец, внимательного отца или доброй матери, всех, кто стоит рядом. Как важно, чтобы внимание педагогов и родителей, трудовых коллективов и комсомольских организаций было конкретным, а забота неформальной, чтобы тот, кто находится у порога большой жизни, сформировался как гражданственно активная личность, человек, владеющий комплексом нравственных завоеваний нашего общества, чтобы нашел точную соразмерность между «я» и «мы», чтобы словом и делом был готов и способен утверждать свои взгляды, свою убежденность.

Перед тобой сложный, многогранный, огромный мир. Шагай уверенно, товарищ подросток!

ПОДШЕФНЫЙ

Владимир ГРУДСКИЙ

И снова двери классов—за исключением нашего, где были только мы двое,—распахнул звонок. Она взглянула на часы. Ее энергичный, я бы даже назвал его вдохновенным, рассказ подходил к концу.

— Я не думала, хорошо это или плохо. Рискую я или все сойдет гладко. Эксперимент так эксперимент. То есть «эксперимент» — это, наверное, слишком громко?

Я не ответил на этот чуть-чуть риторический вопрос. Я мог бы сказать Лидии Павловне: нет-нет, вы правы, учительствовать по прошлогодним тетрадям, конспектам, методикам еще, пожалуй, можно, но вот воспитывать — нельзя. И приходится искать, пробовать, рисковать... Но я мог бы сказать и другое. «Что ж,—сказать,—вы не ошиблись, Лидия Павловна: в педагогике это слишком громко — эксперимент». В другой школе, в другом городе, с другим человеком, старым педагогом, сидели мы вот так же в пустом классе и говорили—о дерзании, об эксперименте. «Это в естественных науках эксперимент хорош. В физике твердого тела, например,—говорил мой собеседник.—А наша наука, педагогика, сверхъестественная. «Тела» в нашей лаборатории нетвердые, хрупкие, нежные...»

Что же все-таки я мог ответить Лидии Павловне на ее вопрос? Да и требовал ли он ответа?

...Войдя однажды после урока в учительскую, Лидия Павловна услышала: «...такой хулиган, просто отъявленный! В детской комнате на учете. Что же вам еще? Прямо не знаю, что с ним делать». Лидия Павловна вступила в разговор. И у нее в классе, сказала, есть один, ничуть не лучше. Предложила: давайте переведем вашего ко мне. А моего — к вам. Пересадим, так сказать, в другой грунт... Вот это и было тем, что Лидия Павловна назвала экспериментом.

Вероятно, Лидия Павловна он удастся. Хотя и молодой еще педагог, она окружена всеобщим признанием: директор, учителя, родительский комитет, даже шефы считают: «Это педагог». А «хулиганам» всего-то по десять лет, учатся они в четвертом классе, все у них впереди, почему же не рассчитывать на успешный исход эксперимента? Да и вообще все, что лежит в будущем, возможно. Вот в прошлом — это уже другое дело...

В прошлом — недавнем — был класс. 8-й «Г». Дружный. Сильный, как говорят в школе. Вела этот класс Лидия Павловна, с первого и по восьмой. Когда перешли в пятый, она закончила педагогический. Заочно, без отрыва от своего класса, своего выпуска. Были радости, были огорчения, конфликты с учениками, беседы с их родителями, спокойные или шумные разговоры с коллегами в учительской. Много чего было — все-таки восемь лет жизни. Выросли мальчишки. Вытянулись девочки. Росла и она вместе с ними — педагог, преподаватель русского

языка и литературы, классный руководитель — руководитель класса, если переставить слова. О, она умела держать класс в руках. Урок и перемена, классный час и школьная линейка, сочинения, очень откровенные («Что я думаю о своем друге») и основательные, «учебные»: «Лишний человек» в произведениях Пушкина, Лермонтова!.. Тишина. Впрочем, и шум, конечно, рабочий шум, который не вопреки дисциплине, а в подтверждение ее... И так год, другой, третий. Без промахов, без срывов. Как часы. Весь класс. Абсолютное большинство. Только двое, пожалуй... Эдик Белан, Саша Проскура так и шли против часовой стрелки. И ушли.

А «часы» побежали дальше. 8-му «Г», как сыновью, спаянному, примерному классу, в порядке исключения разрешили устроить что-то вроде выпускного вечера. Чай, торты, музыка, танцы, песни в кругу — под гитару. «А давайте,—предложил кто-то,—соберемся через восемь лет! Ровно через восемь! И в том же составе!» То есть как в том же? Без Белана, значит, без Саши Проскуры? Или с ними, формально не дошедшими до выпускного вечера, но «своими», навсегда скрепленными с ребятами великим словом «одноклассник»?

— А что наши выбывшие? — спросила Лидия Павловна.

— В ПТУ,—ответили ребята.

— Это я знаю. Как они устроились? Довольны?

— Довольны,—ответили ей.

— Я же говорила: из них выйдут неплохие рабочие.

Ответом было молчание. А что же тут сказать? Кто, значит, в инженеры, в ученые, а кто — в рабочие. В неплохие, правда... Нет, лучше уж оставить этот разговор. Перенести его. На следующую встречу — через восемь лет, когда ясно будет, что же из кого выйдет... Так что они, такие откровенные в своих «вольных» сочинениях, на этот раз промолчали. А она, квалифицированный, окруженный всеобщим признанием педагог, почувствовала вдруг, что вот он и отходит, отошел от нее дорогой ее класс, ее выпуск...

А здесь, в городе Магнитогорске, слово это — ВЫПУСК — имеет особое значение.

— Ну вот,—сказал горновой Ковальчук,—спешить нам некуда, вся жизнь впереди. Пройдем по порядку весь рабочий день — от и до. Смену. Смотри, запомниай... фантазируй. Без фантазии, скажу тебе, горнового нет...

Нет, он, Ковальчук, в психологические тонкости не вдавался. Просто чувствовал, что без воображения, без настроения разговор у них не пойдет. Не тот выйдет разговор. Не на экскурсию привел он Эдика Белана сюда, в цех. Пусть вдохнет, всмотрится, примерится...

— Раздевалка,—сказал Ковальчук.—Мой гардероб. Нарядов, правда, у горнового немного. Спецовка, каска,

шляпа со «стеклом»... Вот, Эдика: штатское, свою одежду,—всегда сюда, спецовку—в эту половинку, сюда. Это вот дверь в душевую. Но туда горновой потом, после смены.

Ковальчук переоделся, надвинул каску, легонько, дружелюбно подтолкнул Эдика:

— Айда к печи. Как раз выпуск.

Надо же, думал Ковальчук, когда они шли, ведь как хотел сыновей своих сюда, в цех. Как мечтал увидеть их изумление, разделить с ними торжественность этого мгновения: выпуск! Еще и отцом-то не был и до горнового надо было еще расти и расти... «Трудовой резерв», учащийся Енакиевского ТУ Володька Ковальчук. А уже тогда была эта мечта: прийти сюда с сыновьями. Посвятить их. Заключить с ними—если будет на то их согласие, конечно,—договор: даешь металл!.. Состарится отец, не сможет стоять у печи—Ковальчуки-младшие заступят. Так думал, хоть далеко еще было до отцовства. Так и сейчас думает, когда займет маленьких сыновей. Какой же сын моряка не видал моря? «Нет, сынов надо приобщать...» — философски заметил самому себе Ковальчук и скинул взгляд на Эдика. Да, нравилось парнишке здесь, в цехе.

Навстречу им шел человек. Поравнялись. Обменялись взглядами с Ковальчуком.

— Знакомся, Эдик: Алексей Леонтьевич Шатилин. Обер-мастер доменного цеха. Если коротко, как говорят, и ясно, то сама металлургия, сама Магнитка!

— Будет тебе. «Магнитка»... Это что же, сын?

— Как сказать... — прищурился Ковальчук.—Сыном вроде не могу назвать, документа такого не имею. Но под отцовскую ответственность мне. Подшефный мой. Из школы.

— Вот оно что,—сказал обер-мастер.—Тогда ты уж ему все про все расскажи. Чтоб на всю жизнь, понял?! Как руду загружают. Как в печи дело идет. Стеклашко ему дай... Ну, идите. Сейчас будут открывать.

«Скип»,—пояснил Ковальчук. «Это я знаю»,—сказал Эдик, и горновой ответил: «Знаю, что знаешь. Наш ведь, магнитогорский, с малолетства должен представлять себе, что такое Домна Ивановна». Дал ему «гляделку». «Ну, смотри, что там в печи. Какова она, черная металлургия. И правда черная... Или, может, красная?» Эдик взял синее стеклашко. Приблизился к смотровому окошечку, замер... Вот он, выпуск! Впрызлась в летку бурмашина, рубанула глину, продырявила — и отступила в сторону. Металл!.. Тоненькая, белая струйка. Больше, больше, полнее этот ручеек, ручей, пылающий поток, разбрызгивающий бенгальские огоньки, горячие звездочки металла.

— Мощно! — сказал Эдик. И больше не сказал ничего. А что сказать? Что ему хотелось бы вот так же, как все,

кто сейчас открывал выпуск, быть здесь не гостем, а хозяином? Вот так же, как они, уважать мощь, силу огромной «Домны Ивановны», кантователя, ковшей, остывающего чугуна? И так же, спокойно и просто, знать за собой и другую мощь и силу — человека рабочего, доменщика, магнитогорца?

— Ну? Не зря, считаешь, живем? — смеясь, спросил Ковальчук.

— Думал, только в кино такое. А в жизни, думал, по-другому. Не вышел из тебя... это... Ну, в общем, не умеешь работать головой — работой руками... — Он покраснел, зашупулся. Ковальчук с интересом разглядывал его. Эдик продолжал: — А если придур... после технического... В общем — к вам. В цех. Возьмете?

— Слово горнового,—сказал Ковальчук.—Ты нам подойдешь. Чувствую, сделаем из тебя мастера,—закончил Ковальчук и, как в хоккее, только озорно и легонько, сыграл с ним «в корпус»...

Эдик Белан, бывший учащийся школы № 56 города Магнитогорска, до пятого класса был ученик как ученик, а вот в шестом «срезался», сошел с колеи, ведущей в вуз. В шестом у Белана появились двойки. Их можно было исправить, догнать одноклассников и снова почувствовать себя успешным, своим в классе. Но Эдик отметок не исправил. И сам не поработал, и в классе встретил не то чтобы неприязнь, но холодок и порицание: тынешь назад, Белан, подводишь наш сильный, дружный 8-й «Г». Двоек прибило. «Незакрытые», неизжитые, они множатся. И крепнет, углубляется холодок в отношениях — такая «успеваемость» ведь и в самом деле тянет класс назад... Итог? «Белан стал другим», — говорили теперь в учительской. Что это значило? Ушел с урока. С уроков. Прогулял. Нагрубил учителя труда. Дерзок, несносен. «Трудновоспитуемый». То есть объект педагогики, и даже особо важный объект, но «балласт» школы.

И «балласт» решил сам выпрыгнуть из корзины стремящегося вперед и вверх «стратостата». Эдик Белан забрал в школе документы и ушел в ПТУ. И вот уже полтора года, как он учащийся профтехучилища и одновременно ученик 9-го класса вечерней школы.

— Я знаю,—сказал В. Н. Шкилев, мастер производственного обучения в ПТУ № 72,—отзывы о Белане были нелестные. Школьные учителя не верили, что даже в будущем из него выйдет толк. Но у нас в училище к Эдику никаких претензий. С первого и по сей день учится на четверки и пятерки. На практике работал просто отлично — и на первом курсе и на втором. Вообще парень добрый, культурный, вежливый. Общительный. Словом, симпатичный парень. И специалистом будет хорошим...

Как же так? Что за метаморфоза с одним и тем же «трудновоспитуемым»

человеком пятнадцати лет, ставшим вдруг «симпатичным», «ударником учебки»? Достоверна ли эта история? Абсолютно. Более того, она не исключение. Напротив, заурядный факт. Только таким и сочтут его Владимир Матвеевич Ковальчук, показавший однажды Эдику Белану день металлурга-доменщика, и рабочие его бригады. Таким сочтут его и в других бригадах и цехах Магнитогорского металлургического комбината, где среди многих славных традиций продолжают и такую: идти в школу, помогать школе, быть школой.

— Я мог бы выдать вам краткую, точную и исчерпывающую справку,— сказал Федор Иванович Пивоваров.— Магнитогорский металлургический шефствует над тридцатью четырьмя школами города.

Ф. И. Пивоваров — заместитель директора Магнитогорского металлургического комбината по кадрам. Нет-нет, отшел кадров — это другое. А вот подготовка кадров, профессиональная ориентация школьников, воспитание рабочей смены — это круг задач Ф. И. Пивоварова, и недаром на комбинате его в шутку называют «начбуд» — начальник Будущего...

— Я начал бы с общих вещей,— сказал он.— Может быть, весьма общих... Магнитка — это Магнитка. Это слава, традиции, авторитет рабочего класса. Но традиции продолжают, авторитет завоевывают, он не наследуется, ну, а слава — она приходит потом, в итоге... Мы не вечны. И если не будет преемственности — так вместе с гвардией Магнитки все и уйдет: рабочий авторитет, традиции, слава. Короче говоря, любое предприятие (а в тяжелой промышленности особенно) должно чувствовать время, предугадывать его требования, готовиться к завтрашнему дню. И у нас на комбинате это поняли. Причем, отметьте, не сегодня поняли. Шефство над школами, над юным поколением началось еще в первые послевоенные годы. И это был первый этап, первый «стиль», если можно так сказать, нашей шефской работы.

Послевоенная школа, вы знаете, бедствовала. Не хватало оборудования, учебных пособий, да и то, что было, оставляло, как говорится, желать лучшего... Мы не могли не помочь школе. Тридцать тысяч единиц школьной мебели заменили. Помогли с пособиями. И купить и доставить. Словом, оказали школе широкую материальную помощь. Ничего не требуя в ответ. Благотельцами пришли в школу, и я бы так и назвал тогдашний

стиль шефства: **благотельный**... Но со временем положение изменилось. В середине пятидесятых годов мы, комбинат, стали испытывать «кадровые» трудности. Уменьшился «приток», но, главное, возник дефицит на некоторые профессии. И мы пришли в школу. С принципиально новым предложением: примите деловое участие, так сказать, в подготовке нашей смены. Сориентируйте молодого человека, раскройте перед ним характер «штатных» комбинатовских профессий, помогите своим питомцам разумно, осознанно выбирать. А мы готовы разделить с вами все трудности и расходы. («Что ж, мы производственники, мы привыкли еще и считать», «Капаложения», «капстроительство», «фондоотдача», — усмехнулся Пивоваров.)

Так возник, утвердился новый стиль шефской работы. **Взаимосвязь комбината и школы, профессиональная ориентация юных**. Такова формула. Люди с комбината стали своими людьми в школах. Школьники Магнитогорска стали своими людьми на комбинате. Бедность первых послевоенных лет отошла в историю, комбинат помог своим подшефным школам приобрести новейшее, сложное и, нелишне подчеркнуть, дорогое оборудование — для кабинетов физики, химии, спортзала, школьных мастерских. Комбинат финансировал праздники. Трудно сказать, в состоянии были бы школы провести столько спортивных соревнований, экскурсий, турпоходов, если бы не шефы. Была организована широкая сеть кружков детского технического творчества, душой и опорой которых стал комбинат.

— Мы довольны этим этапом нашей шефской работы,— продолжал Пивоваров.— Он принес свои плоды. Но ведь жизнь идет... И, кроме того, у нас был и есть еще один подшефный — пять профтехучилищ. Мы пришли к выводу, что и этой школе необходимо помогать так же, как общеобразовательной. Что две эти формы образования неразрывны. И все мы вместе — средняя школа, ПТУ, комбинат — образуем равносторонний, жестко связанный треугольник. Интересы у нас общие, взаимопроницающие. А значит, **работу нашу необходимо стыковать, согласовывать**...

Вот так возник следующий, третий «стиль» шефства. Он действует и по сегодняшний день. И сохранится еще неопределенное время.

— Но тем не менее он уже сегодня устарел,— сказал Пивоваров. И добавил, поясняя свою мысль: — Потому

что он лишь основа. Предпосылка к настоящему шефству — **воспитанию смены**. Если мы трезво, без самообольщения достижениями подведем итог на сегодняшний день,— продолжал «начбуд», — то увидим, что суть всего — профессиональная пропаганда. ПрофорIENTATION. Престижность рабочих профессий. Реклама профессий, если хотите и если выбросить из понятия «реклама» зазывательский, так сказать, смысл... Но ведь задача наша и этим не ограничивается. Она шире. Глубже. **Индивидуальное начало, работа личности с личностью, свой подход к каждому, кто станет работником Магнитогорского металлургического**, — вот, на мой взгляд, задача и на сегодняшний день и на будущее,— заключил Пивоваров.

Ковальчук не мог все-таки понять, почему мальчик этот, Эдик Белан, «трудновоспитуемый». Парень как парень. Даже стеснительный, сдержанный, в других куда больше шустреца, перекора. Ковальчук и сам отец, старший сын — уже школьник, первоклашка, младший — в детском саду, правда, но ведь тоже с характером... Нет, парень как парень, этот трудновоспитуемый Эдик, и ничего страшного он, Ковальчук, либо не замечает, либо этого просто нет. Понятно, что за Лидией Павловной своя правота: она педагог, классный руководитель, да и предмет у нее — ли-те-ра-ту-ра! А он, Ковальчук, какой он педагог? Старший горновой, его «предмет» — «чугун»...

Примерно так говорил себе Ковальчук, решив не слишком прислушиваться к школьным характеристикам, а пойти с парнем на сближение. Стать ему другом, старшим, тем более что Эдик, узнал Ковальчук, рос без отца, а материнская забота — это иной раз «не то»...

И горновой Ковальчук приходил в школу, приходил домой к Белану, «обнаруживая» у себя в кармане два билета — в кино, в театр, в музей, на экскурсию за город. Ну, а в дороге, естественно, разговоры... Горновой рассказывал. Откровенно, доверительно. О всем лучшем, что знал и помнил за собой, за своими товарищами, за разными людьми комбината, города, воинской части, где служил, о разных городах Украины, где прошла его кочевая школьная юность, потому что отец у него был человек военный... Рассказывал и о слабостях своих, срывах и «проколах». Все как есть. Рассказывал и Эдик. Иногда помногу и подолгу.

И все же горновой не спешил. Он и вообще-то не любил вдаваться в психологические тонкости, а тут и вовсе перестал верить, что такими вот разговорами да культпоходами можно чего-нибудь достичь. Им нужно было сойтись, столкнуться на чем-нибудь очень важном, важном для каждого и для обоих — 35-летнего рабочего, кадрового металлурга, и ученика седьмого класса. И такой день случился. Тот самый день, когда двое у печи — горновой и его гость, мужчина и подросток, шеф и подшефный — восхищенно следили за белым, пылающим потоком, разбрызгивающим россыпи звезд...

Мы рассказали лишь об одной судьбе. Но только ли Эдику улыбнулось такое счастье: уже в ранние школьные годы почувствовать себя «не лишним в жизни»?

Его бывшие одноклассники — Саша Проскура, Коля Степанов и некоторые другие — тоже сейчас учатся в ПТУ. Да и среди тех, кто продолжает учебу в школе № 56, немало ребят, надежно застрахованных от известной растерянности выпускника: «...где работать мне тогда, чем заниматься?» Впрочем, разве только в школе № 56?

Более чем шестидесятилетний коллектив Магнитогорского металлургического комбината принял, по выражению Ковальчука, «под отцовскую ответственность» ребят почти из всех школ города. Бригада 4-й доменной печи, где старшим горновым Ковальчук, шефствует над одним классом, но все классы этой школы закреплены за бригадами доменного цеха. И так по всему городу: цех — школа, бригада — класс. 312 бригад комбината помогают школам готовить детей к жизни, к труду. Только в 1975 году Магнитогорский металлургический выделил из своих средств на оборудование кабинетов и лабораторий в подшефных школах 163 тысячи рублей. На развитие детского творчества — 197 тысяч. На оборудование кабинета профориентации тоже много тысяч...

Дело, конечно, не только в этих тысячах. Тысячи бессильны, если нет главного. А что главное? Выпуск — великое, главное слово у учителей. Выпуск — великое, главное слово у металлургов. Выпуск есть и у Времени. Ведь те, кто этой весной решал для себя, кем быть, они и есть, наверное, выпуск семидесятых?!

ОДНА ИЗ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ

По подсчетам ученых, в мире существует около десяти тысяч профессий. И, пожалуй, многие из нас смогут в двух-трех словах объяснить специфику работы в той или иной области народного хозяйства. Однако, когда речь заходит именно о нашей профессии, то двух-трех слов бывает недостаточно. Врач увлеченно рассказывает о новом препарате, который в будущем спасет миллионы человеческих жизней, токарь — о современном оборудовании его завода; ученый — о последнем открытии, о неразрешенных проблемах. И каждый из них убежден, что именно его профессия лучше, важнее и необходимее всех остальных.

Десять тысяч профессий! А выбрать надо только одну, да еще когда тебе не более семнадцати лет. И приходит здесь иногда «на помощь» мамы, папы, знакомые, тети и дяди. Потом будущие специалисты бросают техникумы, институты или училища, а в худшем случае получают диплом, заранее невзлюбив свою специальность. Ушли годы, государством затрачены деньги на образование, а специалист меняет профессию.

Сейчас уделяется много внимания професси-

ональной ориентации молодежи. Дни открытых дверей в училищах и институтах, передачи телевидения и радио, встречи с рабочими и учеными в выпускных классах школ. О том, какие проблемы решает сейчас та или иная отрасль народного хозяйства, какие потребуются дополнительные знания, чтобы стать специалистом высокого класса, будет рассказывать новое иллюстрированное подписное издание «Наука в твоей профессии» (издательство «Знание»). Известные журналисты, ученые, публицисты, рабочие расскажут о том, как возникла и развивалась отрасль, какие проблемы решила и какие решает сейчас, как видоизменится профессия с приходом в нее последних достижений науки, какие возникнут новые специальности. Обширен будет и диапазон тем: это металлургия и механизация, гидрология и археология, кинематография и авиация, энергетика и этнография.

— Наше издание,— говорит старший научный редактор ежемесячника Людмила Николаевна Жукова,— будет адресовано не только тем, кто стоит на пороге выбора профессии, но и тем, кто уже получил специальность. Мы будем сообщать о

малоизвестных профессиях, о которых порой не подозревает молодой рабочий.

— «Наука в твоей профессии»,— продолжает Людмила Николаевна,— расскажет о секретах профессионального мастерства, о будущем всех десяти тысяч профессий и специальностей, о научно-технической революции, видоизменяющей каждое производство. Психологи подготовили нам ряд тестов с целью выяснения, адекватен ли характер человека выбранной им профессии.

Издание «Наука в твоей профессии» будет иметь приложение, в котором читатель найдет «малую энциклопедию» профессий и специальностей каждой отрасли, список названий, адресов учебных заведений, а также перечень наиболее интересных книг и научно-популярных фильмов по данной теме. Здесь будут публиковаться материалы об изобретениях молодых, научно-фантастические рассказы, афоризмы, юмор, любопытные цифры и факты.

Ольга ШВАРТИНА

Действующие лица:

**ГРУППА СПТУ
МАСТЕР ГРУППЫ
КЛАССНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
ДИРЕКТОР УЧИЛИЩА
ЗАМ. ДИРЕКТОРА ПО УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ
ЗАМ. ДИРЕКТОРА ПО УЧЕБНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ РАБОТЕ
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ УЧКОМА
СТАРШИЙ МАСТЕР
МАСТЕРА ДРУГИХ ГРУПП
ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ГОРКОМА КОМСОМОЛА**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ:

«Дорогая «СМЕНА»!

Пишет вам учащийся СГПТУ. Недавно я купил в киоске ваш журнал № 5, в нем был очерк об училище № 129 города Москвы «Товарищ Группа». Там было написано, что ребята из этого училища хорошо учатся, увлекаются общественной работой, совершают поездки, экскурсии, я позавидовал им: при такой жизни и учеба и работа пойдут отлично. Я расскажу про свое училище.

В начале первого учебного года мастер пообещал нам, что пойдем в поход, ребята этому очень обрадовались, но прошла осень, а мы так и не сошли. Мастер говорил, что мы плохо вели себя на уроках. «Но, если исправитесь, тогда пойдем в поход на лыжах». Поверьте, сколько усилий мы приложили, чтобы никто не баловался и не разговаривал на уроках. Время шло, а мастер как будто и не говорил нам про поход. Решили ждать, когда он сам скажет, но... Так все наши радости расплылись. Ребята опять начали баловаться, спорить с преподавателями, срывали один урок за другим, резко снизилась успеваемость, и группа стала не передовой, хотя по годовому соревнованию мы шли на первом месте. Все повалилось, мы не узнавали друг друга. Но тут наш классный руководитель — учительница по физике — всколыхнула нас, и мы опять выбились в передовики.

По изданному приказу о социальном соревновании группы, занявшие 1, 2, 3-е места, должны были отправиться в туристические поездки, мы же работали до каникул. Группа, занявшая 1-е место, больше всех работавшая на автобазе, не заслужила сойти в поход хотя бы на 1 денечек?! Как потом выяснилось, у училища не было денег. Другим группам деньги были. В других группах мастера заботятся об учащихся, делают все, чтобы ребята было интересно, а наш мастер...

Второй год прошел еще хуже, чем первый. Ребята уже не интересуются ничем, им теперь быстрее бы домой.

Заканчиваю писать, только не называйте, пожалуйста, наше училище и мастера. Извините, если что не так: ведь я сам в этой группе.

г. Новокузнецк».

Классный руководитель. Ну, так что же вы молчите? Командир группы, встань, расскажи о вашей жизни...

Командир группы. Ну, у нас это... было, конечно, не ходили в прошлом году в поход... а вообще мастер у нас нормальный. Лично я на него не обижаюсь.

Классный руководитель. Еще бы вы обижались! Да вы своим поведением кого хочешь доведете до белого каления.

Старший мастер. Пусть вот ребята встанут и скажут вслух, какие у них претензии...

Ученик. Ну вот хоть с мойкой этой... Мы сколько раз говорили — после соревнований или там после уроков физкультуры помыться негде. А нам что?

Старший мастер. Конечно, у нас есть определенные недостатки. Никто этого не отрицает. Но ведь есть и объективные причины. И вы, ребята, об этом знаете. Наше здание не приспособлено специально для профтехучилища.

Председатель учкома. Ребята, давайте все-таки поговорим по существу письма. Вот вы ссылаетесь на мастера... А сами вы? Ведь вы молодые парни, будущие шоферы, автослесари, вы должны быть боевыми, должны гореть!

Представитель горкома комсомола. Вот именно. Где ваша комсомольская активность? И почему вообще вы сваливаете вину на кого-то? А сами вы живете интересно? О чем думаете? О чем мечтаете? Когда было последнее комсомольское собрание?

Комсорг. Собрание? Да у нас это... мы так, соберемся, поговорим... о разном там...

Представитель горкома комсомола. То есть как

соберетесь, поговорите? Я имею в виду именно комсомольское собрание.

Классный руководитель. Вот с этого и нужно начинать. Им самим ничего не хочется ни знать, ни делать, а чуть что — сразу жаловаться. Постыдились бы!

Ученик. А чего нам стыдиться? Что мы, интересно живем, что ли? Да до нас никому и дела нет!

Классный руководитель. Ну, это уж слишком... Да вы вспомните, когда, например, нужно выпустить стенгазету, кто с вами бьется-колотится? Взрослые! А кому нужна эта газета? Да ведь вам же, ребята! Вам!

Ученик. А для чего она нам? Из пустого в порожнее переливать...

Классный руководитель. А-а... значит, вам газета не нравится? Тогда придумайте, сделайте интересную! Сами!

Ученик. Да что нам эта газета? В ней все дело, что ли? Вон в прошлом году у нас была классная руководительница — она за нас горой стояла. Если бы ей разрешили, она бы сама с нами в поход пошла. А мастер только и знал, что обещать...

Старший мастер. Ребята, никто, конечно, не хочет оправдывать вашего мастера. Раз обещал — должен был сдержать слово. Ну, а все-таки вы поинтересовались, подошли к мастеру, спросили по-человечески, почему он не смог пойти с вами?

Ученик. А чего его спрашивать? Мы ему вообще до лампочки. У него одно объяснение — накричать или пригрозить.

Зам. директора по учебно-производственной работе. Кстати, у меня к тебе вопрос. Вот ты пропустил больше 300 часов занятий, не ходишь на

смотрите, ребята, вы жалуетесь, что у вас плохой мастер, что он для вас ничего не делает. А я думаю, дело не в мастере, дело в вас самих. Разве вы сами не могли пойти в поход на день, на два?

Классный руководитель. Как же, соберутся они сами! Им семь нянек сначала нужно. Вон в прошлый раз я говорю им: давайте сделаем вылазку на природу, а потом заглянем на квартиру к одному ученику, он как раз в тех краях живет. А он что сказал? «А я не пуцую никого».

Ученик. Да это я пошутил. (Смех в классе.)

Ученик. Уж и шуток не понимают...

Ученик. С вами пойдешь на природу, а вы целый день мораль читать будете...

Зам. директора по учебно-воспитательной работе. Так вот, я хочу закончить свою мысль. Вопросы, которые вы подняли в письме, ребята, обращены прежде всего к вам самим.

Ученик. Ну, хорошо. А скажите, разве в прошлом году не было объявлено социальное соревнование по училищу? Лучшие группы должны были ехать по ленинским местам. Другие группы поехали, а мы почему-то нет. Почему?

Зам. директора по учебно-воспитательной работе. Но вам же объяснили, ребята, на всех не хватило денег.

Ученик. Именно на нас и не хватило?

Ученик. Никто нам ничего не объяснял.

Директор училища. Вообще-то ребята правы. Когда я стал директором училища, я предупредил педколлектив: нужно быть осторожными со словами обещаний. Если мы решили: лучшие группы едут по ленинским местам — значит, для этого нужно было изыскать средства во что бы то ни стало.

АЛЪТЕР

Стенограмма классного собрания СГПТУ с авторским комментарием

уроки, не являешься на практику, не подстригаешься, грубишь мастеру, учителям. Как ты сам думаешь, какого наказания ты заслуживаешь?

Ученик. Ну... не знаю... Я сознаю, конечно... А все равно не имеете права...

Председатель учкома. Вот! О правах вы научились говорить, а вот что вы знаете о своих обязанностях?! О том, что вы обязаны являться на уроки знаете? Что должны быть опрятны, аккуратны?

Директор училища. Я, в свою очередь, хотел бы спросить ребят: а что вообще вы знаете о своем мастере?

Старший мастер. Вы хотя бы знаете, что у него трудное семейное положение? И что когда он не смог пойти с вами в поход, у него тяжело болела жена? А потом болел ребенок?..

Ученик. Я хочу сказать по совести. Когда мы только пришли в училище, нам наш мастер понаравился. Он был с нами как-то на равных. Ну, а потом с походом этим... Нам хотелось пойти куда-нибудь вместе, посидеть у костра, объединиться как-то. Мастер пообещал и не сдержал своего слова. Ну, мы сначала думали, мало ли что. А спросить мастера о его жизни... ну, как нам спрашивать? Неудобно как-то. А потом он во второй раз обманул. В третий. Для начальства он всегда хороший: надо что-то сделать — он всегда первый, наша группа везде на затычки. Его, конечно, хвалили. А как же, группа на все готова, а требовать ничего не требует. Мы, если честно говорить, на наказания особенно не обижаемся. Бывает, и заслуживаем их. Мы на равнодушие к нам обижаемся.

Представитель горкома комсомола. Ну, а вы хоть раз, как комсомольцы, собрались вместе, поговорили о своих делах, о своих бедах и трудностях?

Ученик. А чего говорить без толку? Мы еще сначала жили-жили, вроде надеялись на что-то... а потом нам просто неинтересно как-то стало. Мы сами по себе, мастер сам по себе.

Зам. директора по учебно-воспитательной работе. Мне кажется, у нас есть некоторый перекосяк в сегодняшнем собрании. И вот в какую сторону. Вот

Иначе мы подрываем доверие к самой идее социального соревнования. Согласен, это наше упущение. Но тут были объективные причины — нехватка денег, и вы, ребята, должны понимать это. Вам все-таки не шесть-семь лет, а пятнадцать-шестнадцать.

Ученик. Да если б с нами по-человечески, мы бы тоже... А то мастер только кричать горазд. Получается, если что по вашей вине — тут всегда объективные причины, а в остальном только мы и виноваты...

Представитель горкома комсомола. Если уж речь зашла о таком высоком и принципиальном самосознании вашего класса, то вот что хотелось бы заметить. Я взяла ваш журнал, просмотрела текущую успеваемость. Первое, что меня заинтересовало, — военная подготовка. Ведь вы же будущие воины, наши защитники, дай, думаю, начну с этого. И что же? Минимальное количество четверок и пятерок. Ну, хорошо, думаю, может, у них хоть со специальной подготовкой дела идут хорошо. Я имею в виду занятия по вашей специальности. И что же? Чуть больше половины класса имеют положительную успеваемость, а остальные — троечники. Как же так?! Очень скоро вы станете автослесарями, шоферами, но с какими знаниями вы придете на предприятие? Как будете смотреть в глаза тем, с кем вам придется работать бок о бок? Этого вашего отношения к своей будущей профессии я просто не понимаю. И вот что я еще узнала с удивлением. Оказывается, ваша группа считается активной? Как это понимать?

Ученик. А чего там понимать... Когда надо, мы подаем в учком сведения. То провели, это...

Председатель учкома. Ребята, да как же вам не стыдно говорить такое?! Ведь сведения, по которым мы о вас судим, подаете вы сами, ваша комсомольская организация, ваш профорг, ваш культорг!

Директор училища. Да, сегодняшний разговор многое для нас открыл... И прежде всего то, что у вас, ребята, нет своего коллектива. Честно вам скажу — для меня это открытие. Открытие горькое.

Что нам теперь делать? Я думаю, будет вполне целесообразно расформировать вашу группу...

Ученики. Мы не хотим... Почему это?.. Вот так здорово!..

Директор училища. Да, вывод напрашивается один: группу необходимо расформировать. И чем скорей, тем лучше. Искусственно коллектив никогда не создается, коллектив рождается изнутри.

Мастер группы. Не буду скрывать, сегодняшнее собрание для меня — большое потрясение. Я просто не ожидал... Я потрясен... Никогда не думал, что вы, ребята, после того, сколько я для вас сделал... что вы отплатите такой черной неблагодарностью... Это у меня просто не укладывается в голове! Я не хочу сказать, что я во всем прав. Нет. Но не настолько же я вам... эх, да что там говорить. Ну, давайте поговорим о походах. Да, я обещал вам сходить в поход. И теперь понимаю, что был неправ, не сдержав слова. Но, честное слово, я никогда не думал, что для вас это так важно. Ну вы хоть раз подошли, сказали мне открыто, прямо, мол, то-то, то-то и то-то? У меня так получилось: когда я обещал пойти с вами, я не смог пойти по семейным обстоятельствам. А объяснить вам это... ну как вам объяснить, ведь тут нужны человеческие слова, а вы человеческий язык не понимаете! Я давно убедился: с вами по-человечески нельзя. Только поверишь вам, только доверишься — а вы, глядь, уж подвели. Не знаю, как у других, но меня вы столько раз выводили из себя, что никаких сил нет сдержаться... Подходишь к одному: почему не ходишь на занятия, почему не был на практике, почему то, почему это? — а он стоит и самодовольно-нахально улыбается...

что налицо главное — боль и тревога за свои дела, за свою жизнь. Именно поэтому я глубоко убеждена, что пришло время не расформировывать группу, а как раз наоборот — формировать ее. Формировать коллектив.

После собрания, затянувшегося до глубокого вечера, учителя не могли сразу разойтись по домам. Чувствовалась общая растерянность. Впрочем, не только растерянность, не только подавленность от всего услышанного и сказанного застыли в их глазах, но и грусть, и душевная боль, и даже чувство стыда. Такие глаза обычно встречаются у родителей, которые до какой-то определенной, роковой минуты уверяют себя, что их дети самые лучшие, самые послушные, самые надежные. И вдруг выясняется... Хотя, надо сказать, не на всех лицах можно прочесть раскаяние, боль и растерянность. Некоторые глаза смотрели враждебно, настороженно, агрессивно.

— И теперь, конечно, вы про все это напишете, и нас, конечно, сами понимаете... Так?

Этот вопрос задали как раз такие глаза. Значит, сам по себе разговор ни к какому серьезному размышлению не подтолкнул. Здесь звучало только откровенное беспокойство за себя, за свою служебную карьеру. А где же беспокойство за судьбу ребят, за то, что между учениками и учителями нет главного — взаимопонимания, за то, что педколлектив потерпел сегодня жестокое поражение перед лицом открывшейся истины? А это действительно так, потому что сила или слабость ребячьих коллективов — это как бы лакмусовая бумажка работы педколлективов: ведь ученик — зеркало учителя.

Георгий БАЖЕНОВ, специальный корреспондент «Смены»

НАТИВА

Ученик. Ну, мы и не говорим, что мы всегда хорошие...

Мастер группы. Вот сейчас-то вы хорошие... А посмотреть на вас в другое время... Ведь отцы, матери ваши приходят ко мне, умоляют: сделайте все что угодно, примите какие угодно меры — только поставьте моего сына на путь истинный. Иные матери, у кого нет мужей, со слезами просят: «Будьте ему за отца! Будьте с ним пожестче! Построже!» И ведь, честное слово, иной раз не удержишься... целый день с ними бьешься-колотись, а они... Коллектив? Да какой вы коллектив — вы просто болтуны и больше никто.

Ученик. Мы, конечно, не так чтобы уж совсем мастера не признаем. Мы и сами хороши бываем. Это правда. Но получается, он нам не верит, а мы ему не верим... Директор сейчас сказал: разогнать нас. А мы не хотим. Почему это нас расформировывать? Мы хотим быть вместе...

Директор училища. А для чего вам быть вместе?

Ученик. Мы, конечно, согласны, никакой интересной жизни у нас нет. И я предлагаю так, хотя бы для начала. Пропустил, например, урок — ребята сами вызывают тебя на бюро, на собрание. Пришла в голову идея — поделись со всеми, можно обсудить с мастером. Но только честно чтоб, по-настоящему, не боясь никого... А то начнется опять...

Ученики. Правильно он говорит... Мы согласны... Сами будем раскачивать свою жизнь...

Председатель учкома. Так или иначе, а все мы пришли в конце концов к одному: к разговору об ответственности каждого из нас за свои дела. Сегодня мы поняли, что коллектив в вашем классе нет, а коллектив должен быть. Так? Так. И это самое главное, о чем мы теперь должны задуматься...

Представитель горкома комсомола. Я вполне согласна с теми, кто сегодня упрекнул комсомольцев группы в пассивности. Я думаю, молодежь не должна так жить. Да и не может так жить. Директор училища предложил расформировать вашу группу. Не думаю, что это будет выход из положения. Я уверена, сила для сплочения в ребятах есть, потому

что мне было ответить на заданный вопрос? Дело в том, что классное собрание началось с одним непреклонным условием — говорить только правду, ничего не стесняясь и ни о чем не умалчивая, потому что важен именно ход разговора, важны общие проблемы, которые могут открыться через этот разговор. И вот разговор состоялся. Назвать фамилии учителей и учеников значит свести разговор к частному случаю, а кроме того, не сдержат обещанного слова: не злоупотреблять доверием классного собрания, не сводить его суть к стремлению кого-то наказать, а кого-то оправдать. Нет, главное все-таки не в этом.

Главное — поговорить, разобраться, понять общие проблемы.

Из-за чего, собственно, разгорелся весь сыр-бор? В общем-то из-за обыкновенного и такого понятного желания мальчишек сходить в поход. Можно было бы, конечно, высмеять 15—16-летних ребят, которые сами не могут организовать простейший поход и пишут в Москву жалобные письма. По большому счету они, пожалуй, этого и заслуживают. Но здесь есть и другая сторона медали. Представим себе начало учебного года, знакомство мастера с учениками. В классе взаимное волнение, взаимное ожидание и любопытство. И не кто-то, а именно мастер в этот первый, такой важный для всех день обещает ребятам многодневный поход. Конечно же, ребята могут пойти в поход сами, но они ждут, надеются и верят, что мастер сдержит свое слово и что они вот-вот отправятся не в простой, а в многодневный и сложный поход. Оказалось только, что для мастера это было не слово, а красное словцо — щегольнул красивым обещанием и забыл о нем. Вернее, не столько даже забыл, сколько упорно старался забыть. Думаете, всю эту оскорбительную и живую ситуацию не почувствовали ученики? Именно они-то и почувствовали острей других, потому что для юной души старинная русская поговорка: «Не давши слово — крепись, а давши — держись...» — святая вещь. Мелочи? А вы продлите их во времени и сразу поймете, что

последующие осложнения в жизни класса и это горькое разочарование в мастере — явления одного ряда.

Кстати, за день до классного собрания я встретился с мастерами училища. Это были разные люди, с разным опытом, с разными взглядами на жизнь. Но что меня удивило — это их общее убеждение: тут не то что одного, тут двух мастеров мало на эти сорвиголовы. Я почувствовал, это было выношенное убеждение, тут было что-то даже от своеобразной философии. И фундаментом этой философии — железная дисциплина. Да, главное, что необходимо, на их взгляд, в работе с подростками, — это дисциплина. Не любовь, не доверие, не взаимопонимание, а именно дисциплина. Кто послушен, кто пострижен, кто вежлив, те хороши. Ну, а другие? Может, стоит все-таки сначала понять их, разобраться в их характерах, найти ключ к их душе, прежде чем работать с ними, тем более воспитывать? Вежливая, ироническая улыбка мастеров: их у нас не один десяток, если с каждым возиться, то... Точно так же и на этом собрании: кто бы что ни говорил из учителей, заметно явное стремление взрослых по любому поводу одергивать учеников, ставить их, как говорится, на свое место, из-за пустяка читать мораль. Острое ощущение человека со стороны — ребятам не доверяют, не верят им, не верят в них. Опекают, оберегают, предостерегают, наказывают, но только не доверяют. И вот на собрании открывается, что учителя еще ни разу не слышали от ребят открытого слова, чтобы шло оно от души, глубоко выношенное. И учителя как бы не хотят верить в это. Это их удивляет. Поражает. Возмущает. И они упорно стараются вогнать создавшуюся ситуацию в привычные рамки: подчинить волю ребят своей воле. И тут выясняется, что для глубинно-искреннего разговора нет главного — взаимного доверия. Оно утеряно, расплескано по капле с первого дня рождения мальчишеского коллектива.

Не раз и не два пришлось мне разговаривать с директором училища о возникших перед педколлективом проблемах. Конечно, нигде, ни в одном учебном заведении не могут до конца научить сложнейшему искусству работы с учениками. И главным помощником здесь может быть только одно — любовь к детям. Там, где не хватает искренней и терпеливой любви, где она подменяется чем угодно — долгом, самолюбием, строгой дисциплиной или пустыми обещаниями, там не жди инициативы ребят. А ведь самое печальное, что постепенно произошло с ребятами, — вкрапление в их сердца равнодушия и к хорошему слову и к хорошему делу. Попробуйте теперь зажечь их идеей пойти в поход хотя бы на день, на два, вообще предложите им любое живое дело — тусклые глаза, равнодушные лица. Когда-то их вела за собой надежда жить полно и интересно (ведь новый этап в жизни — это всегда большая надежда), и они свято верили, что взрослым действительно есть до них дело, а теперь они твердо знают (они признавались мне в этом в разговоре с глазу на глаз), что взрослые пообещают тебе все что угодно, лишь бы добиться своего, а потом сделают вид, будто ничего никогда не обещали, да еще тебя же и обвинят во всех грехах.

Очень больно переживает директор училища, что ребята не смогли поехать по ленинским местам, хотя и заслужили это. И в искренность его чувства веришь, потому что душа его болеет главным — любовью к ученикам. И все-таки... обещание дано — обещание не выполняется. Нарушена главная этическая заповедь педагога: не обмань ученика. По крохам происходит становление личности, по крохам эта личность и разрушается. Если не первое, то второе. Иной альтернативы нет.

Так какие же сегодня перед нами ребята?

Скажу прямо: грустно что-то на них смотреть. Призывы призывами, справедливые слова справедливыми словами, а как-то не очень видишь по их глазам, что они верят в перемены в своей жизни. Да и письмо-то написано на авось — не верил автор, что кто-то может заинтересоваться их жизнью.

Впрочем, так ли уж ко всему равнодушны ребята? Оказывается, им дорого главное — то, что они все вместе, что они какой-никакой, а коллектив, и расставаться им не хочется.

Потому что друг другу они верят, знают друг друга, потому что даже в своей беде — жить жизнью, которая по-настоящему никого не волнует и не интересует, — они породнились.

Оказывается, вот что делает людей родными: взаимопонимание и доверие друг к другу, общность интересов, общность жизни.

А пока... Трудно ученикам. Трудно учителям. А выход один — искать дорогу друг к другу. И очень хочется верить, что эта дорога уже мостится...

ИЩЕЛЕННИЕ

Юрий НАГИБИН

Фото Василия МИШИНА и Вадима ОПАЛИНА

СЕРДЦА

Нечерноземье дождалось своего часа. Вспомнили, что негучные его почвы — подзолы, болота, сероземы — неплохо кормили россиян в старые времена. И обителям срединной Руси самое место у печи, где румянятся русский каравай. Для меня, коренного уроженца Москвы, обжившего еще в детстве Подмоскovie и Рязанщину, освоившего в зрелую пору в качестве мест часто и длительного проживания Владимирщину, Ярославщину, древнюю Тверскую землю, Псковщину, Новгородщину и Ленинград с округами, нынешний экономический сдвиг, приведший к возрастанию роли Черноземья в народном хозяйстве страны, исполнен особого, душевного, глубоко личного смысла. На этой земле сделал я свои первые шаги, здесь пятьдесят с лишним лет назад мать впервые показала и назвала мне дерево. Здесь я узнал имена трав, цветов, птиц, насекомых, зверей, здесь любил и дружил, исполнял литературного рвения и набирался опыта, столбенел перед тайнами мироздания и тпился разгадать их, здесь рыбачил, охотился, собирал дары земли, знал радость, перемогал горе и потери, в эту землю опускал тех, кого любил больше всего на свете. Я не могу повторить вслед за поэтом, что «люблю мою грешную землю, потому что иной не видал». Видал и перевидал: все континенты и все океаны. И люблю я эти чужие пространства, моря, горы, долины, города и тоскую по ним и всегда готов к новому броску в неизвестное. Но самым прекрасным во всех путешествиях остается возвращение на тихий зеленый берег Десны подмосковной, где находится мое жилье.

Недавно я просматривал свои записные книжки, и нежно вспомнились любимые места: Мещера, Плещеево озеро, Максатиха и Оршанские мхи, Пушкинские горы. Быть может, и читатель найдет что-то для себя в этих разрозненных записях...

МЕЩЕРА

На первой в жизни охоте... Из Ефремова московской стороны в Подсвятые-мещерской нас перевозила старуха с волчанкой, изъевшей ей все лицо будто ожогами, уничтожившей брови и ресницы. При этом у нее стан, как у молодой женщины, и красивые, стройные ноги. Она легко вела челнок по крупной, захлестывающей за борт волне. Как я впоследствии убедился, Пра — беспокойная река.

На рязанской стороне, в хуторке, связанном весьма тонкими нитями с каким-то колхозом, стоит дом ее зятя, Анатолия Ивановича. Он потерял на войне ногу, но своей одной ногой куда увереннее ступает по земле, нежели многие его земляки двумя. Сжимая железными руками костыли, он дендешской мотается по болотам и озерам, охотится, ботаает рыбу, а дома плотничает и столярит. Старуха обещала, что он поедет с нами егерем.

(Мог ли я думать, что неизвестный инвалид на многие годы станет самым моим близким другом и главным героем мещерских рассказов?)

Охота начиналась тяжело. Намерзнув на вечерней зорьке — хоть бы один чирок подсел к нашим чучелам и подсадной, — я был в отчаянии от предстоящей ночевки в челноках. Мне было так знобко, так худо, что я отважился на робкий протест, когда мои железные, неумолимые спутники загнали челноки в осоку, объявив неверную, колеблющуюся зыбь островом для стоянки. Они сжалились, и мы взяли путь к берегу. Двигались узким, длинным коридором между рядами камышей и вдруг увидели в конце коридора рубиновую точку.

На берегу под дубом горел костер. Вокруг него разместилось десятка полтора охотников. Они подбрасывали в костер сучья, какие-то доски с ржавыми гвоздями, ветки можжевельника, сухую траву, горящую с потрескиванием, как порох. На деревянной скамейке невозмутимо-величественный сидел генерал в полной форме, только без орденов. Плясал огонь на широких золотых погонах с крупными звездами, сверкали пуговицы кителя и золоченый шнур на околыше фуражки. Он сделал лишь одну уступку месту — прикрыл шею от комаров носовым платком, засунув его под фуражку, что придавало ему сходство с бедуином. Всю ночь происдел он у костра, храня достоинство формы и погон, победив усталость и сон, а утром отплыл в свой шалашик, такой же прямой и нестигаемый.

И вообще этот отставной генерал был хорош. Он рассказывал разные истории и каждую непременно доводил до конца, независимо от того, слушали его или нет. Выяснилось, что он участник гражданской войны, затем был где-то начальником милиции, потом снова воевал. Он рассказывал о панике в конском табуне и о том, как на него напали волки, об охоте на изюбра, о волжских «осетровых» браконьерах и о борьбе с ними. Я ему завидовал: он принадлежал к тем людям, которые досконально знают все, о чем говорят...

На рассвете я сидел в шалашике, дрожа от холода, и до боли в глазах палился на темную, уютную воду, на которой кочкой чернела подсадная и вертелись деревянные чучела, двоямые ситой. Подсадная казалась искусственной, так была недвижима, зато чучела резвились, как живые, и все время сбивали меня с толку. Затем возле подсадной возник еще один утиный сидует, но это было настолько неожиданно и странно, что, конечно, я не признал в нем желанной цели и опоздал с выстрелом.

Потом, после часов мучительного ожидания, когда за спиной все ширилась желтая полоса зари, воды коснулся чирок и тут же понесся в сторону. Я выстрелил в пустоту, и отдача этого бездарного выстрела была не только в плече, но и в сердце. Какой из меня охотник!..

Когда же мы наконец отплыли домой, возле причала случилось чудо. Высоко впереди возникли две кряквы,

или, как тут говорят, матерки. Они шли над кромкой берега и вдруг, неведь с чего, повернули прямо на нас. Я прицелился, нажал на спусковой крючок, но, конечно, забыл спустить предохранитель. Птицы метнулись в сторону, я неуклюже повернулся, скрутив большую спину, и наугад выстрелил. Не прекращая работать крыльями, одна из крякв косо пошла к воде и не села, а как-то плохулась на волну.

— Есть! — сказал, одноногий егерь, и, хотя он принадлежит к породе ничему не удивляющихся людей, в голосе его прозвучало нечто вроде удивления.

(Эта первая утка запомнилась, как первая любовь, как первый опубликованный рассказ. С нее началась долгая, упоительная, незабываемая жизнь. И как же просто прекратил я охоту, когда понял, что в нынешнем оскудении природы веритья «древнейшему человеческому инстинкту» достойно презрения.)

ПОДМОСКОВЬЕ

Я долго стоял на бутре, под елями, над широкой просекой, переходившей в поляну, и тпечно ждал знакомого мне по собственным рассказам, но никогда не слышанного вживе прокашливания вальдшнепа.

Я уже двинулся домой, и тут мне повстрчался какой-то парень в жестком картузе, с двустволкой на плече. Он стрелял дроздов. Паренек показал мне настоящее место, на самой опушке. «Они тянут через развилку в чернолесье», — сказал он. Я пошел туда, спугнув двух-трех жирных дроздов, и стал под березками. Минут через пять, не поверив собственным ушам, я услышал такое отчетливое, громкое, такое буквальное «хорх», будто его произносил человек.

Оглянулся и сразу увидел вальдшнепа. Как и все куликовье, он казался в полете куда больше, чем на самом деле, и летел он быстрее, чем я ожидал. Плохо прицелившись, я выстрелил. Он продолжал лететь и скрылся за деревьями. Но все, что может дать охота, и испытал.

Божественная осень, какой не было с довоенной поры. Все горит золотом. Березы нежно и сильно желты днем, тепло, в розоватость — в предвечернюю пору. Свежезелена ольха, осины обтрясли почти все свои красноватые листочки, зелены кусты, лозник и огромные ветлы над Десной, их зелень чуть припудрена серебристым пеплом. Приглядишься — зеленого вроде бы хватает, а вокруг все желто.

Когда я подошел к окну, воробьи разом вспорхнули с фанерки, успанной пшеном. Какой-то миг они просуществовали в воздухе черной, трепещущей тучкой и исчезли. С фанерки, подвизанной к березовому суку, осыпались золотые крупинки.

Я оглянул сад. Слева, у крыльца, могучая, старая ель от-нижних, развалистых лап до острровершка была усыпана красивыми, неведомыми в наших местах птичками. Одни, раздув грудное оперение нежно-сиреневого цвета, утопили в нем головки, другие, свесившись с веток в ловкой манере акробата-поползны, похвалялись изящными

оранжевыми сюртучками, третьи, гомозясь возле ствола, посверкивали янтарными спинками; одна птичка чистила о кору носик, сама невидимая в хвое, она показывала лишь темно-бархатные щечки, другая, устроившись на самой верхушке, горела фазаньим многоцветьем. И я странно долго верил этому райскому нашествию на бедный наш сад, пока не понял вдруг, что виной тому закатное солнце, упершееся в ель своими медными лучами. Это оно так сказочно расцветило воробьев, перелетевших на ель с кормушки.

ПО ДОРОГЕ К ШЕРЕЯСЛАВЛЮ

Долгая, долгая майская зоря. Горизонт окрасился розовым, розовое растекалось все шире, затем высветилось небо, а луна стала белой, как снежок. Распустилось утро, а солнца все не было. Но вот озарились с исподу лиловые облака, и над дальним городищем ослепительно засияла дужка солнца. Затем оно на глазах, буквально на глазах, стало всплывать высь.

Эта затянущая свой приход весна спутала все «расчеты» у животных, у растений, у рыб, у человека. Такая путаница, что все очумели. Плотва-лудянка начала икриться прямо на лед, примерзший ко дну. Когда же лед неожиданно поднялся, а снег на берегу стал яростно таять, образуя ручьи и водоемы во всех впадинах земли, щуки ринулись на икромет в канаву вдоль железной дороги. Нестойкие протоки обмелели раньше, чем щуки отметались, так что многие рыбины оказались отрезанными от Плещеева озера, и браконьеры брали их чуть не голыми руками. То же случилось с язями, попавшими в плен к маленькому болотцу.

А с плотвой-грязнухой вообще непонятно. Настоящего хода ее так и не было. Лишь в одном месте озера, неподалеку от устья реки, в жидком камыше стали попадаться зеркально-гладкие, уже пустые самки. А терки не было слышно в этом году, прибрежная треста скудно молчала.

Деревья не распускались до середины мая, так и простояли голые, с набухшими почками. До чего осторожен растительный мир — он не поверил теплу ранних майских дней, не отдал зелени, и верно: целую неделю длились заморозки, даже снег выпал...

ПОДМОСКОВЬЕ

Мое ружье застряло в ремонте — ослаб предохранитель. Я одолжил у соседа одностволку и пошел в ближний лес на тягу.

Лес в полном смысле звенел. Я плохо знал голоса птиц. Я узнавал лишь тонкий, острый свист синиц, странное кладанье дроздов, гортанные, тревожные переключки сорок, другие, самые нежные, самые мелодичные голоса оставались мне неведомы, хотя порой я видел исполнителей. Стройная, изящная птичка сидела на верхушке

молодой ели, на светлом, вертикальном побеге, и заливалась так самозабвенно, что подпустила меня вплотную. А когда наконец заметила меня, то перелетела на соседнюю елку, опять на самую маковку, и продолжала с той же ноты, на которой я прервал ее.

Когда я подошел к заветному месту, солнце достигло горизонта. Всю свою последнюю силу оно отдавало земле, покрыв ее горячим розовым золотом. А небо, по-дневному голубое, в чистых, белых, прозрачных облачках, питалось каким-то своим светом. Когда я уже стоял в засаде, солнце село, земля накрылась спокойной, тихой тенью, а облака загорелись золотым и малиновым от невидимого солнца.

Я постоял немного, потом переменял место, миновав по пути глубокую балку, наполненную будто лиловым дымом. То был растворенный в низинном, вечерне-влажном воздухе отсвет лиловатых веточек ольшаника, уселенных набухшими почками. Из чащобы кустов, покрывших две балки, вырвались и прошли низом два витютня с такими обтекаемыми, стремительными телами, что они казались не живыми созданиями, а крошечными реактивными самолетами.

Воздух над озерком тошно душен. Среди деревьев в мелкой воде словно пала ластва золотится. Егеря подтянул веслом к челноку такой вот «пальный лист», а оказался дохлый карась, золотой от гнилости. Зимой тут была запрещена рыбная ловля, и рыба задыхалась подо льдом из-за нехватки кислорода. Когда лед сошел, все озерко оказалось в окоме дохлой рыбы: караси, карпы... Вот к чему приводит игра в охрану природы вместо делового, умного обережения...

ОРШАНСКИЕ МХИ

Был на прекрасной охоте в Калининской области. Надо ехать до Кзыр, затем пятьдесят километров в сторону — до Красных выселок. Здесь находится база показательного охотхозяйства Росохотсоюза, гостиница, утиный заказник, загон с дикими кабанями, другой — с оленями, гараж и разные хозяйственные постройки. Отсюда мы двинулись грузовиком-вездеходом по чудовищным колдобинам и лужам на Лугино, где находится что-то вроде перевалочного пункта. Дальше шли пешком по мягкой, проминающейся земле вдоль узкой, заливной, зарос-

волосы на крепкой голове светлые, редковатые. Очень моложав, хотя ему под пятьдесят. У него две дочери институт окончили, в Калининские жена, дом, хозяйство, а он пропадает на озерах, любит бродяжью жизнь. Появился он очень картинно: сперва вбежал великолепный дратхар, стуча лапами, припадая к полу и разбрызгивая липучую слюну. Затем донесся зычный, переливистый баритон: «Тубо! Куш, Фингал!» — и в перезвоне металлических колечек охотничьей сбруи появился сам егеря: рубашка-ковбойка, на брючном ремне плетка до полу, на другом боку ягдташ, за спиной ружье в жестком чехле, пояс-патронташ туго обхватывал тонкую талию. Я с замиранием подумал: вот истинный знаток своего дела, бог охоты!.. В жизни все оказывается сложнее. Этот егеря при всей романтичности облика и судьбы вовсе не мастер-профессионал, а жалкий любитель с авантюристическим душком. Это обнаружилось на первой же охоте. Он все время терял собаку, не мог заставить ее искать подстреленную дичь, не мог подозвать толком, путал липовую стойку с настоящей, вообще производил жалкое и растерянное впечатление. Собаку он, несомненно, испортил. У Фингала совершенный экстерьер, божественное чутье, отличная стойка,

почти мальчик, был самолюбиво заинтересован в провале Фингала, ибо держал в деревне спаниеля и уверял, что тот нисколько не уступает лягшам.

Один Фингал чисто и прекрасно служил своему сердцу.

Фингал быстро находил наброды и делал стойку над густо пахнущим местом недавней кормежки тетеревов, уже забравшихся в крепь, откуда их не вытянешь никакой силой. Большинство ушло во мхи, но и в лесу оставалось несколько косачей с самками. Наши егеря чуть не наступили на такую пару. Тетерева ушли под прикрытием чащи, а егеря даром потратили порох.

Место впрямь моховое. Но почему оно называется Оршанские мхи, никто мне объяснить не смог.

ПОДМОСКОВЬЕ

В серый, печальный день пошел на лыжах к обычному месту за лесной просекой и молодой лесопосадкой, к излучине той загадочной, стоячей, черной, красивой и нездоровой речушки, о которой до сих пор неизвестно: Десна это или какой-то ее приток. В эту речушку стекают фабричные отходы, поэтому она долго не замерзает. Но сейчас и ее сковало льдом и присыпало снегом. Лишь в одном месте

МЕЩЕРА

Мы с Анатолием Ивановичем поехали охотиться на озерко, но не на то, дальше, где были прошлый год, а на ближнее — Петраково. Перетаскивали лодку через отмель, долго плыли поноводной протокой, затем оказались на широком разливе. Я думал, что это и есть озерко, но Анатолий Иванович сказал: «До озерка еще далеко, это болото». Так здесь называют весенний разлив воды по заболоченной низине.

Кругом творилось неописуемое: надрылались перепела, посвистывали чирки, адалеке затрубили журавли, и так нежно, прекрасно было посреди любовно озвученного весеннего царства!

Но охота обманула. На зорьке я подстрелил лишь одного чирка-свистунка. Потом, часов в семь, уже в дождь, мы переменили место, раскидали чучела и елва заехали в шалаш, как метрах в ста на чистое сел матерьял селезень. Подсадная чего-то выжидала, затем издала первое кутряное, таинственное, глубокое «кря». Селезень сразу поднялся и перелетел к ней. Сложив крылья и гордо выгнув медную шею, он будто не своей силой двинулся к подсадной. Я понял, что не могу стрелять, и опустил ружье.

— Надо стрелять, — со вздохом сказал Анатолий Иванович. — А то она работать не будет.

шей протоки километра два до канала. Отсюда лодкой на моторе, а где и с помощью шеста еще километров восемь. Одолели бобриную плотину; за лозняком — здоровенная бобринная изба. Старые бобры построили эту избу и отдали молодым, а себе стали строить новую.

Плыли мы ночью, высвечивая воду карманными фонариками. Раз-другой темными, округлыми, мягкими телами мелькнули у берега бобры. В глухой тьме добрались озерами — Петровским и Великим — до островной деревушки, где находится база охотхозяйства: большая изба-пятитенка, а при ней старичок для обслуживания приезжих охотников. Старичок то и дело ссылается на свою темноту, непросвещенность, но разговаривает прекрасным тургеневским языком, изрекая свифтовские сарказмы. Умница, хитрец, лентяй и неряха, он готовил ужасную уху и при этом с мнимым смирением приговаривал: «Может, не потрафил?» Он ленился даже послать уху, не говоря уже о спелых, о которых все время забывал, хотя они были под рукой. Он играл в доброго, рачительного хлопотуна, в заботливого, бескорыстного, благостного дедушку. Мне он на редкость пришелся по душе. Это был чудной и многослойный лесковский человек.

Приметен был и старший егеря с собакой. Чуть ниже среднего роста, почти квадратный, с втянутым животом и жестким, мускулистым телом;

Но он не приучен отыскивать подранков и совсем балдеет, когда от него это требуют, и, что куда хуже, делает стойку не только на дичь, но и на всякую «мелкую птичью сволочь», по выражению Ильи Ильфа. Он, бедный, в том нисколько не виноват, вся вина на романтическом бродяге, его хозяине.

Было и смешно и грустно, что огромное «показательное» охотхозяйство со всеми его службами, гостиницами, машинами, штатом егерей опирается в конечном счете на худые ребрышки пожилого Фингала. Какое серьезное, глубокое, озабоченное выражение было у него, когда мы слезли с телеги на опушке леса! И как легкомысленны, пусты, хитры и уклончивы были лица сопровождавших нас егерей! Фингал просто охотился, чуть неумело — не по своей вине, — но страстно, вдохновенно, неумоимо осуществлял свое назначение в жизни. Остальные тоже охотились, но при этом у каждого была и некая сверхзадача. Один егеря выслуживался перед охотоведом, чтобы подняться на ступеньку по служебной лестнице, хозяин Фингала маскировал свое неумение и делал вид, будто он один на белом свете может справиться с такой прекрасной, но трудной и опасной зверюгой, как Фингал. Еще один егеря, местный жигель, стремился лишь к тому, чтобы мы не разбили тетеревиный выводок. То ли он хранил тетеревов для собственной охоты, то ли для охотников-дикарей (здесь проходила граница угодий охотхозяйства). Еще один, совсем юный егеря,

подозрительная плешина: снега нет, а лед тонок, как пленка, и под ним ощущается жизнь темной воды.

Удивили меня краски, богатые и насыщенные даже в этот бессолнечный, хмурый денек. Березы почти красны, ольхи на береговой круче черны, ветлы желты и розовы, ели ярко-зелены, в соснах — стальной отлив. Сколько хожи на это место и всякий раз по-новому ему радуюсь. Какал неисчерпаемость в этом скудном пейзаже!

МАКСАТИХА

Совершил прекрасную поездку в «уездную Русь». Завлек меня туда мой старый товарищ по охоте В. С. Уваров, но по обыкновению спутал расстояния: он уверял, что всего-то нам пути семьдесят километров, оказалось — за двести пятьдесят. И это только машиной до Бежецка, родины Вячеслава Шишкова, а там еще по реке километров пятьдесят.

В Бежецке, при самом въезде в город, охотников поджидала на водополье моторная лодка, рассчитанная на семь человек, а нас набралось вдвое больше. Все ринулись в лодку, едва не потопив ее прямо у причала, и моторист наотрез отказался везти нас. На край он брал восьмерых, что при сильном ветре и крутой волне представляло немалый риск. После долгих переговоров мы покинули лодку, остальные пустились в опасный путь.

Я почти не следил за ходом нудной батальи, настолько занимало меня происходящее на берегу. Сюда с от-

ромной самодельной лодки две женщины и пять мужиков сгружали мешки, набитые речным луком. Женщины—колхозницы, мужики—складского обличья.

Хороша была эта веселая кутерьма, хороша и деловая отвага теток, собиравшихся махнуть со своим луком аж до самого Ленинграда.

С их лодкой, когда ее разгрузили, собрались в путь и мы. Лодочник, белобрысый симпатичный парень, согласился доставить нас на какой-нибудь необитаемый остров по пути на охотбазу, откуда нас неминуемо рано или поздно заберут. Сам он торопился засветло вернуться домой. Он потребовал лишь полкалитры бензина в смеси с автолом для заправки своей «Стрелы».

Отплыли на шесте, а не на моторе, который упорно не желал заводиться. Долго мы слушали мертвые всхлипы не принимающего горячего двигателя. Но, как и всегда бывает, на самом пределе человеческого терпения, за которым—безумие, мотор чихнул, взревел, и винт забурился в воду. Лодка поплыла вдоль растянувшегося по правому высокому берегу Бежецка.

Потом мы прошли под мостом, поте-

хитрая лиса уходила в воду, и пестерял ее след. А ночью лиса душила почему зря уток. Егеря нашел ее нору с двумя выходами и завалил камнями. Лиса задохлась в своем подземном логове. Похоже, старик жалел об этой дерзкой лисе, так ловко морочившей его гончака, но спасовавшей, как и все в природе, перед коварством человека.

Вскоре мы услышали шум мотора: это навстречу нам мчался на «Казанке» начальник охотбазы. В его моторку мы перегрузились с превеликим удовольствием.

К базе подойти не удалось из-за приблившегося к берегу льда. Мы высадились в стороне, против деревни Бежощи, и двинулись вверх по горбатому берегу, по его жидкой грязи, по жирной пашне, вязкой, как болото, через топкие ручьи, на, казалось, все отдаляющийся огонек охотничьего домика. И небо сперва стекляно зеленело, потом пасмурно притемнилось и, наконец, усеялось нездоровой сыпью мелких звезд. Идти становилось все тяжелее, у меня прихватывало сердце.

Переночевав на базе—Михайловские горы называется место,—мы отправились на моторке к месту назначения. Это лесной кордон в тридцати

Семью составляли красивые, малого росточка люди: муж, жена, мать жены, далеко не старая, легкая в движениях, семилетняя девочка и полутрагодювик. Они были похожи на последних представителей какого-то вымершего племени. Низенькие, стройные, с маленькими руками и ногами, золотоволосые, с нежной, чуть заветренной на щеках кожей, голубоглазые, с тихими, мелодичными голосами. Позже, за столом, хозяйка стала жаловаться на медведей, ужасно докучавших им прошлым летом. Повздорили они на огород ходить, даже тропку проложили.

— Каждое утро,—обиженным голосом рассказывала хозяйка,—прутся гуськом, дьяволы косопалые. Нахально так идут, будто знают, что их стрелять нельзя. Пасечка у нас была—разорили, мед сожрали. Овса мы немного посеяли—сожрали, просо—сожрали, ну, никакого сладу нет. Я раз не выдержала, схватила палку и давай медведя по заднице душить. Да разве его, черта гладкого, проймаешь? Оглянулся, носом дернул да пошел вразвалочку со двора...

Живут одиноко, с сообщением плохо. Разлив длится до июня месяца, а в

ряды Бежецк из виду и обрели громадное пространство воды. Это не озеро—вешний разлив реки и впадающих в нее ручьев. Из воды торчат кусты, деревья, сараи; вокруг по косогорам лепятся деревни с красными мертвыми церквями. Вода юнит ондатры, они плавают, ныряют, забиваются на ветви ползатонувших кустов, что-то жрут, помогая себе передними лапками. Они совсем не безвизны, эти крысы, они истребляют нелепых, слабых выхухолей, последних представителей древнего рода десманов. Кстати, мех выхухоля ценится много дороже ондатрино, и это преступление подселать ондатру к выхухолу, у которого нет сильных челюстей для самообороны. Но кто-то совершил сие смелое и новаторское вмешательство в дела природы, и не хватает духа признаться во вредной глупости.

Уже в надвигающихся сумерках мы пристали к плоскому, унылому, совершенно голому острову. На берегу стоял краснолицый, носатый старик в егерской фуражке и длинной, до земли плащ-палатке, нагруженной понизу глинистой грязью.

Неподалеку обнаружился его курень: шалашик, сложенный из веток, камней, глины, старых газет и консервных банок. Возле очага привязан отличный русский гончак. Этому егерю предстоит жить на острове все десять дней весенней охоты. Он уже заготовил шалашики в камышах и ждет гостей-охотников.

Старик рассказывал, как гонял лису его гончак, но взять не мог: умная и

километрах от Михайловских гор. Плыли долго, мотор «Москвич» тянет хорошо, если в лодке не больше двух-трех человек, а нас было пятеро. Снова шли мимо затопленных кустов, рощ, сараюшек, риг. Разлив широченный, а мы словно пробирались по узкому, извилистому коридору. Но так оно и было: мы все время держались русла узенькой Мологи, а когда теряли его, то тут же садились на мель.

Много уток, куликовых и всяких других птиц. День пасмурный, с прояснениями. На полпути зашли в Еськово за горючим. Здесь филиал охотбазы. На берегу мужики конопатили лодку, ловко и точно вбивая паклю в пазы деревянной лопаточкой. На костре медленно плавятся, превращаясь в жгуче-черное варено, комья смолы.

Гусь потоптал гуськом и оповестил о своей победе громким криком и всклопачами крыльев. Затем повторил салют, только еще громче и восторженнее. Вот так и должен происходить животворный акт любви, пусть гремят золотые трубы на всю вселенную.

Затем мы отправились дальше и часа через два зашли в тихую заводь, где стояли готовые и уютно узкие, длинные плоты. В глубине берега на площадке, отвоєванной у леса, виднелись постройки лесника.

Когда мы вошли в дом, плотовщики как раз кончали обедать. Стол был завален грудками рыбных костей, мослами, корками хлеба, огуречной мякотью. Уважительно попрощавшись с хозяевами, плотовщики нахлобучили шапки, подтянули ремни и двинулись в путь.

апреле—мае опасно плавать, того гляди льдинами затрет, ближе к июлю легко на мель сесть, а пешим строем—в топь забраться, откуда и не выберешься. Снабжения почти никакого, живут огородами, садиком и дарами леса. Но на это не жалуются, да и вообще не жалуются, разве что на медведей, так ведь в шутку. Какое-то не сознающее себя мужество, любовь друг к другу, открытая признань и окружающим, ко всему существу делают их жизнь легкой, даже радостной. И стыдно мне стало за наше городское ворчанье, пытье, приметливость к дощадным мелочам. Вот так-то надо жить!..

Днем весна вдруг повернула на зиму. Солнце стало луной за быстро бегущими облаками: идеально круглым, изжелта-зеленым, блестящим, но неослепляющим диском. Затем начался снегопад. Снежинки сыпались густо и вяло—большие, алакакие, подтаивающие на лету. Потом ударил холодный, жесткий ветер. Снежинки подсушились и стали больно жалить лицо.

А утром снег под деревьями был мокрым и напоминал постный сахар. Меня это обрадовало. В детстве я обожал постный сахар... С ветвей снег обтаивал, и сугробы были словно в оспенных знаках. Я думал: конец охоте. Ничуть не бывало. К вечеру вернулась весна, зимы уничтожила все следы зимней атаки, вновь закозыряла утки и потянула, хоркая, по просекам вальдшнепы с дровнями, утрямываясь лицами.

Сегодня в шесть утра пошел в лес. Совершил обычный круг: от высоковольтной линии к водокачке, затем через поле, лесом и снова на широкую просеку высоковольтной. Погода была хмурая, изредка падали крупные одинокие капли. Синие просветы появились, лишь когда я подходил к дому. Но было тепло, а часов с восьми даже жарко. Видел отдыхающее после утренней дойки стадо. Оно лежало в сумеречном березняке, неправдоподобное, даже пугающе тихое; овцы прижимались к коровам, продолжавшим и в дреме пережевывать свою жвачку. Пастух варил кулеш возле ручья, протекающего по дну балки. Вкусный дым просачивался сквозь орешник, и я сперва увидел этот дым, а много спустя обнаружил тихое, доброе стадо. Подошел бродил расседланный конь и пощипывал траву.

Пели соловьи, но третьим составом, ученики, что ли? Настоящего боя у них не получалось. И все равно они украшали утро...

Я шел лугами, старым, густейшим и высоченнейшим клеверцем, и про-

мок почти до пояса. Еще не истек май, а уже все расцвело на диво, листья деревьев приобрела зрелый летний вид, и подберезовики появились, чего у нас сроду в эту пору не бывало, давно отцвели яблони, отцветает сирень. А вот зверья никакого не встретил, не то что вчера, когда в конце просеки мелькнул замшевый лосенок, а перед самым моим носом дорогу перешел большой серый заяц, с желтишкой в пахах, и, присев на задние лапы, долго выгидал что-то впереди, не чуя меня, замершего за кустом. Вспугнутый—опять же не мною,—заяц повернулся и шмыгнул в кусты.

Напротив моей комнаты к березе прибита скворечня. Время от времени в круглом окошечке появляется голубка скворца, затем его шейка, часть туловища, и вдруг, как спущенный с тетины, он несется прямо в мое окно. Кажется, еще немного, и он врежется в стекло, но в последний миг он делает крутой вираж и пронесется мимо окна за угол дома. Сейчас он пролетел так кусочком хлеба в клюве и обронил этот кусочек. Зачем он вынес корм из гнезда?..

Вечером опять наблюдал несущегося прямо на мое окно скворца и понял закономерность его полета. Деревья и электрические провода оставляют ему для полета лишь этот узкий, с крутым поворотом коридор...

С утра работал, а в полдень пошел гулять. Было солнечно и ветрено. Я шел по просеке параллельно высоковольтной. Вокруг густой, душистый лес. Воздух жужжал мухами и какими-

то нежалящими, слабыми комарами. Орала кукушка, скрипели и носились над просекой дрозды, крупные, но еще не отъевшиеся после прилета из дальних стран. Я шел по заросшей колее и был счастлив, как и всегда в лесу, когда один.

Потом я оказался на широкой проселочной дороге, толсто накрытой мягкой розовой пылью. Ветер подымал пыль и дымком гнал на озимую рожь. Вдалеке на взгорбке пыль клубилась гуще и пышнее, и раз из розоватого облака выпорхнула стайка грачей и опустилась на край поля. Я стоял и думал: почему так смертно любишь все это — дорогу, пыль, грачей, зеленую траву, которая станет ржаным хлебом?

Я выходил из леса, когда увидел на земле, перед молодой елкой, толпу сорок и ворон. Они все кричали, подпрыгивали угрожающе, как будто играли самих себя в мультфильме. И вдруг я увидел, что весь этот «базар» неспроста. В центре крута скорчилась большая огненно-рыжая лисица. Мое появление вспугнуло стаю, птицы стали с шумом разлетаться. Обалдевшая от страха лисица очнулась, внимательно, задумчиво поглядела на меня и, выгнув хвост, метнулась в ельник. Вспыхнула раз-другой рыжей шубой и стинула.

МЕЩЕРА

В компании секретаря райкома партии, редактора районной газеты и заведующего сельхозотделом был в Мещере, но не на озере Великом, а на Чубуковском, что возле Мартына. По дороге к озеру говорили о будущем

Мещеры. Оказывается, Мещера из года в год теряет свое главное богатство — воду. Три самостоятельные мощные мелиоративные организации осушают этот водолубивый край, никак не соотнося, не координируя своих усилий. Но еще большая опасность грозит Мещере с другой стороны: зарастают озера. Одно крупное озеро уже перестало существовать, исчезло с карты, сейчас на очереди Чубуковское. Кто-то додумался для подкорма уток сеять дикий рис, и егеря широким жестом шадровского сеятеля раскидали рис по озерам. Оказалось, он обладает фантастической способностью к размножению и невероятной устойчивостью к уничтожению. Если так дальше пойдет, он выпьет всю мещерскую воду. Единственный способ борьбы с рисовой зарослью — выдерживать ее руками, с корнем, но для такой очистки не хватит всего населения края. Пока что лишь озеро Великое избежало порчи.

Секретарь райкома с горечью поведал, что до недавнего времени на полном серьезе обсуждался проект одного ученого, предложившего сделать из Мещеры с ее могучей естественной поглотительной системой подмосковную свалку. «Прекрасная» мысль, «замечательный» ученый!..

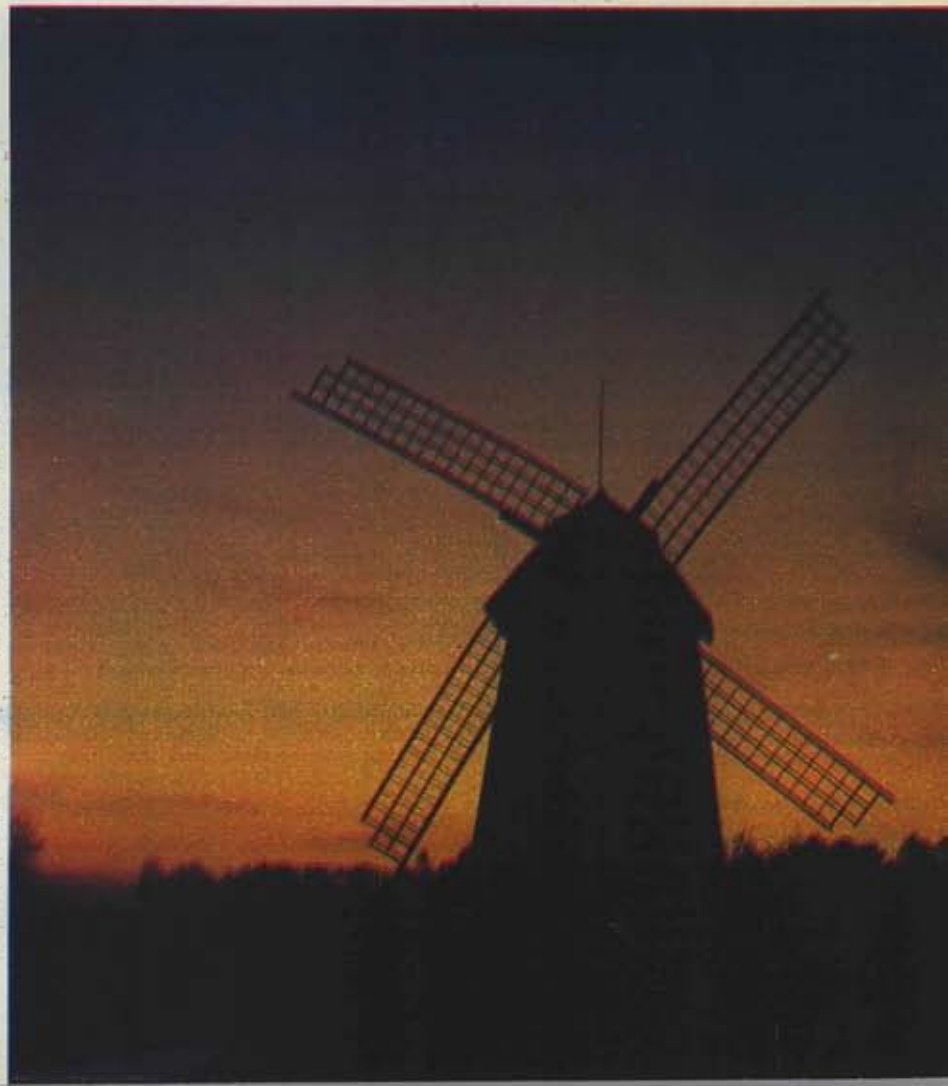
— Мещера должна стать курортной зоной, — уверенно заявил редактор газеты. — Тогда она будет давать государству миллионные прибыли.

Секретарь райкома поддержал его. Они долго, увлеченно, со знанием дела говорили о том, какой должна стать Мещера, чтобы сохранить свое неповторимое лицо...

Еще вовсю играл закат, когда появи-

лась большая, сдобная луна и стала против уходящего солнца. Впрочем, она не стояла на месте, а все время подымалась вверх, накаляясь розовым светом и увеличиваясь в объеме. Она очень отчетливо рисовалась не кругом, а шаром, густо-розовым, с синеватыми пятнами рельефа. Когда закат потух и остался едва приметный багрец за тучей, накрывшей горизонт, луна стала золотой и блестящей, и от нее в воду погрузился золотой столб. Опять же не полоса, а именно столб, колонна, нечто плотное, объемное, округлое. По мере того как луна подымалась, колонна все наращивалась и стала несказанно величественной, точно на портике храма Юпитера в Баальбеке. Но в какой-то миг, упущенный мною, когда она должна была подвести капитель под мой шалаш, вдруг резко сократилась и вскоре стала круглым пятком на воде: зеркальным отражением круглой лунной рожи. И наступил вечер.

ПОДМОСКОВЬЕ

Пошел в лес. Еще идучи полем, приметил тучу, вернее, некое притеменение в пасмурном небе, но не придал ему значения. А зашел подалее, чувствую—пропал. Даль задернулась не то белесым туманом, не то сеткой дождя, а весь лес просквозило страшным ветром. И желтые листья так и посыпались с деревьев. Я надеялся: ветер разгонит тучи. Какое там! Пригнал их навалом. И зарядил дождь, мощный, как из пожарного шланга. Я думал переждать его под березами, но с ветвей лило еще сильнее. И я пошел не торопясь по раскисшей глинистой дороге домой. И чего-то мне стало весело, радостно, счастливо. Я шел и смеялся, как последний дурак. А ведь это подошла осень...

Сегодня отправился в лес после недельного перерыва. Хорошо! Последнее золото деревьев, а за опушкой ярко зеленеют озимые. Старухи собирают черные грузди, выковыривая их из-под прелой листвы. Изредка попадаются красные мухоморы с плоскими крепкими шляпками. Повсюду валяются сшибленные грибочками сопливые, скользкие, хотя в лесу сухо, мокрухи еловые—отрада Солоухина. Пошел к моему дубу, он весь, до листика, облетел, а другие дубы сохранили наряд. Их густая, плотная медная листва дивно хороша под крепким осенним солнцем.

На днях шел на лыжах в березняке по ту сторону речки и вдруг услышал выстрел. Через некоторое время наткнулся на шофера из дома отдыха. У него за спиной висела двустволка, а на ремне—чирок-свистунок. Зазимовал подранок на нашей речке, ниже спуска нечистот, где и в морозы вода парится, совершил невероятный подвиг самосохранения, явил некое биологическое чудо и был застрелен в самый канун весны.

Апрельскому снегопаду приходится потрудиться, чтобы хоть узенькой камочкой украсить деревья. Хлопья падают густо и неустанно—большие, сцепленные из многих снежинок, но влажные и непрочные. Прикасаюсь к коре деревьев, уже набравшей живое весеннее тепло, они мгновенно исчезают—стаивают и неприметными струйками стекают вниз. Надо, чтобы снежинку, коснувшуюся ствола, тут же прикрыла вторая, третья, четвертая, часть этого комочка стает, но часть сохраняется белым мазочком на темной коре. Потребовалось около четырех часов неутомимого—голова кружилась при взгляде на окно—снегопада, чтобы тоненький бордюрик лег на толстых сучьях, чтобы белой пудрой присыпало горбинки серых, обросших сухой наледью сугробов.

Опять лето. Сегодня совершил путешествие вдоль нашей речки Десны, к ее истоку. До истока, разумеется, не добрался, но километров через десять—двенадцать дошел до места, где она становится ручейком. По дороге миновал несколько живописных деревьев, лежащих на холмах. По пути отдыхал в развилке громадных, толстых стволов старой-престарой ивы, склонившейся над водой. В мутноватой, освещенной солнцем воде ходят крупные верхоплавки: голавли и шельперы. Затем я вышел к другой, переломленной и полуспаленной молнией иве, усеянной грачами и сороками. При моем появлении они взлетели с громкими ругательствами. Сердцевины ивы выгорела до пол ее роста, но какая-то плоть дерева, видимо, сохранилась, коль ива все-таки не рухнула, хотя кажется, что она держится одной лишь корой. И крона спаленного дерева зелена, и даже один черный, мертвый сук, сук-головешка, пустил зеленый побег. Вот силаща!..

Каждый день хожу в лес. Боже, до чего же там хорошо! Лес полон птиц. Вчера впервые в жизни видел кукушку—она села на сук вяза, простершись над поляной, огляделась недоуменно и скрылась. Дятлы долбят кору железными носами, не обращая на меня никакого внимания, подпускают на расстояние вытянутой руки. Низом уносятся в чащу бурые коростыли. Уже поднялись на крыло молодые синицы и скворцы, под наблюдением родителей осваивают высший пилотаж. И кажется, что кто-то швыряет птичью молодь из лукошка пригоршнями на просеку. Изящные, сухопарые витютни то и дело провизывают лес стройным полетом стрелы. Еще я видел тетерку, сову, филина, чибица—он плакал над полем и перемещал черные и белые плоскости своего тела, а затем в полном отчаянии вдруг пал на травянистый выпот.

И все, что видишь, трогает до слез, до спазмы в горле. Соловая лошадь с густой гривой тащит воз с сеном. Колесо западает в колдобину, лошадь тужится, дергает раз и другой, подходит женщина в голубой юбке и розовой кофте, тянет лошадь за узду. Мужик что-то кричит с воза. Красиво напрягаясь в темных, потных пахах, лошадь выдергивает воз из колдобины. А во мне будто кто чужой взрыдывает, не от сочувствия к лошади—подумаешь, усилие для сытой, гладкой животины!—а от наслаждения древней и вечной правдой всех свершившихся только что движений.

ПУШКИНСКИЕ ГОРЫ

В Пушкинских горах исцеляется сердце. Как же тут хорошо, нежно и подлинно! Опять встречает нас хранитель этих мест Семен Семенович Гейченко, машет развевающимся рукавом рубахи, будто лебедь крылом,—младший брат андерсеновской принцессы, оставшийся на одно крыло лебедем. Опять заросший пруд в окружении высоченных мачтовых сосен, на их верхушках—гнезда голубых цапель, опять темная аллея Керн, опять тихий Маленец и плавающие на его глади непуганые дикие утки и жемчужно-зеленые, щемящие дали, в которые глядел Пушкин.

У входа в усадьбу поэта на комле обрубленного ствола старой ели уложено тележное колесо, и на нем удобно и широко обвисло аистное гнездо. В нем три аиста: папа, мама и дитя—почти одного роста с родителями, но с детским выражением долгоносого лица. Отец то и дело отправляется в недалекие странствия, а по возвращении, будто самолет, идущий на посадку, делает круг над гнездом и выбрасывает шасси длинных красных ног.

На берегу озера брился пастух. Он стоял на коленях, держа зеркальце перед собой и макал кисточку в озеро. Где-то кричала иволга. Метался крылом пустой рукав Гейченко, и медовым сладкозвучьем, столь характерным для здешних мест, звучали его речи о Пушкине, и воздух напрягался близостью чуда...

ПОДМОСКОВЬЕ

Опять осень треплет деревья, обрывает с них последнее тряпье листьев. И вдруг синь во все небо, а по утрам трава присолена утренником. Днем на клумбах горят астры и ноготки, трава дивно зелена, будто и не собирается умирать. Ветви усеяны синицами, чечетками, поползнями. Все, как прежде, и все по-новому. Вот чудо жизни: ничто в природе не приедается, не утомляет повторами, все как в первый раз, с годами даже пронзительнее и невыразимо прекраснее. И, может быть, стоит поверить траве, что смерти нет?..

Ким СЕЛИХОВ

"ОБОСТРЕННОЕ ЧУВСТВО РОДИНЫ!"

Размышления о рукописи М. К. ЛУКОНИНА

Э

то было год назад. Секретариат поручил Михаилу Луконину подготовить доклад на пленуме правления Союза писателей СССР. Была утверждена тема, предложенная Лукониным: «Поэзия и жизнь». На месяц он уехал в подмосковный Дом творчества писателей—Малеевку. Засел за письменный стол и начал работать. Когда закончил, сам удивился. Сто шестьдесят страниц текста, отпечатанного на машинке.

— Так уж получилось,—виновато говорил он товарищам в секретариате.—Раззудилось плечо, разошлась рука!

Да, это был не доклад, а новая книга, новое размышление Луконина о развитии советской многонациональной литературы 70-х годов, о ее

неразрывной связи с делами партии и народа. Своеобразное логическое продолжение книги «Товарищ поэзия», ее вторая часть.

Луконин радуется развитию советской поэзии 70-х годов. Он пишет: «Поэзия — в советском человеке, в его вдохновенном труде, в нашей коммунистической цели. Для этой неиссякаемой поэзии важно, как поэт представляет, насколько хорошо видит, открывает и передает ее, воспитывая в других чувство поэтического, поскольку поэт наделен больше других чуткостью и душевной зоркостью к поэтическому существу жизни. На какой же высоте должна быть советская поэзия, чтобы соответствовать уровню самой действительности и быть впереди читателей в видении и чувствовании этой поэзии?»

Луконин делает смелую попытку проанализировать состояние развития всех поэтических цехов многонациональной литературы нашей Родины, творческие особенности многих мастеров поэзии.

Поэт рассказывает, как много и плодотворно работают такие старейшины русской современной поэзии, как Николай Тихонов и Павел Антокольский, Алексей Сурков и Леонид Мартынов. Много страниц в его книге отводится размышлениям о творчестве тех, кого породила с ним Великая Отечественная война. Чувствуется, что Луконин внимательно следит за работой своих фронтовых товарищей, удивляется, почему же критики иногда обходят их стороной, вспоминают только ко Дню Победы или годовщинам Советской Армии. Он категорически не согласен, что их держат в одной обойме «поэтов войны», когда все они творчески разные, со своим видением мира и человека.

«Такое впечатление, что мы шли добровольно на войну для удобства критики,— с горечью пишет Луконин.— Хочется сказать: раскройте же скобки, мы поэты по одному, а не все сразу».

И он убеждает нас в правоте своей мысли, рассказывая о своем ощущении от поэзии товарищей по фронту. О поэзии Сергея Наровчатова, Сергея Орлова, Михаила Дудина, Бориса Слуцкого, Давида Самойлова, Якова Хелмского, Константина Ваншенкина, Евгения Винокурова и др.

Помню, как года два тому назад Луконин позвонил поздно ночью из Переделкина ко мне домой: — Читал новую книгу Сергея Орлова «Верность»? Еще нет? Так слушай, слушай!

И он начал читать стихи в прошлом боевого танкиста, поэта Сергея Орлова:

— Да, так и было. Встанешь с автоматом,
Кисет за пазуху — и на народ.

И говорилось: кто со мной, ребята?

И добавлялось: два шага вперед...

Откашлялся и продолжал дальше. Сначала громко, а потом тише и тише...

Строки этих стихов Михаил Луконин приводит и в своей новой работе. Именно они позволяют ему сделать вывод, что дают для молодежи поэты, прошедшие испытания войны, «в чем нравственные принципы и чистота души и уроки поэзии этого времени». И Луконин заключает: «Обостренное чувство Родины и чистота души, полная отдача интересам народа. Глубина переживаний — вот что передает новым поколениям детей поколение отцов».

Луконин высоко ценит поэзию Сергея Наровчатова. Как о серьезном событии литературной жизни, говорит он о его последней поэме «Василий Буслев». Для Луконина Сергей Наровчатов не только фронтовой друг, но прежде всего Поэт с большой буквы. «Именно жизненность — вот что отличает стихи Сергея Наровчатова...» «Он ищет во всем характерное, определяющее, он не только анализирует, он выявляет новые качества».

Говоря о творчестве Василия Федорова, Луконин вспоминает, какое огромное впечатление произвели на него такие первые поэтические работы, как поэмы «Проданная Венера» и «Золотая жылка». Уже тогда «можно было сказать, что в русскую поэзию пришел поэт необычайной лирико-эпической силы».

По-своему оценивает Луконин поэзию Василия Федорова за последние годы. Он считает его поэтом многоплановым, который любит писать характеры. Федоров, по его мнению, часто бывает запальчивым в лирической полемике, он явно тяготеет к лирическим миниатюрам, к стихам, где можно осмыслить крупные вопросы времени. «Но эта многообразность тяготеет к внутреннему стилевому единству, к активной, волевой поэтической форме, к синтезу,— пишет Луконин.— И здесь важно то, что Василий Федоров не уклоняется от животрепещущих

вопросов современности, а стремится поэтически их осмыслить, наполнить лирическую мысль живой образной плотью».

С большой теплотой он говорит в своей книге о поэзии Константина Симонова. Сила ее гражданской ответственности, идейной убежденности и лирической обаятельности имела определенное влияние и на творческую судьбу Михаила Луконина.

Он вспоминает, какое огромное впечатление произвело на него в дни войны стихотворение Симонова «Жди меня». В своей книге он вновь цитирует эти бессмертные строчки стихов. Как образец классического воплощения жизни в поэзию, а поэзии — в жизнь.

Луконин и Симонов были связаны не только творческой, но и личной дружбой. Началась она еще с довоенных лет в Литинституте. О первой встрече с Симоновым он рассказывал как-то своим спутникам в дороге:

— Первый раз в Москве... с трудом нашел Литинститут... Во дворе идет игра в волейбол. Смотрю — Симонов. Узнал по портретам в журналах. Он тогда уже был известным поэтом. Подал мяч — и в сетку. Я рассмеялся... Он заметил — и со злостью в голосе: «Нечего зубы скалить... Попробуй сам поддать...» Попробовал, получилось... Раз, второй. «В спорте, выдать, силен,— заключил он после матча... — А как в поэзии?» И тут же потребовал читать ему стихи...

Можно позавидовать дружбе поэтов-фронтовиков. Она не меняется долгие годы. Бескомпромиссная, немногоречивая дружба, требующая уважения и строгости как к своему творчеству, так и к творчеству товарищей. Луконин до конца был верен такой дружбе. Он никогда не кривил душой, если ему что-то не нравилось в поэзии даже у самых знаменитых и старших по возрасту коллег. В то же время он радовался любому творческому успеху товарищей по перу, как собственному. Недавно он говорил о последней книге Анатолия Софронова:

— У него давно голова белая... А стихи вдруг юностью запели, повеяло от них травами степными, дымком походного костра. Читаешь и радуешься, чувствуешь — к автору второе дыхание пришло...

Внимательно, я бы сказал, даже придирчиво следил Луконин за творческим процессом русских поэтов, поднятых силой своего таланта на гребень волны популярности в 50-е годы. Юность у многих из них прошла под громкие аплодисменты. Настала пора зрелости... Что они еще могут сказать людям? Здесь на большом поэтическом поле поэт видит и дружные всходы и сорняки. В своей книге он приводит примеры подлинно талантливых произведений Беллы Ахмадулиной, Андрея Вознесенского, Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко. Он утверждает, что это незаурядные и разные поэты, с ярко выраженными характерами, со своим темпераментом.

Говоря о поэзии Беллы Ахмадулиной, он пишет: «Удивительно жизненно. Есть какая-то всеобъемлющая доброта во всем этом и в отношении ко всему». «Строго, с громадным чувством выбора, не спеша работает Белла Ахмадулина. Зато это поэзия».

Об Андрее Вознесенском: «Вознесенский — истинный поэт, он ищет, он готов, вооруженный всеми возможными средствами выражения, для постижения действительности».

О Роберте Рождественском: «У него есть замечательное качество — он доходчив с первого взгляда. Можете подумать, что я осуждаю в нем это качество? Нет. Это замечательный дар для поэта — умение разговаривать так, чтобы тебя понимали, увлекать, вести за собой. Я считаю боевой работой его поэтическую публицистику, высоко ценю идейную определенность его поэзии».

О Евгении Евтушенко: «Лучшее, что он сделал, — достойные нашей поэзии, он поэт большого общественного темперамента».

Но не все принимает Луконин в поэзии упомянутых поэтов. Он, как строгий учитель, к таланту подходит с особой требовательностью, с особой пристрастностью. Он решительно выступает против поспешности, мельтешения в поэзии, против схематизма образов, отсутствия иногда глубины мышления и идейно четкой направленности. Луконин не поучает, а рассуждает, причем никому не навязывая своего мнения. Он говорит так, как чувствует поэзию его сердце.

С особой болью он пишет о таком явлении в современной поэзии, как серость и бездарность, которые нег-нет да пробивают себе тропинку на

страницах наших изданий. Явление не типичное, но существующее в реальной литературной жизни.

«У многих книг,— пишет Луконин,— коэффициент полезного действия, как у паровоза Стефенсона. Очень много стало поэтов-эгоистов, которые все удовольствие от своих стихов загребают себе, ничего не оставляя читателю».

Луконин глубоко знал и понимал поэзию братских народов нашей многонациональной Родины. И как поэт и как секретарь правления Союза писателей СССР он делал все, чтобы познакомиться не только русского, но и мирового читателя с богатством национальной литературы Страны Советов. В своей книге он рассказывает о развитии советской многонациональной поэзии в 70-е годы, раскрывает ее главные темы, связь поэзии братских народов и народностей с жизнью всего советского общества. В книге мы находим луконинские размышления о поэтической работе последних лет таких выдающихся поэтов нашего времени, как Мирзо Турсун-заде, Эдуардас Межелайтис, Мустай Карим, Петрусь Бровка, Максим Танк, Микола Бажан, Борис Олейник, Сильва Капутикян, Кайсын Кулиев, Давид Кугультинов. Здесь же строки и о Расуле Гамзатове.

...Они хорошо знали друг друга. Луконин высоко ценил поэзию Расула Гамзатова. В своей книге он пишет: «Расул Гамзатов — природный поэт, он весь принадлежит поэзии, как и она ему. Поэзия полностью выражает его, и он сам ничего не скрывает от поэзии. Вот почему они так полнокровны». Среди многих поэтических дарований Гамзатова Луконин особо выделяет юмор. «Юмор Расула не хохмы, не словесная изощренность остроумцев, которыми так щедро украшена наша литературная среда, нет, это совсем другое. Это юмор с улыбкой и с мыслью о жизни. Это юмор жизнелюбивого и мудрого народа, его острое словцо всегда имеет основу народного опыта. Поэтому он такой самобытный, свой, от его юмора светлеет на душе».

Луконин не раз бывал во всех братских республиках. Творчески сотрудничал и дружил со многими писателями. Поэт умел видеть не только широкую дорогу в многонациональной литературе, но и то, что подчас тормозит движение по ней.

В этой связи его беспокоит проблема перевода поэзии с национального языка на русский. В своей книге он решительно выступает за повышение качества перевода. По его мнению, поэт может переводить только поэт. Как известно, Луконин и сам активно занимался переводом казахской, грузинской, таджикской, азербайджанской поэзии. Радуясь за творческий подход к переводу с национальных языков, он в то же время требует того же при переводе русской поэзии на языки народов СССР. В этой связи он пишет: «Сегодня мы — поэты разных народов — лучше знаем друг друга, научились лучше понимать национальные особенности своих братьев, характерные черты поэтического мышления всех наций и народностей братских республик. Это общий процесс сближения социалистических наций. Сама жизненная практика ставит перед искусством перевода высокие требования».

Подходят последние страницы рукописи. И снова Луконин возвращается к вопросу о месте поэзии в нашей жизни. Его взгляд устремлен в будущее, его надежда — в молодой литературной смене. Говорит с ней, как равный с равным. Он убежден, что его поймут, ему поверят.

Когда Луконина избрали первым секретарем Московской писательской организации, он со всей присущей ему страстью включился в работу. В его кабинете всегда многолюдно. Здесь обсуждаются планы творческих секций, заключаются договора сотрудничества с рабочими коллективами промышленных предприятий Москвы.

Пришла пора отпусков. На некоторое время нам предстояло расстаться с Лукониным. Я отправлялся в Прибалтику, а он к себе на Волгу. Присели перед дорогой, задымили сигаретами. Луконин хмурил брови, злился непонятно на кого.

— А как же мне не злиться? — пояснил он. — Вторую повестку присылают. Я привык ходить в военкомат только добровольно, а тут повестка.

Помолчал немного и вдруг с хитринкой в повеселевших неожиданно глазах:

— Предлагают сняться с воинского учета. Дудки, не выйдет... Меня нельзя списать в запас. Я навсегда остаюсь в строю...

И он был прав. Солдат, коммунист, выдающийся поэт современности, Михаил Луконин навсегда останется в строю советской жизни и родной литературы.

I Мастера закончили расписывать московские палаты князя Владимира Андреевича, двоюродного брата московского великого князя Дмитрия Ивановича. Вот-вот должны вернуться с охоты братья и принять работу мастеров... Последний раз обходил палаты Феофан Грек со своим учеником Андреем Рублевым, только что закончившим трапезную. Феофан же расписывал гридницу, где на черное положил золото, строго и богато выказав предназначение палаты.

Андрей любовался узором учителя, похожим на скань; нравились ему и красные изразцы, которыми была отделана русская печь, сохранившаяся после пожара. Неизвестные гончары изобразили на изразцах разные картинки — штурм крепостных стен, где виднелись фигурки осаждающих на власях, и сценки на библейские сюжеты, и просто бытовые сценки из народной жизни, и причудливых чешуйчатых змей из сказов... В трапезной, куда выходила печь, Андрей расписал стены и потолок диковинными, похожими на папоротник листьями со свернутыми в улитку концами. Цвета были зеленовато-желтые и бледно-зеленые — позем; выше, к потолку, — зеленовато-оливковые тона как бы завершали цветовую прорись, создавая уют, делая хоромы нарядными и веселыми.

Феофан придирчиво рассматривал работу Андрея, хмурился и молчал. Давно уже Феофан присматривался к юноше: не в его правилах было делать скороспелые выводы. Инок Андроникова монастыря нравился Феофану. Высок, плечист, белокур. Вот только глаза удивляли: будто васильки, нежные и в то же время больно дерзкие, взгляд не монашеский, слишком смелый, открытый, хотя отрок по-мужски молчалив, уважителен. Вздыхая, Феофан размышлял о том, что и у монахов в последнее время как-то изменился облик: гордыня наперед, забывая стали о смирении... По всей Руси после победы на поле Куликовом распрямылся народ, почувал свою силу. Феофан понимал, что так и должно быть, и радовался за свою вторую родину, но он знал также, как нелегка жизнь, и что есть над всем этим бог, всевидящий и карающий, что нельзя предаваться блажи, ибо солнечный день вновь сменит ненастье... Человек, кто бы он ни был, должен помнить, что жизнь его — миг, щепотка, что ждет его высший суд. В этом Феофан видел свое предназначение на грешной земле: своею кистью напоминать людям о другой, суровой стороне жизни.

Чуял Феофан, что нет всего этого в иноке Андрее, и добрые слова настоятеля Троице-Сергиева монастыря отца Сергия Радонежского об Андрее принимал только разумом. «Молод еще», — подвел итог своим размышлениям Феофан и ничего не сказал Андрею, хотя и не по душе пришлось ему расписать трапезную.

II Терем удельного князя Владимира Андреевича Серпуховского поставлен на правом берегу Москвы-реки, на месте, именуемом Три горы. Отсюда не видно и не слышно большой Москвы с ее сегодняшним шумом-грохотом, с молодецкими возгласами рабочих людей, поднимающих белокаменные стены Кремля, строящих новые соборы и монастыри. «Сдумаша ставити город камен Москву, да еже умыслища, то сотворища. Тоеже зимы повезоша камене к городу», — вспоминает Андрей летописный текст, повествующий, как Дмитрий Иванович за один 1367 год поставил стены Кремля. Сегодня, спустя два десятка лет, стены укрепляют, строят новые, с башнями. Камень возят из села Мячково — белый, известковый. «Скоро и Андроников монастырь каменным станет», — думает Андрей. Хорош камень! На нем хоть ножом прориси делай и плыть можно! Хорошо замыслил отец Сергий — из камня монастыри и соборы ставить, чтобы огонь вражеский взять их не мог... Хитрый этот камень московский — пористый, а плотный, на морозе не разрушается. А состоит он из мелких обломков морских раковин — вот чудо! Сказывал отец Сергий, что встарь на этом месте море было...

Любит Андрей Москву. Еще с той поры, когда мальцом попал в нее... Было это давно, почти полтора десятка лет назад. Из своего детства он запомнил лишь пожар. И поныне нет-нет да и увидит во сне, как горят избы, словно факелы. И, видно, с той поры запах гари рождает в нем память о детстве, о людях на маленьких конях и крики, душераздирающие крики людей... Потом он попал в Москву, и его удивил густой сосновый дым, веселый блеск топоров и каменные палаты, которые он видел впервые. Это радостное чувство нового, которое само собой связалось с Москвой, так и осталось в нем навсегда.

Память его не сохранила образы погибших во время набега татар отца и матери, братьев и сестер, зато вместе с радостным видением Москвы он на всю жизнь запомнил добрый взгляд отца Сергия, облаченного в вишневый, до самой земли гиматий... Затем как-то сразу наступило отрочество: березовая кипень Радонежского леса под Москвой, дубовые монастырские стены и новые запахи — запахи красок.

И еще один образ остался жить в его памяти с той поры, как он попал в Сергиев монастырь, — образ инока Пересвета. До сих пор чудится Андрею, как богатырь Пересвет играючи несет на своем могучем плече дубовое бревно для монастырских стен, он видит его черные смеющиеся глаза, иссиня-черную бороду и длинные волосы, перехваченные железным обручем... Это он, Андрей, приносил ему ключевой водицы в ковше...

Андрей вспомнил Пересвета, когда услышал рассказ отца Сергия о битве на Куликовом поле. И теперь стоит ему закрыть глаза, как он тут же видит летописные строки и слышит голос отца Сергия... «Шеломы же на головах как утренняя заря, доспехи же аки вода сильно колеблюща, еловицы же шеломов их аки пламя огненное пыщутся...» Запомнил он «Задонщину», когда рисовал славянские буквицы на летописных листах... Так и слышит он до сих пор неторопливый и приглушенный голос старца... Так и стелется перед ним Куликово поле. Цветы в бурьяне, полчища воинов, притихших перед поединком, тревожные трели жаворонков... Затем глухой топот копыт: на гнедом жеребце татарский воин Челубей, на вороном — Пересвет. Сверкнуло на солнце острие и рожон Пересветовой пики! Всю свою силу богатырскую вложил он в тот единственный удар и пробил круглый щит Челубея. Страшный был удар, и Пересвет почувствовал, что попал в сердце врага, но тут же копье Челубея ударило в плечо его щита, скользнуло и вошло в грудь мгновением позже. Челубей первым свалился в бурьян, и вся русская рать подумала, что победил Пересвет и остался жив, и ринулась на оцепеневшего врага! И многие погибли в этой сече, так и запомнив, что победил Пересвет. Они дрались и чувствовали позади себя могучие голоса иноков Пересвета и Осляби...

Вспоминая это, Андрей лежал в заросшем княжеском саду, раскинув затекшие руки. Над ним была бездонная синь неба, и он в который раз подумал: что там? Где в этой сини бог?

Не случайно Андрей вспомнил сегодня отца Сергия. Обещал он приехать и осветить новые хоромы друга своего — князя Владимира Андреевича. Сколь наслышан Андрей о князе Серпуховском от отца Сергия, а вот видеть его близко не довелось.

Ласковый летний ветерок стлался по траве, холодил лицо, забирался под холщовую рубаху и ласково касался груди. Отрадно было Андрею сегодня — то

КИСТЬ-радуга

Геннадий СЕМАР

РАССКАЗ

ли оттого, что закончил работу, то ли от предвкушения встречи с отцом Сергием... И все-таки он чувствовал в себе какую-то неудовлетворенность, был недоволен собой, вернее, своей работой... С робостью и восхищением он смотрел на работы знаменитого Феофана Грека, любовался его прорисями икон, глухими, блеклыми, как завядшие цветы, тонами. Его приводили в трепет цветовые волны, как бы пробегавшие через работы учителя... А что он? Какими-то несерьезными, упрощенными казались ему свои прорисы. Сегодня, разглядывая роспись Феофана, Андрей вроде бы понял секрет его красок: отказ от чистого цвета, — и тут же вообразил свою работу в ином свете... Но он понял и то, что не может и не должен вслепую подражать Феофану. Надо учиться у него, но не подражать!

Андрей очень привязался к молчаливому, но в то же время страстному греку, которого знала вся московская и новгородская земля, чьи иконы — украшение любого храма. Андрей завидовал его увлеченности и учился у Феофана трудолюбию. Бывало, работает Феофан, Андрей позовет его раз, другой, наконец, тот оглянется, а глаза будто ничего и не видят перед собой...

III Солнце стало клониться к западу, загустела синь небесная, листва стала темнее. Андрей встал, стряхнул с себя травинки и пошел к терему. Возле крыльца он увидел Феофана, торжественного, причесанного, рядом — дворского серпуховского князя, что-то наказывающего слугам. Андрей понял, что и ему надо привести себя в порядок. На заднем дворе он умылся прямо из кадки, наполненной дождевой водой, надел чистую рубаху, переметал онучи и причесался большим деревянным гребнем. Глянул на себя в зеркальное водяное кольцо бочки и остался доволен: на него смотрел широкоплечий молодец, продолговатое лицо обрамляли волнистые струи светлых волос, и на темном от загара лице светились синие, как небо, глаза. Андрею почему-то стало радостно, должно быть, от избытка молодых сил, и он слегка толкнул бочку. На поверхности воды появилась рябь, и будто смыло его изображение.

Еще раз решил он пройтись по пахнущим красками палатам княжеского терема. Как и утром, подумал: понравится ли роспись князю? Хотел было спросить об этом Феофана, но, как и утром, сам не зная почему, оробел... Он разглядывал свои орнаменты, будто видел их впервые: на стенах — паруса папоротников, меж оконных проемов — светлые круги из листьев, цветов и стеблей растений. На темных оконных откосах — трилистники клевера, водяные лилии и стебли с усиками вьюнков... Если бы сейчас кто-нибудь спросил Андрея, почему он нарисовал такой узор, он бы не смог ответить. Впрочем, разве не красив живой и яркий мир растений! Ведь через него и можно передать свое ощущение живой жизни! И еще ему показалось, что такой рисунок будет как нельзя лучше сочетаться с цветными слюдяными оконцами, придавая трапезной нарядность. Андрей вспомнил, как однажды еще отроком он спросил отца Сергия, почему люди едят несколько раз на дню. Тот улыбнулся, но ответил серьезно, что принятие пищи — это одна из радостей жизни, дарованная людям богом...

До Андрея донесся со двора шум, и он поспешил к выходу. Неторопливо, без скрипа раскрылись ворота, и на просторный двор въехал на коне князь Владимир Андреевич, а за ним на возке, окруженном свитой князя, отец Сергий. Рядом с ним сидел книжник Епифаний Премудрый. Гулко забилось сердце молодого инока, когда он увидел родное ему лицо отца Сергия... Ловко соскочил с коня князь и подошел к возку, помог отцу Сергию сойти на землю,

затем встал перед ним на одно колено, чтобы приложиться к руке, но старец не позволил ему. Найдя в толпе Андрея, он поманил его к себе. В руках Андрея появилась тяжелая серебряная чаша со святой водой.

Пригоршней отец Сергей подцепил водицы и брызнул на крыльцо. Затем он и другие иноки с негромкой молитвой вошли в сени, а за ними князь и княгиня. В горнице все расположились полукругом, обратив лица в красный угол, где блестяли под лампадами лики святых, писанные Феофаном. Звуки и запахи смешались, создавая торжественную атмосферу.

Андрей впервые видел, да еще так близко, князя Владимира Андреевича: у князя нос с горбинкой, борода небольшая, густая, на вид крепкий, еще молодой, а волосы седые. И сразу же Андрей представил себе Куликово поле и мчавшийся из засады Серпуховской полк, а впереди него князя Владимира Андреевича с мечом, высоко поднятым над головой...

IV Не успели все после молебна расположиться в трапезной, как распахнулись двери, вбежал дворский и что есть силы гаркнул:

— Великий князь Дмитрий Иванович!

Владимир Андреевич улыбнулся и негромко сказал отцу Сергию:

— А ведь захворал было...

— Бог милостив,—ответил тот.

Серпуховской князь поднялся и шагнул навстречу московскому. Все встали, братья обнялись для порядка, хоть и расстались после охоты совсем недавно. Владимир Андреевич усадил брата на свое место, рядом с ним—свою жену Марью, сам же сел по его правую руку рядом с женой брата—Евдокией Нижегородской, которую сердечно уважал за ум и красоту... Андрей долго не мог оторвать взгляд от княгини Евдокии, любясь нарядным нижегородского покроя платьем из заморских парчовых тканей—сарафаном и душегрейкой, украшенной позументом и золотым шитьем. Дополняли наряд кокошник, расшитый золотыми нитями, жемчугом и камешками, жемчужные серги и ожерелье...

Владимир Андреевич подал знак, и прислуга наполнила серебряные чаши медовой брагой. Как бы продолжая молебен, заговорил отец Сергей. Он отхлебнул из кубка и негромко сказал:

— Добрый мед, дети мои!.. Добрый он еще и потому, что пьется за этим гостеприимным столом в этом новом тереме князя Владимира Андреевича Серпуховского. Здесь в Москве он родился, здесь и дом его. Все мы пришли разделить радость, как делили вместе и горе... Мне, старику, особо по нраву видеть братьев рядом, в добром здравии и в содружестве, а вокруг них—сотоварицей—удельных князей большой московской земли...

Впервые Андрей присутствовал при таком застолье. Все здесь было диковинно и хорошо. Вот только князь Дмитрий и вправду, видно, нездоров—бледен и невесел. Недаром слух в народе ходит, что рана, полученная на Куликовом поле, здоровья его лишает! Сейчас князь Дмитрий Иванович внимательно слушает отца Сергия... Вот так слушал он его тогда, перед великой сечей. Голос у старца не сильный, но приятный.

— ...Восстали из пепла города русские так же, как этот терем, и никому никогда не покорится наша земля. Я обращаюсь к князьям удельным: стройте, выше стройте монастыри-крепости по всей нашей земле, и пусть они стоят на страже, пусть чернецы защищают нашу землю, как богатыри Пересвет и Ослябя! Испейте чашу доброго меда, братья, во славу русской земли, во славу

наших князей—Дмитрия Ивановича Донского и Владимира Андреевича Храброго... Стоять этому терему многие лета!

— Славься! Славься! Во веки веков!—потрясли терем богатырские голоса, среди которых был и голос молодого инока Андрея Рублева. Андрей ни с того ни с сего вдруг подумал: а почему отец Сергей—Радонежский? Еще отроком бродил он по светлому лесу Радонежскому, что вокруг монастыря Троицкого... Но ведь есть слово «радо», что значит «совет»?!

Думы Андрея прервал голос женщины. Это подняла свой кубок Евдокия Нижегородская. Она, как и отец Сергей, сначала пригубила меду, а потом заговорила... о мастерах, которые расписали этот терем. Чудно Андрею слушать женские речи. Хоть и ходила молва об уме Евдокии, но ни Андрей, ни Феофан, с которым они переглянулись, и представить себе не могли, сколь много знает эта женщина... Слышал Андрей, что она искусно распивает пелены, что собирается поехать в Византию, как говорится, себя показать и людей посмотреть...

А тем временем княгиня славилась мастерам, построивших этот терем и расписавших его. То ли от выпитого меда, то ли от слов княгини замерла душа Андрея, он почти ничего не слышал, лишь догадывался, о чем она говорит. Наконец он услышал свое имя.

— ...Сколь дивны узоры эти,—говорила княгиня, поводя рукой и как бы предлагая всем полюбоваться росписью трапезной.—Так писали и наши предки—киевские изографы... Ярко, нарядно, празднично! Наслышана я о мастере Феофане—зело большой мастер! Наслышана уже и об иноке Андрее Рублеве, только видеть его не приходилось... Здесь ли он? Встань, покажись, добрый молодец! Не ты ли расписал эту палату?..

Зардевшись Андрей, встал, поклонился, глаза поднять не смеет. Взглянул только на отца Сергия, а тот довольно головой качает да приговаривает: «По заслугам! По заслугам!»

А потом услышал Андрей совет дельный из уст умной женщины:

— Не возгордись, молодец, не дай гордыне одолеть себя. Этого и народ не прощает, и сам себе добрый человек простить не может.

V Не мог Андрей понять, спал ли он этой ночью. Он лежал в саду, и глядел в звездное небо, и грезил с открытыми глазами. То ему вдруг казалось, что он в Радонежском лесу, у водопада; то—грех-то какой!—он и княгиня сидят рядом в пустой трапезной, и она будто говорит ему: «Не возгордись, Андрей... Душа у тебя нежная—такими и прориси делай, чтобы цветное согласие было и чтобы боги на иконах как живые были: людям легче душу им доверять!» А у Евдокии—боже, как раньше он не заметил!—белые крылья за спиной, как у ангела! Она и есть ангел! Добрый ангел!.. А у отца Сергия—нимб. Святой он!.. Вот с кого лики писать—то!

Наутро оседланные кони ждали князя Владимира Андреевича и его свиту, а также Феофана и Андрея, чтобы ехать в Серпухов.

Вышло так: в конце застолья князь Владимир Андреевич подозвал Феофана и Андрея и в присутствии отца Сергия раздал им из калиты своей по горсти серебра за работу добрую. Поблагодарили его мастера, однако серебро отдали отцу Сергию на дела монастырские. А старец упомянул, что его ученик, настоятель серпуховского Высоцкого монастыря отец Афанасий привез из Византии семь икон весьма любопытных, и посоветовал мастерам побывать в Серпухове и посмотреть византийский чин. Князь Владимир Андреевич и пригласил их

завтра же ехать с ним в его стольный град... Мастера с благодарностью согласились. А в последнюю минуту решил с ними ехать и отец Сергей: надобно ему осмотреть земли юго-московские, на которые более всего нападают враги...

Не успело еще солнце подсушить росу, а небольшой отряд во главе с князем Владимиром Андреевичем был уже далеко от Москвы. Когда отец Сергей устал ехать верхом, его усадили в возок, и отряд поехал медленнее. Каждый думал о своем, о том, что впереди... Князь Владимир размышлял о делах, что ждут его не только в Серпухове, но и в Боровске. Поднакопились, наверно, дела судейские, потом следует присмотреть место для подложки и разрешить охочим людям сесть на землю—пусть приживаются! А с податями можно подождать...

Мысли отца Сергея путались, от тряски ему хотелось спать. Думалось обо всем: и о том, что изрядно поездил он по Руси, и что жизнь прожита не зря, и что плоды его забот на каждом шагу. Вот монастырь-крепость осталась позади—по его настоянию построена. Рядом инок Андрей едет, вскормленный им не напрасно, благолепным художником обещает быть! Как не радоваться мирному небу вокруг и мирным пожарам: вон смерды обжигаются, выжигают места для папаш... Правда, еще стоят церкви-обиденки, деревянные, на скорую руку сработанные, но ничего, скоро каменные храмы поставим!.. Э-э, малыцы в камыш-чекан залезли, кубарем рыбу ловят, бесенята!

У Феофана хорошее настроение, уж очень его заинтересовали византийские иконы, вроде бы как весточка с родины! Любопытно, как сейчас там рисуют?.. Знает Феофан, что в Московии еще не приходили византийские иконы сразу чином, лишь по одной-две присылались в дар князьям или соборам...

Феофан добро поглядывал на Андрея. Сейчас он почему-то вспомнил, как скромно вел себя молодой инок на званом обеде в новом тереме князя, когда его похвалила княгиня Евдокия... Только не совсем ясно Феофану: почему так приглянулась гостям князя Владимира роспись трапезной? Так и бога забыть недолго! Уж больно радостны рублевские тона! Как бы не забылось людьми, что коротка жизнь человеческая и надо готовиться к божьему суду... Ведь после радости—горести. В радостном хмелю и важное забывается!

У Андрея настроение именинника. Эта поездка в Серпухов для него как награда, как светлый рубеж и итог, после которого он будет рисовать много и хорошо! Откуда у него это ощущение, он и сам не знает... Сейчас на ум пришли строки из «Задонщины» — поэтического сказания о битве на поле Куликовом...

*На Москве кони ржут,
Трубы трубят на Коломне,
Бубны бьют в Серпухове,
Звонит слава во всей земле русской...*

В эту минуту град Серпухов представляется ему городом кузнецов—веселых, здоровых, черных от копоти и загара, в кожаных и холщовых фартуках, длинные волосы схвачены железными обручами. И стоят они у горнов и куют серпухи да мечи! Серп—для спелого хлеба, меч—для злого врага!.. Думая о граде Серпухове, Андрей невольно залюбовался князем Владимиром, едущим впереди с непокрытой головой. На нем легкая кольчуга без ворота и рукавов, сверкающая железными пластинами, изукрашенная серебряной насечкой. Андрей знал, что эту новейшую кольчугу против огненного боя подарил князю царьградский патриарх Филофен... Отцу Сергию Филофен преподнес богато украшенный крест, параманд и схиму...

Навстречу княжескому отряду попадались смерды, они низко кланялись князю, смахивая шапки, падали на колени и крестились, завидя отца Сергея. Одна молодая женщина лицом напомнила Андрею княгиню Евдокию, и ему отчего-то стало на миг приятно и грустно, и он подумал о том, что вот такая, должно быть, была и Ярославна, и полоцкая княжна Рогнеда, и добродей Евпраксия—внучка киевского князя Владимира Мономаха, написавшая лечебник, и ростовская княгиня Мария, дочь убитого в орде князя Михаила Черниговского, о которой Андрей слышал сказ, когда ездил с отцом Сергием на соляные промыслы в Солигалич...

VI Отряд не торопился. На ночь остановились в одном гуляй-городе, каких ныне много на водных границах земли московской. Этот расположился на речке Лопасня, впадающей в реку Оку. Лопасня невелика, течет по лесам и полям, укрытая ивняком. Рыбы в ней множество. Вечером у костра после наваристой ухи Андрей слушал разговоры старших. Отец Сергей неторопливо рассказывал об Ипатьевском монастыре.

— Недаром русские церкви ставятся на высоких холмах, на видных местах, а стены их белятся, купола и маковки украшаются—все на утеху сердцу человеческому, для возвышенного настроения. Таков и Ипатьевский...

Жарко пылал костер, освещая задумчивые лица сидящих вокруг него. Сквозь мирное потрескивание березового сучья слышался посвист соловья... Когда отец Сергей умолк, осмелился в разговор вступить мастер Феофан.

— А слышал я, отец, будто Ипатьевский татарин Чет основал, правда ли?

— На слуху сказ такой, мастер Феофан, будто татарский мурза Чет, желая удалиться от соотечественников, погрязших во мраке неверия, ушел из орды на службу московскому князю Ивану Калите.—Отец Сергей помолчал и, видя, что его внимательно слушает князь Владимир Андреевич, так же неторопливо продолжал:—Шел Чет с верными мюридами по левому берегу великой Итиль-Волги, захворал и разбил ставку как раз на том месте, где в Итиль впадает северная речка Кострома. За ней—рубленый городок. Вот здесь явилась правверному сыну аллаха христианская божья мать и обещала выздоровление, если тот примет православие и заложит обитель в честь святых Филиппа и Ипатия. Чет обещал. Проснулся он здоровым, благополучно приехал в Москву, принял христианство, взяв при крещении имя Захария, испросил княжеское разрешение на закладку монастыря и построил его... Сам будто бы похоронен в подклети Троицкого собора в Ипатьевском.

Долго еще пылал костер, неторопливо беседовали сидящие вокруг него люди, и все, что говорилось, впитывал в свое сердце инок Андрей, словно истосковавшаяся по влаге земля. Как эхо, повторились в его душе слова отца Сергея...

— Приглядитесь к тому; что делает народ и как делает,—говорил старец,—будь то скалка или лемеховая главка церкви, топорище или скамья—во всем триединая сущность: польза, прочность и красота.

Красота! Андрей, как, может быть, никто иной, видел ее повсюду, красотой он жил и ее хотел творить. Подчас он просил у бога прощение за свои слишком светлые, слишком греховные мысли о том, что все на земле создано к радости... Не к подавлению всего плотского, но к утешению!

Уснул Андрей под негромкую песню ратников гуляй-города, они пели о девушке, взятой в полон татаринами...

*Перед ним стоит красная девка,
Она плачет и возрыдает,
Ко Оке-рече причитаем...*

И снилось ему, будто он гуляет по крутояру, где в высокотравье зреет краснобокая ягода-земляника, а в кустах бурют грозди рябины... Потом он в лесу, видит восковые изваяния фиалок, они щедро льют аромат. А по лесным дорогам привольно цветут голубые клинья незабудок. И все это—в радостных слезах росы!

VII Назавтра в полдень дружина князя въезжала в град Серпухов. На Красную гору вела мощенная булыжником дорога. Она круто, спирально справа налево поднималась вверх к Троицкому собору. Из-за бугра неожиданно показалась маковка с крестом, за ней с каждым шагом как бы выплывала колокольня, кажущаяся ажурно-легкой из-за ярусных слухов с маленькими колоколами. Наконец, перед путниками вырос ансамбль каменного храма... Андрей перевел дух и тут же вспомнил слова отца Сергея о народной мудрости, о мастерах, так славно поставивших храм этот, чтобы удивить и восхитить человека, приподняв его над всем мирским и обиденным.

Переведя дух и расправив плечи, Андрей окинул взором пойму Нары, поблескивающую вдали Оку, в которую Нара впадала, и не удержал вздоха от красоты здешней... По левую руку, на холме, возле устья Нары, белели стены монастыря. Напротив, через Нару, виднелся среди деревьев другой монастырь. Вспомнил Андрей, что эти монастыри построены по настоянию отца Сергея как защитники московской земли. Вчера у костра отец Сергей рассказывал о «серпуховском замке» — трех крепостях, стерегущих устье Нары, где стоит город... Зайдет враг из Оки в Нару и окажется окруженным. Монахи-воины из Высоцкого и Владычного монастырей по подземным ходам выйдут на берег Нары, то же сделают и ратники каменного города, что на Красной горе, где стоит Андрей,—и обрушатся с трех сторон на врага тучи стрел, полетят горящие палицы, и уже не уйти незваным гостям подобру-поздорову...

Но сейчас мирная картина открылась глазам молодого инока. По зеленоватой глади реки Нары в разные стороны плыли лодки с колнами сена и пирамидами березовых дров. У самой воды дымилась банька, на мостках бабы стирали белье. Под Красной горой по самому берегу шла дорога, по ней тянулись скрипучие тележные обозы с белым буттовым камнем, из которого здесь, наверху, рабочие люди строили мощные стены крепости. Окский бут был похож на московский, белый и теплый... Андрей залюбовался работой мастеров. Обнаженные загорелые спины блестели под солнцем, длинные волосы были подхвачены железными обручами, сверкающими, как короны. Крепкими ручищами они брали четырехдюймовые обтесанные кирпичи и точно подгоняли их один к другому. Вот из этого камня и были возведены храмы в честь победы на Куликовом поле—и этот Троицкий и тот соборный храм Богородицы в Высоцком монастыре, куда они пойдут смотреть византийский чин...

Андрею, как и Феофану, не терпелось увидеть византийские иконы, и оба они, оставив свои котомки в людской княжеской тереме, отправились в Высоцкий монастырь. Иноки спустились к берегу Нары и пошли по дороге, по деревянному мостку перешли речку Серпейку и зашагали вдоль посадского леса. Жара уже стала спадать, солнце клонилось за Нару, за Владычный монастырь.

Обитель отца Афанасия Высоцкого встретила путников тишиной и чистотой. По всему было видно, что в монастыре готовились к приезду князя. Не торопясь перекрестившись, вошли мастера в храм Богородицы. В нем было прохладно и пустынно. Приглушенный свет мягко падал откуда-то сверху на царские ворота. Над ними иноки увидели семь метровых поясных икон, которые выделялись на общем фоне иконостаса своими размерами. Это были Спаситель, Богоматерь, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел. Настроению и торжественно смотрели они на вошедших.

Долго, неотрывно гляделись мастера в сумрачные лики святых, изображенные на плотном темном фоне... Глаза Феофана светились благоговением и страхом: благоговением потому, что это была встреча с родной, а страхом оттого, что сейчас, когда и его жизнь подходила к рубежу, еще глубже и неотвратимее почувствовал он звездный миг человеческой жизни. В этот момент он порадовался тому, что должен до конца дней своих рассказывать людям о смирении, о бессмысленности их ратного бунтарства, о том, что они немощны и что путь каждого—на положенную ему Голгофу.

Если бы Феофан в этот час внимательно взглянул в лицо своего ученика, то он увидел бы на нем удивление—да, удивление, но не покаяние, не смирение!.. Молодой инок чем больше всматривался в иконы, тем более недоумевал: отчего так сумрачны лики святых? Как не похожи они на тех людей, которые окружают его,—на отца Сергея, на князей Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича... Как не похожи они на тех людей, которых он только что видел на Красной горе! Зачем такая величавость и неприступность? Ведь нет этого в жизни! Не было этого и на иконах Киевской Руси... Такие боги не могут любить землю и живущих на ней людей!

И вспомнился тут Андрею сон, где княгиня Евдокия говорила ему: «...чтобы боги на иконах как живые были, чтобы людям было легче им душу открывать!»

VIII На другой день с разрешения отца Сергея иконописцы делали прориси византийского чина. По их просьбе все семь икон были вынесены из храма и установлены в тени, чтобы лучи солнца не повредили краски.

На доску Феофана ложилась точная цветовая гамма византийских икон, из-под кисти появлялись величавые старцы с тяжелым, приковывающим к земле взглядом, осуждающим и карающим. Лицо Феофана было торжественным, выдавая настроение живописца и вдохновенное торжество его кисти. Он рисовал и одновременно чувствовал свою причастность к этим святым, к их делам на земле и на небе. Он гордился этим и не скрывал своей причастности...

Притомилась рука Феофана. Опустил он кисть, полюбывался тем, что сотворил, потом повернулся, чтобы поглядеть на работу Андрея, и от неожиданности замер... Нет, не увидел он лица чернеца и послушника, вдохновенно кроткого, прикоснувшегося к царству святых, отрешенного от земных дел и приобщенного к святому таинству! Феофан испугался, ибо увидел лицо, светящееся счастьем, каким-то греховным наслаждением. Он перевел свой взгляд на прориси Андрея и удивился еще более... Он увидел апостола Петра приветливым и ласковым! И совсем земным! Краски Андрея передавали живую и подвижную мимику лица, будто вот-вот апостол обратится к следующей за ним толпе, уверенный, что его услышат и поймут! Весь его облик говорил о добром и страстном призыве, которым можно наставить людей на истинный путь... О боже! Феофан узнал в облике Петра... отца Сергея!

Мудрый Феофан понял все до конца, когда увидел стоящую рядом доску—законченную икону Богоматери. Богоматерь смотрела на него глазами... княгини Евдокии. Феофан понял все: он понял, что уже не может учить Андрея Рублева, что так рисовать может только вдохновенный богом человек! И еще понял умный старец, что сам он любит бога, а Андрей—людей.

Гарий НЕМЧЕНКО

Фото Юрия УСТИНОВА и Алексея ПЕРЕДОВСКОГО

днажды по совету старого друга сходил я в цирк на Ленинских горах—поглядеть на осетинских наездников. А через неделю засобирался к ним опять...

И сколько еще потом просидел среди зрителей и рядом с рабочими в униформе, простоял в полу-

мраке проходов совсем недалеко от манежа, сколько проторчал за кулисами, сколько пробыл на репетициях, глядя, как в галопе, кося выпуклым глазом, мчатся по кругу кони, как вскидываются над ними упругие тела отчаянных всадников... И я ни разу не заскучал, ни разу не сказал себе, что хватит, насмотрелся; ни разу не поймал себя на том, что перестал удивляться красоте лошадей или безудержной смелости наездников. Странное дело: чем чаще я приходил теперь в цирк, тем больше хотелось побывать там еще, и на цирковой конюшне, с ее особенным, таким негородским запахом, и в гардеробных, где рядом с бурками цвета воронова крыла и белыми, как снег в горах, косматыми папахами висят нарядные, с кавказским набором уздечки...

В те дни я часто спрашивал себя: почему все это так неожиданно близко мне? Почему так волнует?

Оттого ли, что родился и вырос в предгорной кубанской станице и самое яркое зрелище моего детства—это скачки и джигитовка? Оттого ли, что благодаря гению Пушкина, Лермонтова, Толстого все мы в душе немного «кавказцы»? Или просто-напросто в каждом из нас до сих пор еще жив далекий наш пращур—смельчак, первым оседлавший коня?

Здесь же каждодневно как будто шла строгая проверка: на что способна прирученная человеком лошадь? На что он, приручивший ее когда-то, а теперь потихоньку забывающий о ней, способен сегодня сам?..

Перед выступлением конников в цирке темнеет, и на экране под куполом появляются укрытые вечными снегами горы Осетии. Потом луч света выхватывает из темноты фигуру мальчика в папаче и в черкесске. Мальчик прыжком свистит. В ответ слышится ржание, и к нему бросается преданный конь. Мальчик вскакивает в седло и уезжает «в горы»... Ты еще размышляешь над этим прологом о верности, а свет уже заливал манеж, на котором

под звуки осетинского танца плывут рядом молодая женщина в белом национальном костюме и всадник на серой лошади.

Пируэты, пассаж, испанский шаг, перемена ног на галопе—оставим все это знатокам да тонким ценителям, которые долго могут рассказывать, каких трудов это стоит заслуженному артисту РСФСР Ирбеку Кантемирову, единственному из цирковых наездников, кто работает с лошады не на жестком мундштуке, а на уздечке... А неискушенному человеку покажется, что грация, с которой кружится лошадь,—дело совершенно естественное, что танец для нее—истинное наслаждение и что Кантемиров лишь сдерживает ее...

Потом на манеж в бурках и папах врываються всадники, каждый из которых стоит на двух рядом скачущих лошадях, и ты узнаешь в этих всадниках аланов-богатырей осетинских легенд. Кто же еще, кроме них, позволит себе играючи стоять в полный рост, когда кони не только бешено мчатся, но еще и показывают норы! И все остальное, что в парных или одиночных трюках продельвают потом осетинские джигиты, тоже походит на богатырские забавы...

Вот всадник на всем скаку рвет с головы папаху, бросает ее вверх, затем, пока она падает, делает полный круг и подхватывает папаху на лету. Вот он уже с двумя шапками в руках застыл у края манежа. Мимо пронесется лошадь, джигит вскакивает на нее и стоя начинает жонглировать клинками, лошадь же в это время берет барьер. А вот на одном стремительно летящем коне три всадника одновременно сделали стойку на руках...

За двадцать минут—двенадцать сложнейших трюков, и все в невероятном темпе, подогреваемом целканьем бича, с которым поворачивается посреди манежа Ирбек Кантемиров, все с гиканьем, с мгновенной дерзкой улыбкой публике, с конским храпом, с отчаянным выкриком... Смотришь на этот ликующий вихрь, и сердце сжимается от восторга и одновременно от зависти: разве эти ребята чего-нибудь на свете боятся? Разве бывает у них дурное настроение? И самому хочется расправить плечи и голову повернуть по-орлиному...

И все-таки интересней мне было за кулисами. Ранним утром, когда цирк, гулкий и пустой, еще как в полусне, когда тишину здесь, словно в дальнем селе, нарушают лишь лай собак да лошадиное ржание, начинают сходить на репетицию вчерашние джиги-

ты—обыкновенные люди, которых не сразу отличил бы в столичной толпе. Потом из своих гардеробных они выходят, что называется, в рабочем, и уже по истертым галифе, по лоснящимся рейтузам, по истончившимся свитерам да выцветшим от частой стирки рубашкам можно, пожалуй, догадаться, как постигается оно, это редкое ремесло, как он достается, цирковой хлеб...

Кто идет на конюшню, чтобы взглянуть на своего питомца, а кто—к гимнастическим снарядам. Потом всадники, уже верхом, один за другим неторопливо направляются к манежу, и тут лошади, идущие шагом, постепенно образуют медленный круг—от них ничего пока не требуется, это разминка. А конники заняты беседой, голоса их звучат спокойно, совсем по-домашнему. О работе пока ни слова, не дошло...

В первом ряду совершенно пустого и тихого зала, недалеко от арены, усаживается Оскар Оттович Роге, старый друг Кантемировых и добровольный их консультант. Мимо него проезжает тонкий, словно мальчик, Таймураз Дзалаев, приветливо улыбается Оскару Оттовичу, и тот спохватывается:

— Как ухо?

— Таймуразу приходится сильно повернуться в седле:

— Вчера вечером сделал стойку, в голову ударило так, что, думал, упаду...

И еще один круг.

— Тебе надо попариться, Таймураз! Банька тебе нужна. Хорошая банька.

Покачивается в седле младший из братьев Кантемировых—сорокатрехлетний Мухтарбек. Он высок и широкоплеч, под легким, надетым на голое тело шерстяным пуловером угадывается мощная, как у сельского кузнеца, крутая грудь, спина тоже бугрится тугими мышцами. Во всем облике—выражение внутренней мощи... Это он ловит папаху, он без разбега, с места вскакивает с шапками в руках на спину скачущей лошади, и еще многое из того, чего не умеет почти никто, делает Мухтарбек Кантемиров, дядя Миша, как называют его молодые джигиты.

Стихают разговоры—всадники переходят на рысь. Еще несколько кругов, и они пустят коней в галоп...

А мне хочется вернуться на полчаса назад и заглянуть в гардеробную, где готовится к репетиции их глава.

В отличие от младшего Кантемирова Ирбек сухощав и жилист, и, глядя на его классически

стройную и гибкую, несмотря на сорок семь лет, фигуру, я не раз вспоминал услышанное на Кавказе: тот мужчина джигит, если под ним, лежащим на боку, пролезет взрослая кошка... Волосы у Ирбека русые, глаза светлые, а в улыбке есть что-то мушкетерское. Человек с такой улыбкой просто не может быть ни ловким хитрецом, ни скрягой—даже если и захочет, все равно у него не выйдет. Но когда утром он в синих галифе и в черных, плотно облегаяющих ногу ичигах стоял посреди гардеробной, держа левой рукой длинный хлыст, а правой накладывая в нагрудный карман выдавшей виды джинсовой куртки пиленый сахар, насмешливые глаза его словно говорили: ничего, мол, тут не поделаешь, и в профессии бесстрашного джигита умение вовремя подсластить—штука тоже необходимая!

Пока остальные будут разминаться, он сейчас займется со своим Семой—серым, в яблоках жеребцом по кличке Семестр—на запасном манеже, а потом выедет на основной, остановится в центре круга, и начнется главное: общая репетиция.

Что б, интересно, вышло, попробуй я записывать за Ирбеком его реплики?

— Ты как толкаешься? Носки вместе! Зритель в заднем ряду должен слышать, как ты оттолкнулся от манежа. Ноги прямые, ноги!.. Так, лучше. Хорошо! Погладь его! Погладь! Для кого морковка в ведре?.. Дай лошади морковку! Поговори с ней, поговори: ай, молоде-е-е-е-е! Туго—руки, туго—ноги! Вот... Закрепи сперва! Закрепись! Силенки нет! Руки я за тебя буду качать? Почему два круга прошел, а потом ударил? Она уже не помнит, за что. Был такой мудрец: лошадь ошибется, он отведет ее на конюшню, сам в буфет сходит, потом вернется—и плеткой! Она—как ребенок! Ошиблась—накажи сразу... Соberись! Ты что по ней растекся? Ноги свесил, как макароны! Кто на лошади: джигит или... Выше голову! Где плечо?! Улыбка публике! Веселей!..

Похлопывал по шее, успокаивая своего Алмаза, Юра Дацов. Уверенным голосом подбадривал:

«Бра-а-вушки!.. Бра-а-вушки!»—и ставил коня «на оф»—на одни лишь задние ноги. Выходя из пронзившей голову острой болью стойки, бесечно улыбался Таймураз Дзалаев. Не удержавшись, спрыгивал с коня Валера Фарниев и выкидал круг, чтобы на скаку вскочить в седло. Осанисто выпрямлялся, беззаботно взглядывая ту-

да, где сейчас виднелись ряды пустых кресел, позабывший о пенсионном своем — для циркового наездника — возрасте и многочисленных травмах Ким Зангиев...

А Ирбеку все было мало, голос его с каждой минутой накалялся, и, чтобы остудить южный пыл, уже нужна была порция прибалтийской флегмы.

— Юра! Юра! — со спокойным юмором останавливал его Оскар Оттович. — Это место у наездника называется «мадам Сижу»...

И Кантемиров, остывая, но все-таки как бы ища сочувствия, поглядывал на Рого — бывшего латышского стрелка и красного конника, великого знатока лошадей, дружившего еще с основателем цирковой династии Кантемировых — со знаменитым их отцом Алибеком...

Тут, пожалуй, самое время сделать небольшой экскурс в прошлое.

В 1907 году на арене частного цирка в Сухуми впервые выступил двадцатидвухлетний наездник Алибек Кантемиров. Публика приняла молодого джигита восторженно. Ободренный первым успехом, он начинает придумывать трюки, которые легли потом в основу конного цирка. Это он впервые на манеже пролез под брюхом скачущей лошади. А вскоре стал показывать трюк, который после него не делал больше никто: на скаку пролезал меж задними ногами коня и «выхо-

дил» на круп. Рубка лозы, пистолетная стрельба с плечевой стойки — эти экзотические номера привлекали публику, и вскоре молодой Алибек Кантемиров становится одним из самых популярных артистов предреволюционного российского цирка. В большой дружбе с ним был писатель Куприн, известный почитатель циркового искусства и тонкий его ценитель.

После революции Алибек Кантемиров активно создает новый цирк. И на зарубежные гастроли чуть ли не первой в истории советского цирка отправилась его труппа.

Тогда он был особенно силен, жесткий прищур предубеждения, сквозь который старая Европа смотрела на представителей молодой республики. В Англии после первого же представления Кантемирова вызвали в полицейское управление: «На каком основании демонстрируете публике красный штандарт? Вы большевик?» — «Я магометанин, — отвечал он. — Это наше священное знамя». Бюстителям порядка пришлось обращаться к помощи эксперта. «Я долго жил в одной стране на Ближнем Востоке, — сказал тот. — И хорошо знаю, что цвет знамени там зеленый...» — «Это в той стране, где вы жили, — возражал Кантемиров. — А на моей родине — красный!»

И на очередное представление осетинская арба, на которой джигиты делали пирамиду,

снова выкатила на манеж под красным флагом.

На ипподромах Германии выступала в то время группа русских наездников во главе с оставшимся без войска генералом Шкуро. Один из подвыпивших казаков дождался Кантемирова после представления: «Отняли родину, а теперь и кусок хлеба отнимаешь?!»

Повсюду сопровождал кавказцев успех, и многие антрепренеры не раз предлагали Алибеку остаться за рубежом. Ответ у него был один: «Я осетин! А Осетия — там!»

В трудный для нашей страны час труппа Кантемирова почти в полном составе ушла на фронт. Восемь наездников — восемь лихих кавалеристов — сложили голову, защищая Родину от фашистов. И после войны Алибеку Кантемирову пришлось начинать почти заново. Костяком группы стали теперь его подростки сыновья — Хасанбек, Ирбек и Мухтарбек.

Опять валил народ в цирк на выступления осетинских наездников. А у них в то время была и еще одна забота: готовились к съемкам фильма «Смелые люди». Помните тот момент, когда Вася Говорухин на лошади догоняет поезд и прыгает из седла на подножку? В этом эпизоде вместо киноактера Сергея Гурзо снимался на своем Буяне Ирбек Кантемиров.

Это Кантемировы впервые в истории отече-

ственного кино разработали и успешно применили тогда технику подсечек: «сраженная» лошадь со всадником на полном скаку летит через голову. Причем пользовались подсечкой осетинские наездники так умело, что ни одна из лошадей не пострадала.

Группа Кантемировых нынче называется «Али-бек». В честь Алибека Кантемирова, народного артиста РСФСР, отдавшего цирку шестьдесят пять лет. Это своеобразный рекорд. Алибеку Тузаровичу было уже восемьдесят пять, а он еще выезжал на арену...

С благодарностью и со светлой сыновней печалью вспоминает сегодня Ирбек последние годы совместной работы с отцом. Когда сыновья сказали ему, что решили поставить новый трюк — тройную стойку, Алибек Тузарович надолго задумался, а потом ответил со вздохом: «Может, не надо? Лошади будет трудно. И еще труднее — вам».

Это был первый случай, когда Кантемировы слушались отца: начали готовить «тройную стойку» тайно. У Алибека Тузаровича была выработанная годами привычка очень рано приходить в цирк, поэтому, чтобы успеть провести репетицию до того, как появится отец, участникам нового номера надо было вставать задолго до рассвета. Начиная же репетицию, одного из «заговорщиков» они каждый раз оставляли у дверей цирка — сто-

ВСАДНИК НА СКАКУ ПОДХВАТЫВАЕТ ПАЦАХУ...

МУХТАРБЕК КАНТЕМИРОВ И АЛЬБЕРТ ГУСАЛОВ.

НЕЛЕГКО БЫТЬ ДЖИГИТОМ.

«ПИРАМИДА» В ПРЫЖКЕ ЧЕРЕЗ БАРЬЕР.

рожить приход отца. Как только у входа в цирк появлялся Кантемиров-старший, работу над трюком прекращали и отцовские похвалы за старание, за то, что приходят в цирк с петухами, выслушивали скрепя сердце: переживали обман.

Потом, когда номер был готов, попросили при посторонних: «Посмотри, отец!» Упреков не было — старый наездник сразу все оценил. Обернулся к кому-то, стоявшему рядом, с гордостью воскликнул: «А?! У кого еще есть такой трюк!» И тут заметил, как, улыбаясь, яреглянулись Ирбек с Мухтарбеком.

«Что, сынок, — грустно спросил в тот вечер отец у Ирбека, — так сильно я постарел?»

Тут хочется сказать о нестареющих традициях, о той школе, которую оставил после себя Алибек Тузарович Кантемиров. Сейчас в стране у нас двенадцать групп наездников. И в каждой есть ученики старейшины конного цирка. Две такие группы возглавляют его сыновья — Хасанбек и Ирбек.

Как-то однажды, когда он сам исполнил головокружительный трюк, я в шутку спросил Ирбека Кантемирова, не собирается ли он «улучшить» достижение отца — пробыть на арене больше шестидесяти пяти лет. А он ответил очень серьезно и, пожалуй, не без грусти:

— Куда там! Не хватит сил... Я думаю иногда: у отца ведь было длинное деревенское детство. Семнадцать лет в ауле, в горах, потом ипподром, где он около пяти лет проработал жокеем, только потом уже — цирк. А я ведь начал выступать, когда мне едва исполнилось шесть.

Вдуматься: уже сорок один год на манеже! Случай, когда работа и жизнь поистине слились воедино...

Наверное, в любом достойном коллективе есть свои неписанные правила. Железным законом у Кантемировых еще при отце стало: не брать к себе «готовых» наездников из других групп. Как бы там ни было, а здесь своя, особая школа, и каждый должен пройти ее от первой ступени до высшей. Несколько нынешних наездников начинали с работы на конюшне, и те, кто трудится там сейчас, живут надеждой, что тоже смогут в недалеком будущем сдать строгий экзамен на право называться артистом цирка. Может быть, потому так тщательно и так четко работают здесь конюхи — ведь от них самих во многом зависит, выдаться ли в конце репетиции минута, когда они появятся на манеже не с совком в руках, а верхом на лошади...

Когда я однажды спросил Ирбека, приходят ли в Московский цирк его земляки, как принимают они наездников, он, улыбаясь, ответил коротко: «Плачут». И я подумал: а ведь правда! Устанет человек, походив по шумным улицам большого, малознамого города, по дому вдруг затоскует и тут увидит под куполом цирка родные горы, услышит шум и топот коней и молодецкий выкрик на родном языке...

А как любят Кантемировых в Осетии, как ждут туда на гастроли!

Когда приезжает труппа в Орджоникидзе, хлопот у Ирбека прибавляется еще и потому, что ведут и ведут к нему за кулисы мальчишек: «Посмотри на моего сына, а, Ирбек? Разве ты не видишь? Настоящий джигит!»

Скольким приходится отказывать! Но если уж берет к себе Ирбек ошалевшего от счастья мальчишку, родители могут не волноваться: дурному у джигитов не научат! И, пожалуй, немногие знают, какие нелегкие педагогические задачки задает порой артистам их сын или внук...

Попробуйте представить себя на месте, например, Тены Туаева. Тебе всего тринадцать, а ты уже несколько лет получаешь зарплату — законные, свои, трудовым потом добытые восемьдесят рублей. Мало того, что ты дружишь со знаменитыми артистами, ты и сам, можно сказать, любимец публики... А тут непонятный пример по алгебре! Вот иной раз и вырвется: «А зачем мне учиться?»

И тетя Недда, жена дяди Ирбека, — это она исполняет вместе с ним танец «Приглашение» в прологе — схватится за голову, когда ей будут об этом рассказывать, и дрогнет потом тонкий ус у дяди Ирбека...

Так что члену национальной ассоциации мексиканских ковбоев «Чарро», обладателю нагрудного врученного самим президентом ассоциации знака «Золотая шпора» Ирбеку Кантемирову приходится не только лошадей обуздывать...

В гости к джигитам из Северной Осетии я ходил, как на праздник, почти все лето, а потом однажды узнал, что заканчиваются долгие гастроли в Москве, что Кантемировы уезжают. Нисколько не преувеличу, если скажу, что, собираясь на последнее их выступление в Московском цирке, я вдруг ощутил самую настоящую грусть — показалось, уезжают давние мои, старые друзья, и даже вдруг подумалось: а как же без них?

Так оно в жизни устроено: каждое наше слово и каждый поступок отзываются в душе кого-то другого. Чем они отзовутся? Трудным ли размышлением о причинном зле или благодарностью за уроки добра и мужества?

Мне кажется, что этим летом я на таких уроках присутствовал... В тот день вслед за Мухтарбеком, только что закончившим свой номер, я вышел во внутренний дворик цирка. День был на редкость душным. Уже успевший стаять с себя и получеркеску и рубаху, весь мокрый от пота — хоть выжми, — Мухтарбек стоял, опустив голову и облокотившись на ящики, и крутая его грудь ходила, словно кузнечные мехи...

Он уже заметил меня, поэтому потихоньку уйти было поздно, а стоять перед ним, задыхающимся, было ох как неловко. А ведь еще минуту назад мне казалось, что этот гигант неумоим... В тот день ему нездоровилось. Мне же словно приоткрылось, что тайна, которую я хотел постигнуть и хранителями которой мне представлялись эти джигиты, в бесконечном преодолении препятствий, возникающих и в нас самих и вокруг нас. Полное и мужества, и тяжелого труда, и, бывает, муки преодоления, которое позволяет не только всегда выглядеть в глазах других и сильным и обязательно достойным, но и быть таким на самом деле, в жизни.

...Не раз и не два я пробовал вызвать Ирбека на разговор, который подтвердил бы трогательное его отношение к лошадям. Но так получилось, что за Ирбека мне ответил Оскар Оттович Роге:

— Вот вы о преданности... Со мной был один случай — уже в Отечественную. Во время сабельной атаки рядом разорвался снаряд, конь шаркнулся, еле на ногах устоял, а я вдруг почувствовал: сапог у меня полон крови. Настегаваю коня: скорей к своим, скорей! Там первым делом разрезали сапог, стали ногу осматривать — полный порядок. И тут я все понял. В одном сапоге бросился к коню. А он уже умирал — на шее вот такая дыра...

Роге, старому коннику, лошади напоминают о былых сражениях. У кого-то другого они вызывают воспоминания о вольной воле, о тугом ветре над белыми вершухами ковыля... Терпеливые цирковые красавцы! Сами они давно уже не стряхивали с себя утренней росы и капель весеннего дождика, давно уже не видели вокруг зеленого, с разноцветными крапинками цветов степного раздолья.

Раньше, бывало, летом почти в каждом городе, где выступали джигиты, их водили купать. Но разрослись теперь города, из-за скопища машин на улицах уже не добраться из центра к тихим речным заводям — такой век!

Как они, должно быть, кони, тоскуют! Недаром же, когда их вывели на лужайку около цирка, чтобы там на солнышке не торопясь поспать, жеребец Ирбека Семестр, верный, послушный Сема, так и не смог положить морду на вытянутую переднюю ногу, — все тянулся к травке, наверное, втайне истосковавшийся по мягким лошадиным губам...

Труппа готовилась к отъезду. Вынесены в коридор сундуки с реквизитом. Выставлена во дворик старая арба, принадлежавшая еще Алибеку Кантемирову, арба, которая выехала однажды из далекого осетинского аула и прокатилась потом по шумным, большим городам, по многим столицам мира...

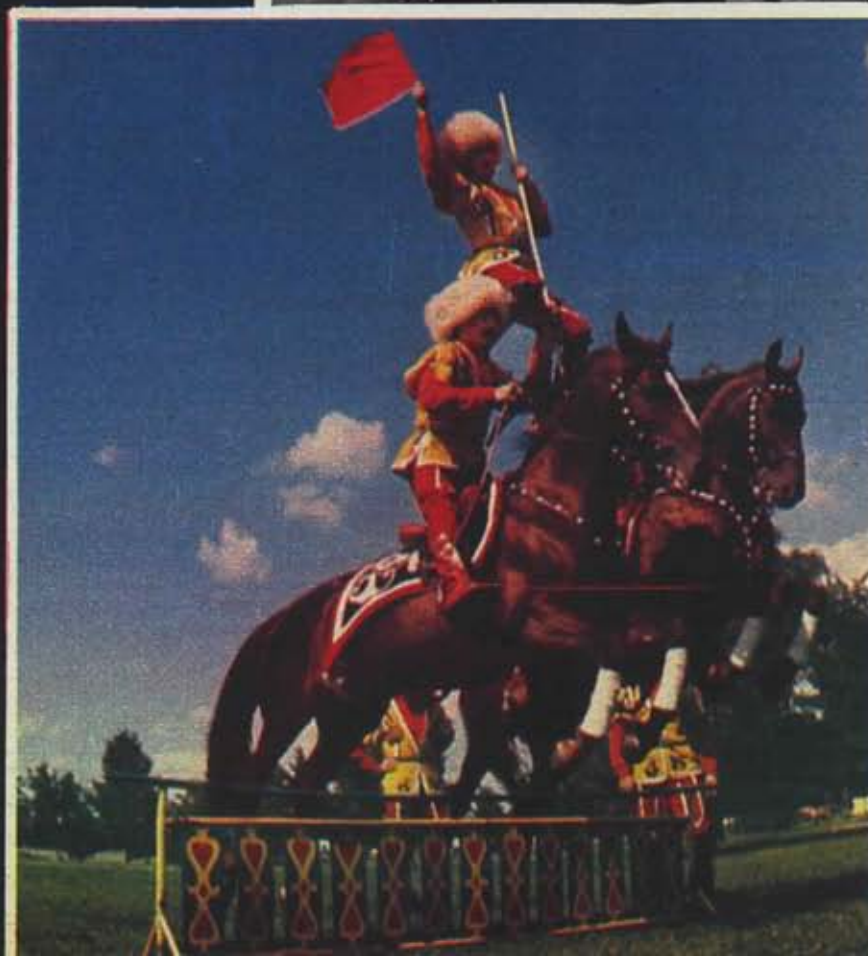
Рабочие на конюшне готовили к погрузке лошадей. Наездники упаковывали седла, одежду, сбрую.

А на пустом манеже взбрыкивал под Ирбеком молоденький конь, который, может быть, заменит со временем Алмаза.

Я был один в громадном пустом зале. Сидел в мягком кресле, поглядывая на один из первых уроков, который давал коню человек. Потом поднял голову, посмотрел вверх.

Под куполом, тускло отсвечивая серебряными боками, висели две ракеты из аттракциона Мстислава Западного — наш «Союз» и американский «Аполлон».

А внизу, на земле, как тысячу, как много тысяч лет назад, человек укрощал коня...

Л юди в военной форме. В руках автоматы. Их лица скрывают маски—только отверстия для рта и глаз, чтобы можно было найти мишень, убить человека. Кто они—налетчики, грабители банков или просто гангстеры на прогулке? Это фалангисты, военизированные отряды профашистской

партии «Катаиб», выступающей от имени маронитской общины Ливана. Так называют себя последователи этой разновидности христианства. На шею у каждого крест с распятием. Сейчас они готовы распять любого ливанца, который не желает идти за олигархической верхушкой, чьи интересы обслуживают эти «братья во Христе». Но особенно ненавидят они палестинцев, ведущих мужественную борьбу за восстановление своих погранных национальных прав и нашедших временное пристанище в Ливане.

Владелец небольшой бейрутской пекарни «Мир» Халиль Муса едва не пал жертвой этих головорезов-крестоносцев. И только потому, что он палестинец. Они изуродовали ему лицо, а на спине вырезали крест. Один из молодчиков отрезал ему ухо и тут же на глазах у своего пленника съел его. При этом предупредил Мусу:

— Скажи своему Арафату, что христиане сожрут всех палестинцев в сыром виде...

Фалангисты терроризируют население. В тех кварталах Бейрута, где они действуют, убийства становятся повседневным явлением. Нередко эти люди в масках начинают проверять документы прохожих на улице и отводят в сторону всех, у кого мусульманские имена—Ахмед, Халед, Исмаил... Одних тут же, на месте, убивают, других берут заложниками...

Еще совсем недавно Ливан рекламировался как «Арабская Швейцария», а Бейрут—как «Восточный Париж». Сюда устремлялись потоки туристов и дельцов. Город анфас—скопище фешенебельных гостиц, окаймленных золотыми пляжами и широкой авеню. Типичная реклама: «Отель Сент Жорж. Всегда первый на Ближнем Востоке в том, что касается комфорта, безупречного сервиса, непревзойденной кухни. Великолепнейшая терраса, обращенная к морю. Купание и теннисный клуб «Элита».

...«Казино де Либан». Один из самых дорогих и изысканных ночных клубов Средиземного моря. Красивые женщины в сверкающих нарядах танцуют для гостей—именитых бизнесменов, нефтяных шейхов, чьи пальцы унизаны бриллиантовыми перстнями. Они не мелочатся—в ходу турки пачки 100-долларовых банкнот...

Туристическая реклама фирмы «Гермес» призывает: «Откройте арабский мир. Летите в Бейрут, если вы хотите сочетать бизнес и удовольствие». Давайте же откроем этот арабский мир, наделенный потрясающими контрастами.

За отелями громоздятся банки, торговые дома и конторы крупных компаний. Все рядом—золотой пляж и золотой телец бизнеса...

Но Бейрут наших дней иной. Его называют «восточным Белфастом». Правда, здесь сейчас намного жарче. Солнечные террасы высотных отелей стали огненными позициями. Торговые кварталы почернели от пожаров. На улицах трупы.

И если весь Ливан подносился туристам как «земной рай», то сейчас говорят: «адский рай».

Нынешний, самый кровопролитный, период гражданской войны в Ливане начался с очередного преступления фалангистов. В апреле 1975 года они открыли огонь по автобусу, в котором ехали палестинские семьи. Повод—автобус «без разрешения» заехал в христианский район Бейрута. Результат: десятки убитых.

Ливан—исторические ворота Востока. Многим городам и селениям на побережье Средиземного моря не одна тысяча лет. Они хранят следы подъема и заката античных цивилизаций. Менее 200 километров протяженности этой страны с севера на юг. Но здесь и впечатляющие руины в Баальбеке, и заросшие дикими цветами бастионы крестоносцев, и эхо былой мореходной славы финикийцев.

В этих краях войска Александра Македонского, римские легионы и рыцари средневековой Европы грабили и убивали во имя Христа. Много веков назад здесь поселились арабы. Позже пришли турки. А после первой мировой войны по мандату Лиги наций в стране стали хозяйничать французские колонизаторы. И только в 1946 году Ливан избавился от иностранных оккупантов.

В наследство от прошлого досталась не только этническая, но и религиозная мозаика. На небольшой территории, где живет 3 миллиона человек, появилось множество разновидностей христианства и мусульманства.

С КРЕСТОМ С АВТОМАТОМ

Влияние религиозных общин наложило отпечаток на все государственное устройство страны, придав ему конфессиональный характер. Феодалные пережитки и предрассудки прочно свили себе гнезда в бейрутских небоскребах из стекла и стали. Религиозная принадлежность порою имеет большее значение, чем деловые качества. Французские колонизаторы, уходя, «помогли» ливанцам выработать «Национальный пакт», согласно которому и распределялись между почитателями Христа и пророка Мохаммеда все государственные посты в Ливане. Религиозная рознь служит ныне для внешних сил поводом к вмешательству во внутренние дела страны.

Согласно действовавшей до сего времени договоренности между лидерами основных общин, президентом республики может быть только маронит, премьер-министром—мусульманин-суннит, а председателем парламента—мусульманин-шиит. И такое распределение соблюдалось на всех ступенях государственных должностей. Причем в основу были положены статистические данные давнишней переписи, по которым христиане составляли 53 процента, а мусульмане—47 процентов населения.

В соответствии с удельным весом той или иной религиозной общины были поделены и места в парламенте. С 1960 года установлено, что из 99 депутатов парламента 30 обязательно должны быть маронитами, 11—православными, 6—греко-католиками, 4—армяно-григорианами, 1—армяно-католиком, 1—протестантом. Итого: 53 представителя христианской общины. Остальные 46 мест отведены для мусульман, среди которых должно быть 20 суннитов, 19 шиитов, 6 друзов и 1 от «прочих» религиозных меньшинств.

Однако жизнь не стоит на месте. В мире происходят перемены. Невозможно до бесконечности мумифицировать систему государственного устройства, сильно отдающую средневековью. Да и формально соотношение численности общин за последние 20 лет существенно изменилось. По оценкам обозревателей, мусульмане в Ливане составляют сейчас 60—65 процентов всего населения. В то же время маронитская община продолжает главенствовать на основе данных давнишней переписи. Против же новой пере-

писи населения марониты возражают: они захватили в стране все ключевые позиции. В армии тоже, как правило, высшие офицерские должности занимают марониты. Между тем основную массу солдат составляют мусульмане.

Кто же они—марониты? Истоки этой христианской секты теряются в далеком прошлом. Стала уже почти легендой история о суровом монахе-отшельнике Мароне, который жил в VII веке на реке Оронт в Сирии. Императоры некогда могущественной Византии жестоко преследовали еретиков, и те нашли себе убежище в пещерах и кедровых рощах гор Ливана. До сих пор в этой части страны сосредоточено 25 процентов всех маронитов.

Марониты имеют свои особые обряды. Богослужение совершается на мертвом арамейском языке. Их возглавляет свой патриарх. Но в качестве верховной религиозной власти они признают Ватикан. Бурные столетия не смыли маронитов с конфессиональной карты Ливана. Они стали частью той невероятно сложной религиозной мозаики, которая характеризует сегодняшний день страны.

Постепенно под знаком святого распятия образовалась мощная торгово-финансовая олигархия. Вожаками маронитов стали люди, открыто провозглашающие себя заклятыми врагами всего прогрессивного, сторонниками максимальной свободы частного предпринимательства, в том числе и иностранного.

Почти все богатства в стране находятся в руках маронитской общины. Ее церковь владеет одной пятой всех земель, 85 процентами школ, 90 процентами больниц. Она же выделяет крупные средства на финансирование фалангистов и других воинствующих правых группировок. Эти современные крестоносцы охраняют реакционные социальные порядки. Достаточно сказать, что 5 процентов населения располагают более чем 50 процентами национального дохода. 200 олигархических семей цепко держатся за свои привилегии и фактически правят Ливаном.

Восемьдесят пять процентов членов могущественной торговой палаты Бейрута—люди христианского вероисповедания. Почти все крупные финансовые и промышленные корпорации находятся под контролем христиан-маронитов. По религиозной принадлеж-

НА ГРУДИ, ОМ В РУКАХ

ти их президентов (христианин или мусульманин) компании распределяются следующим образом в пользу маронитов: 105:21—в промышленности, 11:2—в финансах, 40:5—в сфере обслуживания. Марониты создали классовый клан крупной буржуазии в стране. Их деловая цитадель не только Бейрут. Они вершат крупный бизнес в США и в Западной Европе, тесно смыкаются с многонациональными компаниями.

Западногерманский журнал «Штерн» колоритно описывает богатства одной из представительниц ливанской элиты, в интересах которой зверствуют фалангисты. Первая дама бейрутского высшего общества мадам Сюрсок занимает дворец в черте Бейрута. Вокруг роскошный сад. Мозаичные дорожки и мраморные фонтаны. У мадам миллионы (ее муж был крупным дельцом), интерьер ее жилища—живое воплощение восточной сказки. Здесь и столики из черного дерева, инкрустированные перламутром, и тонкий китайский фарфор, и пышные иранские ковры... Она представитель той самой денежной элиты Ливана, которая содержит черные легионы фашиствующих молодчиков с распятиями на груди. Они защищают интересы таких, как мадам Сюрсок.

Маронитская община породила пышный букет политических правых партий. Самые влиятельные из них носят ярко выраженный фашистский характер. Их идеология—лещерный антикоммунизм.

Наиболее многочисленная и опасная организация правых—партия «Катаиб». Ее «фюреру» Пьеру Жмайелю далеко за 70. Его морщинистое лицо напоминает морду хищника: заостренный нос, злобный оскал рта. Седые волосы обер-фалангиста гладко зачесаны назад по моде 20-х годов. Идеи «фюрера» тоже не отличаются новизной. По его словам, он воюет за «свободное предпринимательство», против «коммунистов и палестинцев».

Жмайель основал свою партию в 1936 году, сразу же после возвращения с Олимпийских игр в Берлине, где он побывал в качестве капитана ливанской футбольной команды. Его очаровали марширующие штурмовики Гитлера, ему импонировала вся «философия» фашизма.

Недавно в фалангистской газете «Аль-Амаль» по-

явилось такое откровение: «Освободительная война против палестинцев только начинается».

Созданная Жмайелем военизированная организация «Ливанская фаланга» очень похожа на отряды штурмовиков, которыми он восхищался в «третьем рейхе». Не блещет оригинальностью и девиз ливанского «фюрера»: «Бог, Семья, Родина». «Я знаю,—говорил он в интервью парижскому журналу «Пари-матч»,—что это лозунг фашистов, но именно это тот идеал, к которому мы стремимся».

Его идеалы разделяют головорезы, пополняющие ряды фалангистов. Профессиональные убийцы, они на улицах Бейрута прячут свои лица под масками, свои имена—под кличками. Они боятся расплаты.

По оценке национально-патриотических кругов, на стороне фалангистов действует около тысячи бывших членов ОАС, ветеранов войны в Биафре и в Южном Вьетнаме. Как правило, они занимают командные должности. Вот почему в действиях право христианских отрядов все четче просматривается кровавый почерк «героев» Сонгми, «героев» массовой резни гражданского населения.

В руках у фалангистов новейшее оружие. Их снайперы бьют из винтовок с оптическим прицелом американского образца. Среди новых и новых тысяч жертв правых этого года немало женщин и детей. А оружие для фалангистов продолжает поступать непрерывным потоком. Его сгружают в порту в ящиках с надписью «Хрустальные люстры» или под еще какой-либо маскировкой.

Миру известно, что о фалангистах пекутся ЦРУ и Пентагон, их партнеры в НАТО. Не так давно американская газета «Вашингтон пост» сообщила, что в Монте-Карло состоялась сделка на 2,5 миллиона долларов между фирмой «Интернэшнл армамент корпорейшн» («Интерарамко») и право христианскими партиями Ливана. Сделка касается поставок оружия. Возможно, что смертоносный груз поступит в Бейрут под видом ящиков с «роялями» или «кухонного оборудования». Это не имеет существенного значения. Но симптоматично то, что фирму возглавляет некий Самюэль Камингс. У него значительный опыт работы в ЦРУ. И мало кто проверит ему, будто бы сейчас он находится в «отставке».

Однако было бы ошибочно видеть в зверствах фалангистов всего лишь религиозный фанатизм. В чем же тогда суть многомесячной междоусобной борьбы в Ливане?

Фалангисты объясняют: «Мусульмане—наши братья. Мы хотим их освободить от палестинцев и коммунистов. Именно за это мы и сражаемся. Правда, многие мусульмане сами стали коммунистами...»

По свидетельству западногерманского журнала «Штерн», главное не в религиозной принадлежности. Линия фронта в гражданской войне в Бейруте имеет четкие социальные контуры: по одну сторону ее находятся богатые, по другую—бедняки, по одну сторону—трущобные лагеря беженцев, по другую—роскошные дворцы...

То же самое происходит в сельской местности. Нет сейчас мира ни под оливами, ни под знаменитыми ливанскими кедрами. Весь край стал полем боя и тревог. Внешне конфликт и здесь имеет религиозный оттенок. Мусульманская деревня, где дома с плоскими крышами, воюет с христианской деревней, где дома с покатыми крышами из красной черепицы. Крест против полумесяца. Церковь против мечети. Однако в этой борьбе четко проступает ее классовый характер. В Ливане 1,5 процента собственников владеют 40 процентами всех земель.

...Особо следует сказать о палестинцах. Более 400 тысяч обездоленных нашли себе пристанище в Ливане. Из них 150 тысяч живут в лагерях на окраинах Бейрута. В палестинских лагерях сильны революционные настроения, а портрет Ленина далеко не редкость в их жилищах.

Лагеря эти находятся среди трущобных кварталов, где ютится местная беднота. Законы социальной солидарности сблизили неимущих, объединили их в борьбе за общие цели. Это содействовало тому, что религиозные мотивы конфликта отошли на задний план, уступая место четко выраженному классовому характеру противостояния. И если на стороне фалангистов—реакционные арабские лидеры, то христиане из бедных слоев населения сражаются против наемников местной олигархии плечом к плечу с мусульманскими бедняками.

Национально-патриотические силы Ливана выступают за светский характер государства, за демократию без конфессионализма, за социально-экономические преобразования.

Право христианские элементы, сказал член политбюро и секретарь ЦК Ливанской компартии Жорж Хауи в интервью еженедельнику «Бейрут аль-Маса», не добились ликвидации Палестинского движения сопротивления и национальных прогрессивных сил Ливана. Прогрессивные силы, подчеркнул он далее, выступают за урегулирование кризиса путем договоренности между всеми заинтересованными сторонами о проведении политических реформ в стране, о выработке формулы, гарантирующей существование Палестинского движения сопротивления в Ливане.

Подогреваемые извне, право христианские вожаки упорно отказываются найти политическое решение конфликта.

Стало известно, что правые готовят раздел Ливана. Есть несколько готовых вариантов образования «Малого иерусалимского королевства», как иногда называют план образования христианской общины своего религиозного государства. В этом деле активное участие принимает ЦРУ. По словам лидера национально-патриотических сил Джумבלата, ЦРУ готово выделить на раздел 70—80 миллионов долларов. В этом дроблении страны на религиозно-общинные куски заинтересован также Израиль. Вместе с тем в Тель-Авиве вынашивают планы широкого вторжения в Ливан. Что же касается вооруженных провокаций на южных границах страны, то они давно уже стали обыденным явлением.

Вместе с тем израильские агрессоры достигли секретного соглашения с право христианскими лидерами о поставках им оружия и боеприпасов. Военные суда Израиля осуществляют, не без ведома заправил НАТО, блокаду ливанских портов, находящихся в руках патриотов. Решению ливанского кризиса мешает также вмешательство внешних сил на стороне право христианских военных формирований.

Советский комитет солидарности стран Азии и Африки в Заявлении 1 октября подчеркнул, что «...своими провокационными действиями правые ливанские силы служат тем, кто стремится к новым захватам арабских земель, к установлению своего неокOLONIALИСТСКОГО контроля над всем районом Ближнего Востока... Происходящее ныне в Ливане наносит ущерб не только ливанскому народу, но и всей борьбе арабских народов и государств против израильской агрессии, за справедливое политическое урегулирование на Ближнем Востоке».

Мировая общественность требует прекратить кровопролитие в Ливане. Кризис должен быть разрешен мирным, демократическим путем, без какого-либо иностранного вмешательства, на основе сохранения территориальной целостности и национальной независимости страны.

ЖЕЛТЫЙ Д

РОМАН

ПРОЛОГ

Клятва в монастыре

За невысокой каменной оградой Шаолинского монастыря прозвучало несколько гулких ударов в колокол. Тягучий, вязкий звон на мгновение повис в воздухе. Затем он медленно поплыл через монастырские стены, через начинающуюся сразу же за ними ивовую рощу, через террасы рисовых полей, гигантскими ступенями сбегавших со склонов гор, и утонул в сочно-зеленом бархате густой тропической растительности где-то у вершин...

Время вечерней трапезы и службы уже прошло. Поэтому монахи, направляясь небольшими группами из своих келий в молельню, вполголоса спрашивали друг у друга, что мог означать сей неожиданный призыв.

Через несколько минут двор опустел. Звонарь пробил вторую стражу¹. В этот момент из отдаленной кельи вышли еще четыре послушника. Один из них, оглянувшись по сторонам, убедился, что за ними никто не наблюдает, и кивнул остальным. Все четверо быстро пересекли двор и исчезли в воротах.

Покосившиеся ворота с надписью «Кумирня, где постигается мудрость», обшарпанные, местами полуразвалившиеся стены, заброшенный, поросший дикими травами сад, давно не крашенные постройки — все свидетельствовало о том, что святая обитель переживает далеко не лучшие времена.

Когда-то здесь устраивались ослепительно-роскошные приемы местной знати из соседнего городка и окрестных деревень, литературные вечера, представления театра теней, праздники фонарей², шумные ярмарки. Но все это осталось в прошлом. В 1644 году Минская династия пала под ударами маньчжурских орд. Многие города были разрушены до основания, опустошены целые районы. Несметное количество отрубленных голов служило жутким украшением дороги завоевателей. Мужчин, чтобы унижить побежденных, под страхом смертной казни заставляли, по маньчжурскому обычаю, носить косу и брить часть головы. В деревнях новые власти установили жесткий закон круговой поруки — баоцзя. Доносы, преследования, пытки, казни стали таким же обычным атрибутом сельской жизни, как поклонение культу предков.

Особенно настороженно маньчжуры относились к монастырям, считая их очагами смут и беспорядков. Храмы, которые на протяжении веков были не только религиозными, но и культурными центрами Китая, хирели.

Пришел в запустение и Шаолинский монастырь. Не было здесь больше торжественных обедов с неповторимыми, разносившимися далеко вокруг ароматами китайской кухни. Перестали наезжать поэты, читавшие свои стихи перед толпой восторженных почитателей. В монастырских стенах не звучали уже мелодичные трели любимой в народе бамбуковой дудочки юэ. Не стало слышно веселого гомона многолюдных ярмарок. И даже бедные странники не могли найти здесь приюта, как это бывало раньше. Маньчжуры строжайше запрещали всякие сборища, они хватали каждого, кто казался им подозрительным.

Китай медленно увядал под игом маньчжурской династии Цин³.

Но с первых же лет установления чужестранного господства народ стал оказывать упорное сопротивление.

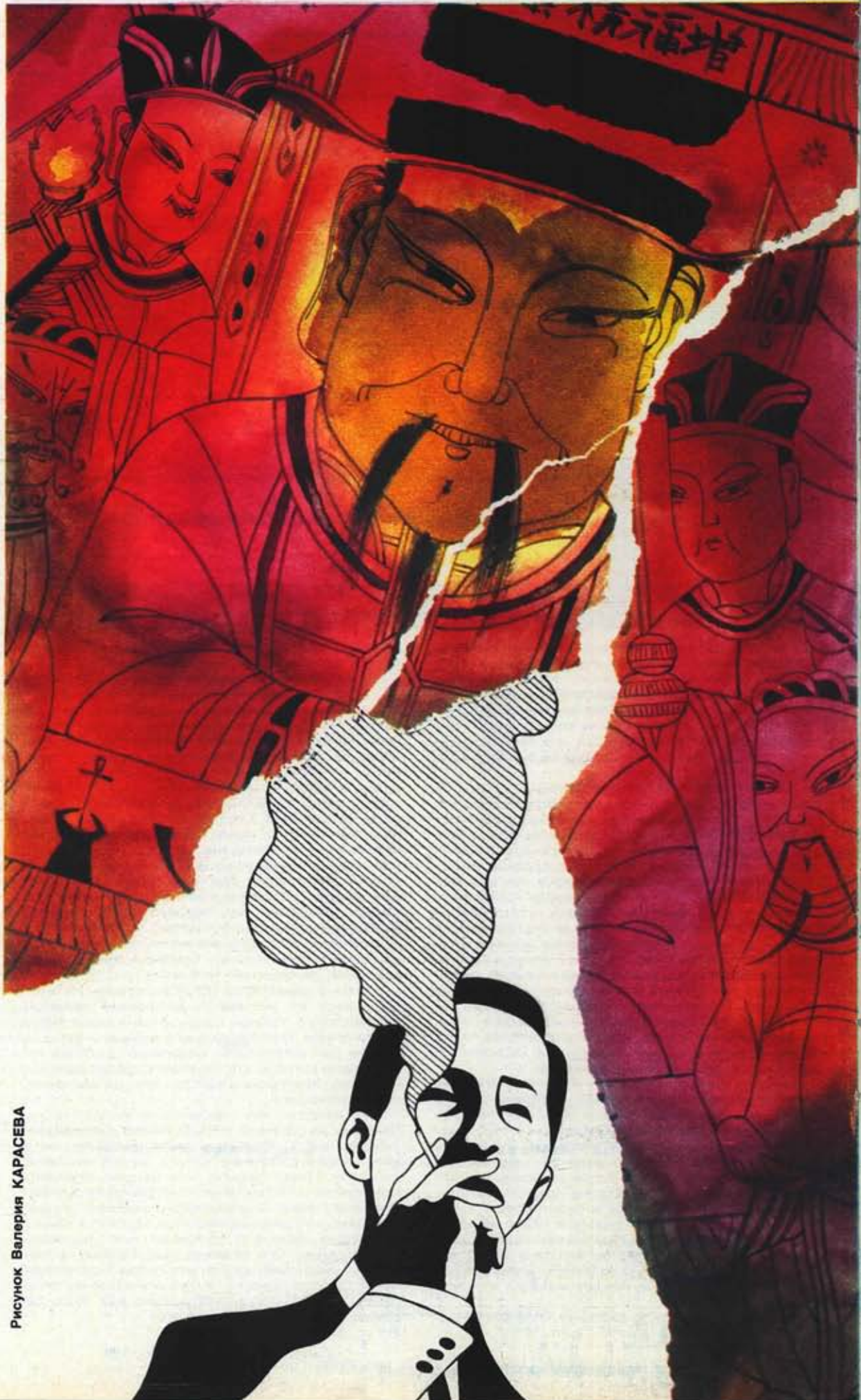

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

¹ В старом Китае вечернее и ночное время делилось на двухчасовые отрезки, которые назывались стражей. Первая стража начиналась в семь часов вечера.

² Праздник фонарей отмечался в старом Китае 15-го числа первого месяца по лунному календарю. В праздничную ночь жилища украшались разноцветными фонарями, по вечерам на улицах устраивались шествия с изображением дракона.

³ Цинская династия господствовала в Китае до 1912 года.

ЗАКОН ЦЗЯО

ление порабителю. Восстания вспыхивали то в одной, то в другой провинции.

Среди крестьян в монастырях начали появляться тайные общества. Они пользовались большим уважением в народе, потому что провозгласили лозунг «Да возвысится великая Минская династия и да падет Цинский дом!»

Сто восемь послушников Шаолинского монастыря вели добропорядочный образ жизни, довольствуясь молениями, скромными трапезами, и редко покидали свою обитель. Но впечатление покорности и непричастности к мирским делам, которое создавало тихое, размеренное существование обитателей святилища, было внешним. В скромной кумирне вынашивались планы восстания против чужеземцев. Монахи создали тайное общество и в соответствии с древней китайской концепцией трех основных сил в мире — неба, земли и человека — назвали его «Саньхэхой», или «Триада».

В молельне было тесно и душно. Монахи сидели на полу плотно сомкнутыми рядами. Нескольким послушникам не хватило места, и они уселись на потрепанные каменные ступени у входа.

На алтаре стояла небольшая бронзовая статуэтка Конфуция¹, курильница и две свечи. На стене висела икона бога литературы, войны и богатства Гуань Юя. Гуань Юй восседал на троне в головном уборе императора, со сложенными на груди руками. От уголков губ божества свисали длинные, но жидкие усы. Вокруг Гуань Юя стояла свита: двое юношей с одинаковыми лицами, воин с алебардой и чиновник. По обеим сторонам от иконы висели две красные дощечки с позолоченными иероглифами. Перед алтарем были курильницы побольше — с зажженными благовонными палочками. Палочки медленно тлели, наполняя помещение приторным запахом фимиама. Кругом горело много свечей. Красноватые, мерцающие блики танцевали на бледных, землистых лицах монахов.

— Братья! — обратился к присутствующим настоятель монастыря, высохший старик с серым, морщинистым лицом, реденькой седой бородкой и птичьей шеей. — Небо и Земля рожают людей. Люди добрые рождаются по предопределению доброй судьбы, а злодей — по велению злого рока. Дух чистоты и разума властвовал всегда в нашем храме. Но тонкая, как шелковинка, струйка зла и коварства просочилась под наши своды. Червь алчности выел душу одного из нас. Он предал братьев, с которыми делил рис и воду в течение многих лет.

Ропот возмущения пробежал по рядам сидящих. Старик поднял костлявую руку, и в молельне наступила тишина.

— До нынешнего дня ему удавалось скрывать свое гнусное предательство. Но сегодня я получил известие от нашего брата, который проник в стан врага. Он сообщил, что сюда идут маньчжуры, чтобы не оставить никого в живых... Он сообщил также имя предателя...

Настоятель умолк, медленно обводя послушников взглядом бесцветных глаз. Он взял грех на душу — солгал. Не было никакого лазутчика. Но весть о том, что маньчжуры собираются этой ночью вырезать всех обитателей Шаолинского монастыря, к несчастью, была правдой. Ее принес внук старого Ли, крестьянина-рыбака из соседней деревни, частенько навещавшего сюда с товаром.

Сомневаться не приходилось: маньчжурам сообщили о заговоре. Предателем мог оказаться только кто-то из своих: посторонние не были посвящены в тайну монахов. Внук рыбака — настоятель прекрасно это понимал — прибежал слишком поздно. Маньчжуры наверняка уже двигаются к кумирне по единственной ведущей сюда дороге. Попытаться покинуть монастырь бесполезно: с трех сторон его окружают отвесные скалы. Оставалось только одно — отправить нескольких человек за помощью, а самим попробовать продержаться до ее прихода.

Святой отец призвал к себе в келью четверых самых надежных послушников и приказал им отпра-

¹ Древнекитайский философ (1 в. до н. э.), положивший начало конфуцианству — одной из религий, и поныне существующей в Китае.

виться в путь, а оставшихся велел собрать, чтобы сообщить им о надвигающейся беде и попытаться обнаружить изменника...

Настоятель говорил медленно, временами замолкая и пыливо взглядываясь в лица сидящих.

— Братья! — повторил он, и в его голосе зазвучали торжественно-металлические нотки. — Мне известно имя того, кто продал свою душу ненавистным врагам...

Напряжение усилилось. Монахи, подавшись вперед, впились глазами в лицо святого отца.

— Он перед вами, братья! — сорвавшимся голосом выкрикнул старик, и слова его вспороли повисшую в помещении тишину.

Взгляд настоятеля задержался на открытых дверях молельни, и молодой послушник, сидевший на ступенях у входа среди тех, кому не хватило места внутри, вдруг вскопчил и опрометью бросился к приоткрытым воротам монастыря. Несколько человек из задних рядов рванулись за ним.

— Стойте! — крикнул святой отец. — Он не уйдет далеко.

И действительно, через минуту три дюжих монаха втащили беглеца во двор со скрученными за спиной руками. Мудрый старик предусмотрительно оставил снаружи верных людей.

Сидевшие на полу монахи раздвинулись в стороны. Изменника провели через образовавшийся проход к алтарю и заставили опуститься на колени. Молельня возмущенно гудела. Настоятель знаком приказал всем замолчать.

— Правильно говорят люди: в теле предателя — душа труса, — произнес он в наступившей тишине.

Затем святой отец повернулся к стоявшему на коленях послушнику.

— Не думал я, когда подобрал тебя восемнадцать лет тому назад на дороге, грудного, полумертвого, что принесу крысу в святую обитель, — сказал он с горечью. — Не думал, когда растил тебя, что взращиваю смерть свою. Ответ же нам, что заставило тебя переметнуться к маньчжурам? Много ль посулили тебе за наши головы? Говори же, А Цат!

Юноша стоял на коленях и смотрел перед собой, уставившись в одну точку. Глаз из-под полуприкрытых век почти не было видно — только две маленькие щелочки. Губы плотно сжаты. Казалось, он не слышал слов настоятеля. В полной тишине прошла минута, другая.

Вдруг А Цат очнулся. Он обвел глазами своих бывших братьев, и лицо его исказила гримаса ненависти.

— Вы все умрете! — закричал он. — Все! Вам осталось жить на свете не больше часа! Маньчжуры перебьют вас! И мне наплевать на вас! Слышишь, старик? Наплевать! Вы не убьете меня! Всевышний не простит вам убийства!

Его выкрики перешли в истерические рыдания, из груди вырвались хрипы, в горле заклокотало. Потом А Цат затих. Снова глаза-щелочки. Плотно сжатые губы.

На несколько секунд в молельне воцарилась полная тишина. Затем монахи взорвались:

— Смерть предателю! Смерть!

Настоятель безуспешно пытался утихомирить разъяренных послушников.

— Пусть заплатит за свою измену!

— Четвертовать его!

— Повесить!

С трудом удалось святому отцу восстановить тишину в молельне.

— Опомнитесь, братья! — негодуя вскричал он, когда последние возгласы стихли. — Разве Совершенномуудрый¹ учил нас жестокости? Вспомните: добрым я делаю добро и недобрым также делаю добро. Так воспитывается добродетель. Не будем же, братья, нарушать завет Совершенномуудрого. Нет! А Цат недостойн смерти. Он останется жить. Но это будет высшей карой за его измену.

Через два дня вечером к стенам Шаолинского монастыря, прячась за деревьями, подошли четверо

¹ Одно из нарицательных имен Конфуция.

монахов, которых настоятель отправил за подмогой. Они вернулись ни с чем.

Послушники бесшумно проникли во двор через потайную дверь и в ужасе остановились, глядя на страшную картину: земля была усеяна телами обитателей кумирни — обезглавленными, со вспоротыми животами, отрубленными конечностями. Не менее жуткое зрелище ожидало их в молельне, где лежали изуродованные трупы настоятеля и монахов. В помещении стоял невыносимый смрад.

Послушники быстро вышли оттуда и направились в глубь двора, к келье, которую они покинули два дня назад.

В этот момент от ограды до них донесся слабый стон. Монахи насторожились. Стон повторился. Все четверо бросились к стене. На земле, весь в крови, лежал один из их собратьев, чудом оставшийся в живых.

Его перетаскивали в келью, отмыли от крови, перевязали. Часа через три раненый пришел в себя и в нескольких словах поведал присутствующим о событиях той ужасной ночи. Никто не пытался выяснить подробности: увиденное говорило само за себя. Один из монахов, по имени Юн Си, — он выглядел старше других и считался вторым после настоятеля человеком в монастыре — произнес:

— Братья! Из-за подлого предательства нам нанесен тяжелый удар. Нас было больше сотни, а осталось пятеро. Но голос Совершенномуудрого говорит мне, что мы не должны оставлять начатое дело. Небо призывает нас вдохнуть жизнь в умирающую «Триаду». Готовы ли вы к этому?

— Да, — в один голос негромко, но твердо ответили монахи.

— Готовы ли вы продолжить нашу священную борьбу против ненавистных маньчжуров?

— Да.

— Готовы ли вы умереть за высшую справедливость?

— Да!

— Тогда слушайте меня, братья. У меня нет никаких способностей. Единственное, что я имею, — это верность долгу. Я поддерживаю Минскую династию и готов уничтожить изменников, не зная страха. Моя судьба зависит от неба. Смотрите на мое сердце и слышайте мои слова. Союз Неба, Земли и Человека возродился из крови наших погибших братьев. Мы были слишком доверчивы и поплатились за это. Отныне беспощадность — главный закон «Триады». Да возвысится великая Минская династия и да падет Цинский дом! Царь Небо, царица Земля и светлые духи наших предков, будьте свидетелями моих слов.

С этими словами Юн Си вытащил из-за пояса кинжал и поднес его ко рту.

— Пусть братья отрежут мне язык, если я нарушу закон молчания.

Он приоткрыл рот и острием кинжала резко провел по кончику языка. Губы монаха окрасились в алый цвет. По подбородку пробежала тоненькая струйка крови. Юн Си был страшен в этот момент: бритоголовый, с раздувающимися ноздрями, с кровью на подбородке. Он поднял кинжал правой рукой и сделал резкое движение вниз. Лезвие, описав дугу, уперлось в сердце Юн Си.

— Пусть сердце мое пронзит острый металл, если я когда-нибудь предам великое братство.

После этого к клятве приступили остальные монахи. Но, прежде чем последний из присутствующих начал ритуал, со стороны молельни послышались неясные шорохи. Юн Си взглядом приказал одному из послушников узнать, в чем дело. Тот молча выскользнул из кельи и растворился в темноте. Появился он так же бесшумно, как и исчез.

— А Цат, — шепотом произнес монах.

— Что он там делает?

— Что-то ищет у алтаря.

Юн Си усмехнулся.

— Он ищет богатства преданных им братьев! Значит, маньчжуры ушли. У нас действительно есть кое-что. Но А Цат ничего не найдет: место, где они спрятались, было известно только святому отцу и мне. А золото еще послужит нам хорошую службу.

Глаза Юн Си сверкнули недобрым пламенем. — Совершенномуудрый отдает предателя нам в руки. Тем лучше!

Монахи схватились за кинжалы.

— Подождите,—остановил их Юн Си,—слушайте, что нужно делать...

Когда Юн Си закончил говорить, послушники тихо направились к молельне.

А Цат продолжал свои бесплодные поиски. Он медленно ощупывал пол у алтаря в надежде, что одна из каменных плит покачается и перед ним откроется тайник.

— А Цат!—раздался вдруг шепот.

А Цат вздрогнул, хотя этот зов не был для него неожиданностью. Расправившись с обитателями Шаолинского монастыря, маньчжуры целые сутки ждали четверых послушников, исчезновение которых обнаружил А Цат. К вечеру следующего дня маньчжуры ушли, А Цату велели остаться и сообщить о появлении «смутьянов».

— А Цат!—снова послышался знакомый голос.—Брат!

Услышав слово «брат», испугавшийся в первую минуту А Цат успокоился. Конечно же, пришедшие ничего не могли знать о событиях той ночи.

— Я здесь, Юн Си,—тоже шепотом ответил он и вышел из молельни.

— Здравствуй, брат!—приветствовал его Юн Си.

— Здравствуйте, братья,—ответил А Цат и грустным голосом добавил:—Ужасно видеть, что сделали проклятые маньчжуры со святым отцом и остальными нашими братьями.

Услышав эти кощунственные слова, Юн Си с трудом заставил себя не броситься на предателя и не задушить его здесь же, у дверей молельни.

— Да,—медленно согласился он,—нет предела нашей скорби. Но мы рады видеть живым хотя бы тебя. Ты расскажешь нам о последних часах наших дорогих братьев.

— Увы, я не был с ними в те страшные минуты и не могу простить себе этого. Лучше бы я умер вместе со всеми!

«Тебе недолго осталось ждать»,—без жалости подумал Юн Си.

— После вашего ухода,—продолжил А Цат,—святой отец послал меня в деревню выведать, когда маньчжуры собираются напасть на монастырь. Но я не застал их. Они ушли другой дорогой. Когда я вернулся, все было кончено.

А Цат произнес эти слова и вдруг вспомнил, что в кумирню нет другой дороги. Он бросил испуганный взгляд на Юн Си. Но тот сделал сид, что ничего не заметил.

— Не владей в уныние, брат,—сказал Юн Си, положив руку на плечо изменника.—«Триада» не умерла. Мы возродили ее и продолжим борьбу. Готов ли ты идти с нами? Мы устранили ли тебя смерть наших дорогих братьев?

— Я готов,—поспешно ответил А Цат.—Мы отомстим за них!

— Тогда не будем терять драгоценное время. Пойдем в мою келью. Примем клятву верности и покинем это ужасное место.

Монахи возвратились в келью Юн Си. Как было условлено заранее, сначала совершил ритуал клятвы последний из пятерых послушников.

— Твой черед, брат,—обратился Юн Си к А Цату.

Тот кивнул головой. Было видно, что он сильно золнуется. Дрожь, которая начала охватывать А Цата при первых словах клятвы своего собрата, била его все больше.

Двое монахов вышли из кельи.

Юн Си поднес кинжал к губам А Цата. Заплетающимся языком тот произнес нужные слова. Затем лезвие уперлось ему в грудь.

— Пусть сердце мое пронзит...—начал А Цат и оскеса.

Глаза его расширились. В келью внесли Лу Чжэна, которого А Цат видел еще вчера лежащим у стены и считал мертвым.

— Да! Пусть твое подлое сердце пронзит острый металл!—вскричал Юн Си и вонзил кинжал в грудь предателя.

А Цат качнулся и рухнул на пол.

— Святой отец был слишком добр,—глухо произнес Юн Си, с ненавистью глядя на бездыханное тело,—он чтит заветы Совершенномудрого. Но ведь Совершенномудрый не предполагал, что среди людей будут жить ублюдки с душой крысы!

Он немного помолчал и обратился к присутствующим:

— Братья! Я призываю вас принять клятву крови в знак верности друг другу и нашему священному союзу Неба, Земли и Человека.

Юн Си сбросил с себя сутану и кинжалом сделал надрез на левой стороне груди, под сердцем. Под капающую из раны кровь он подставил фарфоровую пиалу, потом протянул ее собратьям. Те последовали его примеру. Когда капли крови последнего из монахов упали в сосуд, Юн Си взял его и отпил маленький глоток. Остальные сделали то же самое.

Ритуал был окончен.

— Отныне мы должны хранить в великой тайне

все, что связано с нашим священным братством. Я запрещаю без надобности произносить слово «Триада». Прежде чем это слово сорвется с наших уст, они должны быть омыты ароматным чаем. В общении между собой мы не будем называть друг друга настоящими именами. Пусть каждый выберет себе новое имя. А теперь—прочь отсюда! Святая обитель осквернена нечистой кровью изменника!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЛАКАНГ-МАТИ

1

Каменистая почва с трудом поддавалась лопате. Прочесав очередную порцию проклятий в адрес строительной компании, с которой он недавно заключил контракт, Пенг с ожесточением мазнул по взмокшему от пота лицу замызганной, похожей на панаму шляпой с обвислыми краями, и снова взялся за кирку. Говоря по правде, ему повезло. На этот раз контракт обещал неплохие деньги, и Пенг ругался просто по привычке.

В конце концов на жару и камни ему было наплевать. Пенг привык к тому и другому. Единственное, что смущало суверенного и боязливого малайца,—это зловещее название острова, куда их привезли три дня назад, чтобы рыть траншею для водопровода.

Находящийся недалеко от Сингапура остров назывался действительно странно—Блаканг-Мати¹. После окончания второй мировой войны и капитуляции Японии там жили лишь десятка три рыбаков. Да и те вскоре уехали в другое место, потому что, по слухам, в неглубоком, но обширном болоте Блаканг-Мати якорь и вправду существовал «Сад смерти».

Про него ходили различные небылицы, которые со временем обросли жуткими подробностями. Говорили о разгуливающих по острову мертвецах, об их оргиях, о драконе Цзяо, убивающем людей, и тому подобной чепухе. Особенно страшно звучали рассказы о мифическом драконе. Говорили, что это никакая не выдумка, что дракон на самом деле живет на Блаканг-Мати, и даже в деталях описывали его внешний вид. Если верить пересудам, то был он ярко-желтого цвета, ходил на двух ногах, на голове вместо короны носил огромного живого паука, а на шее—ожерелье из черепов убитых людей. Сообщая подробности, рассказчики обычно клялись в полной достоверности сказанного и ссылались на очевидцев, которых, впрочем, никто никогда не видел.

Досужей болтовне верили и не верили, тем более когда речь заходила о драконе Цзяо: редкая книжка китайских легенд обходилась без упоминания о нем. И все-таки желающих отправиться на остров долгое время не находилось. Рыбачьи джонки и сампаны старались обходить стороной пустынный, окруженный ореолом таинственности клочок земли. Даже предпринимчивые сингапурские бизнесмены не спешили «осваивать» это сомнительной репутации место, хотя почти все окрестные острова уже были прибраны к рукам, а неумная энергия дельцов вновь настойчиво искала выхода.

Но алчность обычно берет верх над предрассудками. Несколько дельцов вознамерились превратить Блаканг-Мати в туристский рай с канатной дорогой, скалочной лагуной для плавания и фешенебельным гольф-клубом со вступительным взносом в восемь тысяч долларов. Они без лишнего шума ударили по рукам с одной из строительных компаний, и та быстро перебросила на остров рабочих.

Земляные работы начали с рытья траншеи для водопровода. Первые два дня копали медленно из-за нескончаемых камней. Траншея должна была проходить по краю болота, и на третий день земля стала помягче, однако камни, к неудовольствию землекопов, все равно продолжали попадаться...

Пенг с кряхтением выпрямился, потер затекшую поясницу, прищурившись, посмотрел на небо и пугливо поежился.

Солнце погружалось в сероватую перину из облаков. Меняя цвет, они тяжелели и лениво перемещались над изломанной холмами линией горизонта, словно исполняли медленный ритуальный танец. В какой-то момент вся эта бесформенная масса приняла, как показалось Пенгу, очертания дракона и так застыла, зацепившись за нерасчесанную прядь джунглей, свисавшую с одного из холмов.

Малаец счел увиденное за дурное предзнаменование и подумал, что остров не зря назвали «Садом смерти». Он начал читать молитву, уставившись в одну точку и беззвучно шевеля губами. Дракон не исчезал.

— Эй, Пенг, ты что, покойника увидел?—насмеш-

ливо спросил работавший поблизости молодой землекоп.—Смотри, как бы он не утащил тебя в свое болото.

— Смотри—дракон!—Пенг испуганно показал пальцем в небо.

— Где?—парень с наигранным интересом стал вглядываться в облако.

— Да вон же, у холма, не видишь разве?—произнес Пенг, продолжая с тревогой поглядывать вдаль.

— Ну, как же! Вон и паук на голове,—парень повернулся к другому рабочему, который прислушивался к их разговору, и выразительно крутнул пальцем у виска.

Пенг обиженно поджал губы и вновь принялся за дело.

После захода солнца дракон почернел. Алые цветы диких бананов догорели на зеленых склонах, и вскоре в наступившей темноте все слилось воедино: холмы, болото, землекопы, монотонно вскидывавшие лопаты и кирки.

Закашлял движок, на траншею упал мягкий голубоватый свет прожекторов. Часть воды на болоте высветилась, заискрилась, и Пенг, посмотрев туда, вдруг отчетливо вспомнил чьи-то слова о блуждающих огоньках в «Саду смерти». Его охватила дрожь. Проклиная все на свете, в том числе и себя, за то, что согласился приехать сюда, Пенг со злостью бросил кирку и снова взялся за лопату, чтобы отгresti разрыхленную землю. Потом он стал копать глубже: там почва оказалась более податливой. Но лопата тут же уперлась во что-то твердое.

«Проклятые камни!»—выругался про себя Пенг и копнул рядом.

Лопата снова без труда вошла в землю. Окопав со всех сторон и подцепив то, что ему показалось камнем, малаец, к своему удивлению, сменившемуся через секунду ужасом, увидел человеческий череп.

— Сад смерти! Сад смерти!—закричал Пенг, швырнув в сторону лопату.

Череп покатился по откосу к его ногам.

— А-а! Он живой! А-а!—заорал совсем обезумевший от страха малаец и пустился наутек.

Видимо, не он один чувствовал себя здесь неуютно: рабочие разом обернулись на крик, настороженные, готовые броситься врассыпную.

— Череп!—вопил Пенг, перескакивая через кочки.—Он живой! Сад смерти!

Слово «череп», как ни странно, немного успокоило землекопов. В глазах у многих настороженность сменилась любопытством. Парень, который подтрунивал над Пенгом, подошел к черепу и стал его разглядывать.

— Обыкновенная черепушка,—небрежно-разочарованным тоном объявил он.

Эти слова окончательно разрядили повисшее было над траншеей напряжение.

— Тьфу, дурак!—незлобиво ругнулся полный землекоп с бельмом на глазу и в сердцах вонзил лопату в землю.

Но уже в следующий момент раздалось несколько удивленных возгласов подряд:

— Скелет!

— И здесь тоже!

— Еще один!

За несколько минут около болота было обнаружено с десяток скелетов. Некоторые из них лежали в неестественных позах. Рытье траншеи приостановилось: рабочие бурно обсуждали увиденное.

На шум прибежал мастер.

— Вы что, костей никогда не видели?!—накинулся он на землекопов.—Ублюдки недоделанные! Голодранцы несчастные! Только бы не работать! Велика важность—заброшенное кладбище! Марш по местам! За что вам только деньги платят?!

Рабочие неохотно повиновались. Все понимали, что на заброшенном острове не может находиться обычное кладбище, но спорить с мастером никто не стал: кому хотелось терять хороший заработок?

Пенг стоял метрах в пятидесяти от траншеи. Он был бледен и тяжело дышал. Вид неработающего землекопа окончательно разъярил мастера.

— Протухшая устрица!—заревел он.—Бездельник проклятый! Тебя не касается?!

Пенг нерешительно направился к своему месту.

— Поворачивайся, недоносок поганый! Лентяй! Работа возобновилась. Копали в угрюмом молчании. Слышался лишь неприятный скрежет лопат по камням да глухие удары кирок.

Вдруг кто-то произнес сдавленным голосом:

— Смотрите!

— Насмотрелись уже,—буркнули в ответ. Но говоривший, заикаясь, повторил:

— С-смотрите! Это не скелет. Там че-человек! Землекопы застыли.

— Человека закопали!—дрогнувшим голосом произнес кто-то, и жуткий смысл этих слов сразу вывел всех из оцепенения.

Вдоль траншеи прошельстел приглушенный ропот. Рабочие стали опасливо приближаться к яме. Из земли торчали ноги в ботинках и темно-серых брюках.

¹ Сад смерти (малайск.).

— Убийство! — прошептал рабочий с бельмом на глазу.

И сразу же послышались выкрики:

— Мастера сюда!

— Не будем работать!

— Пусть зовут полицию!

Пенг на этот раз от страха не смог даже сдвинуться с места. Ноги у него подкосились, и малаец бессильно опустился на землю.

— Я знал, — срывающимся голосом забубнил он, пытаясь отползти подальше, — я знал, что так случится! Я видел дракона! Аллах! Нужно уходить отсюда! Не то мы все станем покойниками! Сад смерти! Сад смерти! Спаси нас, Аллах!

— Заткнись! — прикрикнули на него.

Но Пенг продолжал бормотать, не слыша никого и ничего не видя вокруг себя.

Протиснувшийся в середину толпы мастер открыл было рот, чтобы снова рывнуться на землекопов, но тут же прикусил язык и ошалево усталился в траншее.

— Зовите полицию! — негромко сказали сзади.

Часам к восьми на остров приехали полицейские из районного участка, а еще через полчаса — несколько человек из уголовного управления.

Низенький инспектор с недовольным лицом подошел к траншее, посмотрел на торчавшие из земли ноги и кивнул своим людям. Один из них приблизился, вскинул фотоаппарат. Сверкнула магниевая вспышка. Двое других с деловым видом занялись осмотром земли вокруг трупа. Четвертый, с чемоданчиком, медицинский эксперт, стоял, ожидая приказаний.

К траншее подошел полицейский в форме сержанта.

— Господин инспектор, мы приехали полчаса назад, из районного участка...

— Кто здесь старший? — не обращая внимания на сержанта, крикнул инспектор в ту сторону, где толпились землекопы.

Мастер вышел вперед.

— Я, господин инспектор.

— Откапывайте. — Инспектор показал рукой на труп.

Мастер подзвал двух рабочих с лопатами, и те нехотя принялись за дело.

— Сколько дней ведутся работы? — спросил инспектор у мастера.

— Третьего дня начали, господин инспектор, — с готовностью ответил тот.

— На ночь рабочие остаются здесь или уезжают?

— Всех увозят, господин инспектор. Никто здесь не остается.

— А сторож?

— Да-да, конечно, сторож...

— А говоришь «никто», — недовольно произнес инспектор.

Мастер виновато заморгал глазами.

— Инспектор! — крикнул один из детективов, внимательно рассматривавший что-то у себя под ногами метра в двадцати от траншеи. — Здесь тоже земля взрылена. Может, второй труп?..

— Вы там копали? — обратился инспектор к мастеру.

— Нет, господин инспектор, не копали. По плану траншея правее должна проходить.

— Дьявольщина! Если мы будем находить трупы через каждые несколько метров...

Инспектор не договорил, что произойдет в этом случае, и направился к своему подчиненному.

— Давайте еще рабочих! — крикнул он.

К нему подошла вторая пара землекопов.

В это время портативная рация инспектора, висевшая у него сбоку на ремне, издала несколько слабых, протяжных гудков, и из аппарата послышался ворчливый голос:

— Инспектор! Где вы, черт побери!

— Слушаю, шеф.

— Я же приказал связаться со мной с острова.

— Мы только что приехали.

— Меня совершенно не интересует, когда вы приехали. Что там у вас?

— Обнаружено с десятка скелетов и, кажется, два трупа.

— Не морочьте мне голову! Что значит «кажется»?

— Один труп был раскопан рабочими, а мы нашли еще одно место, похожее на свежее захоронение. Через несколько минут я свяжусь с вами...

— Точно, второй! — громко подтвердил один из рабочих, раскапывающих вторую яму. — Вон рука показалась...

— Да, здесь два трупа, шеф, — произнес инспектор в аппарат. — Не знаю, может быть, есть еще. Мы не успели все осмотреть.

— Хм... Вот что... Прекратите-ка раскопки.

Инспектор жестом приказал рабочим остановиться и отошел в сторону.

— Почему, шеф? — вполголоса спросил он.

— Не хочу, чтобы Аланг снова упрекал нас в том, что мы мешаем ему работать. Могильник — дело рук тайных обществ. Я в этом уверен.

— Похоже на то, — согласился инспектор.

— Вот пусть «Си-Ай-Ю» и занимается этим кладбищем с самого начала. Это их дело. Оставьте охрану на острове и возвращайтесь. За ночь там ничего не изменится. А утром известим Аланга.

Инспектор вернулся к траншее.

— Сержант, останьтесь со своими людьми здесь. К могильнику никого не подпускать. Расследование начнется завтра.

— У нас закончилось дежурство, господин инспектор, — ответил тот.

— Меня это не касается. Свяжитесь со своим участком и просите, чтобы вас сменили.

— А что нам делать? — спросил мастер.

— Вам пока надо убраться... Оставьте адреса. Понадобятся свидетельские показания — вас найдут. Работы временно прекращаем. Компанию известят, когда их можно будет возобновить...

Инспектор круто повернулся и двинулся к катеру. За ним потянулись остальные.

2

Патрик Ло начал работать в «Криминал интеллидженс юнит», или сокращенно «Си-Ай-Ю» — секретной службе по борьбе с тайными обществами, — лет десять назад рядовым детективом. Китаец с нестандартным именем быстро завоевал расположение шефа «Си-Ай-Ю» Теона Аланга, а затем стал просто его любимцем. Уже через год Ло получил должность инспектора, в то время как его старшие коллеги безуспешно ждали повышения по несколько лет.

Ло сделал этот быстрый скачок не только потому, что шеф питал к нему личные симпатии. Молодой детектив был умен, ловок, решителен, обладал железной хваткой. С годами пришли опыт, рассудительность, терпение, хотя порой Алангу все же приходилось сдерживать излишнюю горячность своего подчиненного.

Инспектор откинулся на спинку кресла и закурил. Перед ним лежала папка с надписью «Анг Сун Тонг». Ло занимался этим тайным обществом уже шестой год...

Тайные общества существовали в странах Юго-Восточной Азии с прошлого столетия. Поначалу они создавались эмигрантами из Китая как группы взаимопомощи и самозащиты на чужбине. Их члены называли свои объединения «триадами», подчеркивая тем самым, что они преследуют исключительно благородные цели, как и та, старая «Триада», которая на протяжении двух с половиной столетий вела борьбу против маньчжурского ига.

Но со временем контроль над этими группами оказывался либо в руках состоятельных эмигрантов, либо проходивцев, и они использовали членов «триад» в своих корыстных интересах. «Триады» перерождались, вступая на путь преступного бизнеса. Их основными занятиями стали грабеж, рэкет и контрабанда.

Особенно активной деятельностью этих преступных организаций стала после второй мировой войны. Еще лет пятнадцать назад таких тайных обществ насчитывалось в Сингапуре больше сотни. «Китайская мафия», как их здесь называли, представляла собой реальную угрозу безопасности жителей острова-государства. Ее контрабандная деятельность отрицательно сказывалась на экономике. Это заставило правительство принять целый ряд срочных мер, одной из которых было создание специальной полицейской службы.

В первые годы «Си-Ай-Ю» успешно справлялась со своей задачей: за несколько лет в тюрьму угодило около семисот вождей и других высших главарей преступных организаций. Среди них, между прочим, оказались три известных в стране финансиста.

К концу шестидесятых годов в Сингапуре оставалось только семь крупных тайных обществ. Однако они доставляли много хлопот «Си-Ай-Ю». Общее число их членов достигало почти двадцати тысяч и, несмотря на усилия «Криминал интеллидженс юнит», теперь стало убавляться крайне медленно: очевидно, оставшиеся тайные общества были наиболее сильными организациями из всех существовавших в Сингапуре «триад».

Наиболее многочисленной и опасной из «триад» была «Анг Сун Тонг». В нее входили люди самых разных категорий: от солидных бизнесменов до рикш и бездомных бродяг. Даже полицейские состояли в ней. Этот преступный синдикат имел четкую, хорошо законспирированную структуру, собственные законы, свой суд, своих палачей для исполнения приговоров. Он соблюдал ритуалы, заимствованные у «Саньхэ-хой», для поддержания сплоченности среди своих членов. Диапазон его деятельности был широк: от торговли валютой, золотом, наркотиками и «живым товаром» до пиратства в Южных морях. «Анг Сун Тонг» имела связи с «триадами» в Гонконге, Макао, Таиланде, на Филиппинах...

Ло сделал еще несколько затяжек, потушил сигарету и открыл dossier, чтобы занести в него очередную

информацию об «Анг Сун Тонг». Инспектор почерпнул ее во время допроса гангстера из тайного общества «Хенг Ки». Сведений об «Анг Сун Тонг» у Патрика накопилось довольно много: в dossier значились клички вождей, имелась информация об их положении в тайном обществе, структурные схемы, описание ритуалов и тому подобное. Но дальше этого дело не шло. В последние четыре года лишь три члена «Анг Сун Тонг» оказались за решеткой. Двое из них были мелкими рыбешками и ничего интересного сказать просто не могли. Третий заговорил. Но буквально на следующий день его нашли мертвым в камере уголовной тюрьмы — своей тюрьмы у «Си-Ай-Ю» не было.

Из селекторного телефона раздался голос Аланга: он вызывал к себе инспектора.

Когда Патрик вошел в кабинет шефа, тот сидел за столом и что-то читал.

— Я слушаю вас, Теон, — сказал Ло, усадившись в кресле, стоявшем у письменного стола.

— Прочтите это, Патрик.

Аланг, не отрываясь от бумаг, протянул инспектору сводку, присланную из Управления уголовной полиции. Ло взял ее и пробежал глазами. Такие сводки приходили в «Си-Ай-Ю» ежедневно, но почти все они были однообразны и не очень интересны. Текст сегодняшней информации гласил:

«12 января на острове Блаканг-Мати было обнаружено несколько скелетов и два мужских трупа. Предположительно там находится могильник неизвестного происхождения. Не исключена вероятность, что в данном преступлении замешаны тайные общества».

Патрик усмехнулся. Последняя фраза давно уже стала дежурной в сводках уголовного управления и, появляясь не реже двух раз в неделю, приводила Аланга в бешенство. Впрочем, эта информация явно заслуживала внимания.

— Суховато, — заметил Ло, кладя сводку на стол, — могли бы для приличия дать кое-какие сведения о трупах.

Шеф «Си-Ай-Ю» резко отодвинул от себя бумаги, выскочил из-за стола и начал ходить по кабинету, глядя себе под ноги. Наконец он остановился и поднял на инспектора свои слишком узкие для малайца глаза, к тому же скрытые почти наполовину опухшими от постоянного недосыпания морщинистыми веками.

— Мне только что звонил шеф уголовной полиции. Ему сообщили об этом вчера вечером, и на Блаканг-Мати были отправлены люди. Они ни к чему не притронулись, однако успели сделать вывод, что там «поработали» тайные общества. Решили спихнуть расследование нам, поставили охрану и смотались! Как вам это понравится?

Патрик скривил губы, давая своим видом понять, что ему это вовсе не по душе. Аланг снова заходил по кабинету.

— Болваны! Их начальник — эта старая обезьяна с пустым кокосом вместо головы — заявил, что он, видите ли, решил не создавать нам лишних трудностей при расследовании. Не хотели выполнять нашу работу — черт с ними! Но они были обязаны поставить нас в известность немедленно! Мало ли что могло случиться за ночь!

Ло невозмутимо закурил сигарету и терпеливо ждал, когда шеф разрядится.

Наконец Аланг затих, сел за стол и ровным голосом сказал:

— Поезжайте на остров, Патрик, и начинайте расследование. Выводы делать рано, но, по-моему, там будет над чем поработать.

Ло молча кивнул и, захватив со стола шефа сводку, отправился к себе. Из своего кабинета он соединился с дежурным по управлению.

— Слушаю, инспектор.

— Через двадцать минут выезд на расследование. Подготовьте группу.

— Хорошо.

— Да, вот еще что. Мы едем на Блаканг-Мати — нужен катер.

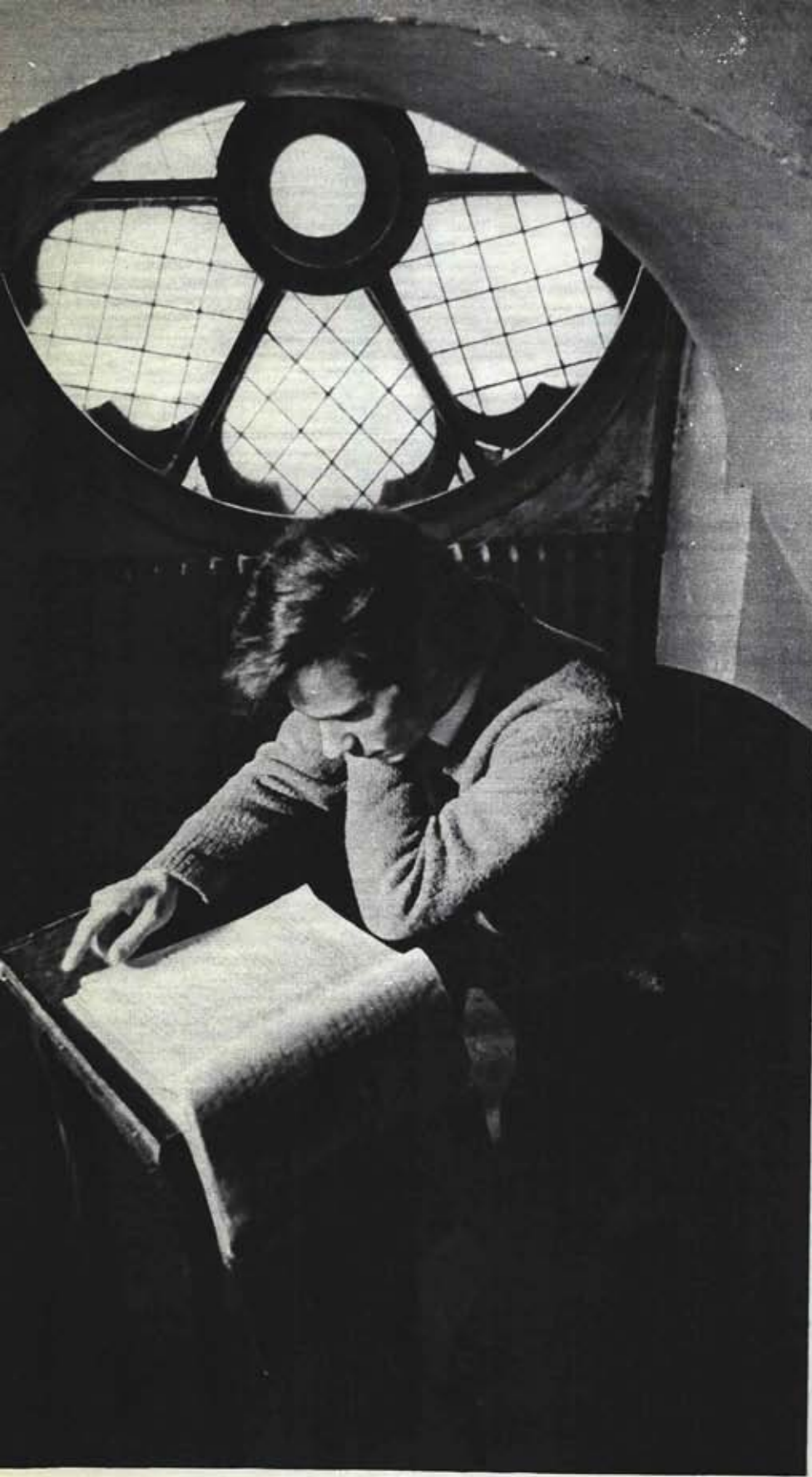
— Инспектор, — дежурный замаялся, — вы знаете, как относятся к нашим просьбам в береговой полиции. Я боюсь, что...

— Ладно, — перебил его Патрик, — я сам с ними договорюсь.

Своих водных транспортных средств в «Си-Ай-Ю» не было, поэтому каждый раз, когда возникала необходимость, приходилось обращаться в «лягушатник» — так Ло называл береговую полицию. Но особенно восторгом звонки из «Си-Ай-Ю» там не вызывали. И на этот раз инспектору пришлось вести долгие и нудные переговоры.

Получив, как всегда, «в порядке одолжения» разрешение на катер, Патрик позвонил в Управление уголовной полиции и попросил приехать на Блаканг-Мати кого-нибудь из тех, кто был там вчера. На другом конце провода поспешно заверили, что человек выедет немедленно. Вероятно, их шефу минут десять назад здорово икалось.

Продолжение следует.

МОЛОДЫЕ
МАСТЕРА
ИСКУССТВ

КЛЮ

Людмила ШВАРЦ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

Петерис Плакидис... Имя этого двадцатидевятилетнего музыканта сегодня знает вся Латвия. В кругу творческой молодежи его композиторская и исполнительская деятельность уже давно привлекала всеобщее внимание. Яркое, своеобразно проявил он себя и в студенческие годы, и во время работы в Академическом театре драмы имени Андрея Упита, и в аспирантуре Латвийской государственной консерватории имени Язепа Витола.

Постепенно известность Петериса перешагнула рамки узкопрофессионального круга, и в этом году он был удостоен премии Латвийского комсомола за создание ряда камерных и симфонических сочинений.

Петерису Плакидису вышла честь выступить от имени всех лауреатов на торжественном вечере в Государственном академическом театре оперы и балета Латвии, где проходило вручение премий. Тогда он сказал: «Работать теперь будет труднее, но и радостней...»

В зале было много поклонников творчества Петериса Плакидиса, и среди них два человека, которым

успех Петериса был особенно дорог, — проректор Латвийской государственной консерватории Дзинтарс Бернардович Клявинь и творческий руководитель Плакидиса профессор Валентин Федорович Уткин.

Д. Б. КЛЯВИНЬ:

Как родители постоянно думают о своих детях, так и педагоги вечно заняты судьбой своих питомцев. И пусть Петерис сегодня уже наш коллега, педагог, мы все равно более всего озабочены перспективами его роста, его будущим. В Плакидисе чувствуется большой запас творческих сил. И хочется, чтобы ничто не помешало ему реализовать свой творческий потенциал.

В. Ф. УТКИН:

Время стремительно: еще вчера перед тобой был робкий ученик, а сегодня он зрелый музыкант, автор признанных произведений, ярко индивидуальный, неповторимый художник. Петерис Плакидис удивительно бережно относится к каждому звуку, ибо каждая нота для него весома и значительна. Композитор словно бы ставит перед собой задачу добиться максимума выразительности при минимуме затрачиваемых средств. Кста-

ти говоря, Петерис и в жизни достаточно сдержан и не слишком щедр на слова.

Я вспомнила это замечание при первой же встрече с молодым композитором...

— Петерис, в этом году вам присвоено звание лауреата премии комсомола Латвии. Это событие изменило что-нибудь в вашей жизни?

— Нет.

— Самостоятельную преподавательскую работу вы начали тоже в этом году?

— Да.

— Мешает ли педагогическая работа вашему композиторскому творчеству?

— И да и нет.

Потом Петерис все же расшифровал свои чересчур уж краткие ответы. Свой рассказ он начал с самого раннего детства...

В доме Плакидисов было пианино. Мама Петериса — филолог, а не музыкант — иногда играла, и Петериса уже лет в пять страшно привлекали эти странные — звучащие! — черные и белые клавиши. Петерису не приходилось, как многим одаренным детям, урывать «радости жизни» тайком от родителей, придумывая хитроумные уловки, чтобы можно было лишней час побегать во дворе. Едва ли не с

ЧЕТЫРНАДЦАТИ

первого занятия он решил, что станет музыкантом, и с тех пор не менял этого решения. Когда Петерису было четырнадцать лет, его приняли на специальные курсы при консерватории. «В качестве подопытного кролика», по его собственным словам. (Курсы эти служили базой для педагогической практики студентов.) А занимался с Плакидисом Паул Дамбис, тоже ставший впоследствии лауреатом премии комсомола Латвии.

Итак, семиклассник Петерис Плакидис уже в стенах консерватории. Сочиняет музыку. Увлечен Скрибиным. Потом приходят новые привязанности. Теперь он стремится к строгости, жесткости, даже к аскетизму звучания.

В. Ф. УТКИН:

В Петерисе уже с первых курсов чувствовалось стремление обозначить свое «я», причем в манере своеобразной, хотя и спорной. В это время он писал музыку для ансамбля «Рижская пантомима». Думаю, что условное искусство пантомимы оказало какое-то влияние на его художественное мышление, на его музыку.

А вот что говорит об этом времени сам Петерис Плакидис:

**ОТ ЗАМЫСЛА
К ВОПЛОЩЕНИЮ...**

— Я писал так, как чувствовал и как думал. Написать другую музыку я просто не мог. Впрочем, спустя десять лет мне как-то странно говорить о моей, например, «Сонате для фортепиано» как о чем-то нетрадиционном, выходящем за привычные рамки. Пройденный этап! Хотя тогда я наверняка, как, впрочем, и многие авторы, преувеличивал значение своего сочинения.

А теперь я воспользуюсь просьбой Петериса не говорить о нем только хорошее, потому что:

по его собственным словам, он ленив и иногда не может закончить почти готовую вещь. «Вот если бы увидел афишу, на которой уже представлена дата исполнения, тогда все было бы готово к сроку. Между нами говоря, такое уже случалось. Или вот, скажем, музыка к фильму. Там тоже есть свои жесткие временные рамки. А если меня ничто не подгоняет,— плохо дело!»

Он непостоянен. После Скрябина пришло увлечение Прокофьевым, потом Бартоком, Шостаковичем, Вебером, Стравинским, а сегодня он больше всего любит Брамса и Шуберта.

Он упрям.

В. Ф. УТКИН:

Глядя на Петериса, никогда не подумаешь, что характер его со стальным стержнем. С виду спокойный такой, тихий. Но вот, помню, на 4-м курсе, когда писал он свою «Музыку для фортепиано, струнных и литавр», я советовал ему не увлекаться чрезмерно усложненными аккордами, в данном случае не совсем оправданными, на мой взгляд. А он мне так это тихо, но твердо: «Нет, Валентин Федорович, здесь все-все для меня важно».

— Что касается моих сочинений,— говорит Петерис,— я действительно упрям. Но у меня нет другого выхода, потому что в тот момент, когда я пишу музыку, я стараюсь быть абсолютно точным в выражении своих ощущений. Ключ к мелодии, ключ к гармонии— это сила и ясность чувств.

Теперь, когда Петерис представлен, можно заняться расшифровкой его ответов на мои первые вопросы.

Действительно, вручение премии Ленинского комсомола внешне почти ничего не изменило в жизни Плакидиса. И это потому, что она и так была до предела наполнена работой, за которую, собственно, он и получил признание комсомола республики. На счету 29-летнего композитора несколько камерных и симфонических произведений, песни для хоровых коллективов и сольного исполнения, им написана музыка для спектаклей и филь-

мов. Его раннее произведение — «Трио для скрипки, виолончели и фортепиано» — включено в учебную программу для музыкальных школ, произведения Плакидиса звучат по радио.

Нынешней осенью Петерис начал самостоятельную педагогическую работу в консерватории. Путь к этому был не прост. Ведь после окончания вуза он ушел в Академический театр драмы имени А. Упита на должность заведующего музыкальной частью. Это время оценивается весьма противоречиво его учителями, друзьями, поклонниками, им самим.

Одним казалось, что талант Плакидиса дробится, что ценность создаваемого им преходяща. Другие видели в этой его деятельности быстрый и чуть ли не единственный путь к популярности. Сам Петерис относится к этому много проще: «Хорошую музыку писать можно везде». И все-таки он снова вернулся в консерваторию, в аспирантуру. И именно в этот период четко обозначились контуры его творческой зрелости. Много написано, многое доработано, создана программа авторского концерта, который прозвучал вскоре после вручения ему премии Ленинского комсомола. Это, конечно, был достойный ответ лауреата.

Какая же она, музыка Петериса Плакидиса?

Д. Б. КЛЯВИНЬ:

Для нее характерно стремление к лаконизму, изяществу, простоте, но изысканные решения. Хочу особенно подчеркнуть, что Петерис никогда не был рационалистом в искусстве, его творчество привлекает эмоциональностью, естественностью и образностью, ну, и, конечно же, оригинальностью художественного мышления композитора.

Удивительно остроумно и живо сделана, например, «Прелюдия и пульсация» для квинтета духовых инструментов, изобретательно и выразительно сплетена музыкальная канва в «Легенде» для симфонического оркестра. Что касается «Концерта для симфонического оркестра и рояля», то здесь все необычно. И то, что в качестве солирующего инструмента выступает симфонический оркестр; и то, что в «Концерте» две части вместо общепринятых трех или четырех частей. Личность композитора обозначена в этом сочинении особенно ярко. Его дарование лирично по своему складу. И это ощущается и в первой части — «Диатонической чаконе» и во второй — «Токкате», динамичной, полной энергии, которая неожиданно для слушателя завершается не громогласной концовкой, а опять-таки нежным и очень сдержанным звучанием...

В. Ф. УТКИН:

Нельзя упускать из виду еще одну грань дарования Плакидиса. Петерис — отличный пианист, очень своеобразный интерпретатор произведений самых разных композиторов.

Есть слова, которыми можно обозначить размеры музыкальных произведений Петериса Плакидиса (он работает и в малых и в крупных формах), есть термины, выражающие музыкальную суть его работ (лаконизм, изящество, остроумие), можно определить его творческое кредо (максимальная выразительность при минимуме средств). Но как рассказать, что есть особая прелесть в одиноком звучании гобоя! Что образность и естественность в последних вокальных циклах неожиданно достигнуты за счет жесткой экономии звуков. Сам Петерис объясняет это шутливо: «Я не люблю писать много нотных знаков...»

Я убедилась на собственном опыте, что Петерис экономит не только звуки, но и слова. «И да и нет», — сказал он, когда я спросила, мешает ли педагогическая работа его собственному творчеству. Действительно, он честно ответил на вопрос, а это уже мое дело — раскапывать, что за этим стоит. Теперь я знаю: конечно, мешает. Уходит время, тратится энергия, а Петерис, по отзывам коллег, добросовестный преподаватель и старается передать студентам весь свой опыт, все свои знания. Ему еще предстоит создать собственную методику преподавания, а это тоже время и силы. И вместе с тем он постоянно пишет. Только что создана музыка для спектакля «Золотой конь», поставленного Рижским ТЮЗом. «Очень доволен этой работой», — говорит Петерис. — Это сочинение близко по духу моей «Легенде» для симфонического оркестра, а я дорожу ею».

Написана и музыка для нового кукольного фильма Рижской киностудии. Здесь все совсем иное — гротесковое, озорное, ироничное...

Музыканты говорят, что творческая зрелость приходит к композиторам обычно годам к 36—37. Петериса Плакидиса в 29 лет считают сложившимся музыкантом. У него есть время, большой запас времени, чтобы вписать в свой нотный лист еще более значительные, еще более глубокие и точные произведения...

РИЖСКИЙ МОТИВ.

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЬСКИХ ПИСЕМ

В этом году «Смена» объявила конкурс среди читателей на самое интересное письмо. Почта принесла сотни писем, и каждое чем-то примечательно: в одном взволнованно рассказывается о любимой профессии, в другом — о друзьях, выручивших из беды, в третьем — о трудных годах послевоенного детства. Многие авторы делятся своим житейским опытом...

Почта принесла письма и от тех, кто еще не нашел себя, не определил свое призвание, цель, у кого еще не устоялся характер.

Сегодня мы публикуем часть полных нами писем.

И СЕГОДНЯ ПОДВИГИ НУЖНЫ

Вот уже битый час мы никак не договоримся, не можем прийти к общему мнению. Мы — это комсомолец Мясник Овсепян, горнорабочий добычной комплексной бригады, и я. Тремя днями раньше Мясник подал заявление на расчет, и вот теперь, по его словам, он «отрабатывает» положенный в этом случае двухнедельный срок. Отрабатывает только для того, чтобы в трудовой книжке не появилась запись: освобожден, как самовольно оставивший производство. Ведь трудовая биография у Мясника началась не так давно, и не хочется парню прослыть самовольно оставившим работу или еще хуже — прогульщиком. Нет, пока Мясник хочет, чтобы его уход с рудника был оформлен по закону, хотя он знает, что и это будет не по совести, — ведь в горняцком коллективе сегодня так нужны его молодые, крепкие руки и горняцкое мастерство. Я сказал «пока» не случайно. Ведь летуны и прогульщики вот так и начинают свои странствия по городам и весям. Потом для них уже будет безразлично, какую очередную запись сделают в их трудовой книжке.

Путь в горняки у Мясника Овсепяна начался, прямо скажем, замечательно. За несколько месяцев молодой горняк легко освоил три профессии: машиниста породопогрузочной машины, машиниста электровоза и скрепера. Удивительно легко дается сегодня управление сильными горными машинами тем, у кого за плечами среднее образование! Трудолюбие парня в бригаде заметили сразу. Помнится, когда Мясника послали в другую бригаду, горняки из той, где он работал раньше, так и сказали:

— Верните нам Мясника!

Приметили комсомольца Овсепяна и в коллективе рудника. В канун Дня Победы он в числе комсомольцев, победителей соцсоревнования, был сфотографирован у Знамени Победы. В этой награде молодого горняка мы видели награду всей горняцкой династии Овсепянов. Дед Мясника Артуш Овсепян был одним из первых стахановцев на руднике. Четверть века добывая руду на Шамлугском руднике отец — Паркев Овсепян. На горизонтах рудника работает его брат Михаил. Есть, как говорится, с кого делать жизнь. И вот теперь заявление на расчет — как снег на голову. Из беседы выяснилось, что решение уйти с рудника у Мясника зрело давно. Взбрела парню идея окунуться в другую жизнь. Что это за жизнь, он и сам толком не знает, только одно твердит:

— Не буду же я все время работать на руднике. Хватит с меня, уже больше года хожу по крутым уклонам!

...Я говорю о том, что негоже подводить горняцкий коллектив, что не к лицу комсомольцу пасовать перед трудными дорогами подземных горизонтов. Но мы не приходим к общему знаменателю, горячимся. Первым срывается Мясник. Он почти кричит:

— Никто меня не заставит работать под землей! Хватит с меня! Другие живут в городе, а мне что, всю жизнь в поселке?! Куда захочу, туда и поеду — кому какое дело...

Чувствую, что скоро не сдержаться и мне. И тогда, собравшись, спокойно говорю:

— На штурм Сапун-горы под Севастополем в сорок четвертом в атаку по несколько раз в день нас, тогда двадцатилетних, поднимали не только боевые приказы... На подвиги нас звала судьба Родины, чувство долга. Нас звал Севастополь...

— Так то было тогда, — бросает мне вслед неуверенные слова Мясник Овсепян.

А я шел по штольне, притихшей, как всегда между сменами, и думал. Думал о том, что сыновья наши, молодые люди, сегодня считают, что время подвигов, видимо, обошло их, что мужество можно проверить только на войне, что подвиги нужны были только в бою. Думал и о том, что подвиги молодых и сильных, не отступающих перед трудностями, нужны и сегодня. Нелегки горняцкие дороги к подземным кладам. Работа под землей требует не только мастерства и упорства. Нередко эти дороги для покорителей подземных горизонтов становятся дорогами мужества и подвигов. Не свернуть с этой дороги, не спастись перед трудностями — это и есть подвиг сегодня.

Наша беседа с Мясником Овсепяном состоялась четыре месяца назад. Как же сложилась горняцкая судьба комсомольца сегодня? Скажем коротко: все хорошо. Мясник остался на руднике. Сегодня к трем горняцким профессиям комсомолец Овсепян прибавляет главную — профессию бурильщика. Недалеко время, когда мы узнаем о трудовых подвигах на глубоких горизонтах Шамлуга младшего из горняцкой династии Овсепянов — Мясника, — в этом мы все уверены.

А. ТЕРЯЕВ,
секретарь партбюро Шамлугского рудника,
Туманянский район, Армянская ССР

МОЙ ГЛАВНЫЙ ДЕНЬ

Ваш конкурс на лучшее письмо подтолкнул меня к исповеди. Я не стремлюсь, чтоб мое письмо было опубликовано, мне просто хочется написать вам о себе. Завтра у меня самый долгожданный день, к которому я шла многие годы. Будет ли он вполне счастливым для меня, не знаю. Буду ли я, как и мои товарищи, состоять в рядах Коммунистической партии Советского Союза?

В моей памяти проходит вся моя небольшая жизнь. Вступление в пионеры было для меня огромной радостью. Но на следующий день горькие слезы: когда надо было идти в школу, я не могла правильно повязать галстук, и старшесклассница-соседка помогла мне. Через несколько лет вместе со своими товарищами пишу заявление в комсомол. Принимали моих подруг и друзей, они были отличники, а в моем дневнике мелькали тройки. Но всей душой, всем сердцем я стремилась стать членом ВЛКСМ. Мне, как старосте класса и тимуровцу, сделали исключение, и я была принята в ряды ВЛКСМ. Помню, что в тот день я была очень больна, врачи запретили мне вставать, но я все-таки пошла в школу. Друзья и учителя поздравляли меня, и я была от счастья на седьмом небе. Потом окончание школы, учеба в ПТУ, стала старостой, потом председателем профсоюзного комитета и, успешно окончив профтехучилище, начала свой рабочий путь на стройке. Все свое умение, все, чему меня научили в школе и в ПТУ, все свое старание вкладывала я в труд. Товарищи выбрали меня секретарем комсомольской организации. А за мою добросовестную работу меня наградили медалью «За трудовое отличие». Девятую пятилетку выполнила за 4,5 года, за что получила знак ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец 9-й пятилетки». И сейчас, вспоминая свою жизнь, осмысливаю ее заново. Жду завтрашнего дня, жду приема в ряды Коммунистической партии как самого значительного события. Пусть он будет счастливым для меня. Я очень волнуясь.

Нина СТУДНИКОВА,
маляр-штукатур, трест «Совхозстрой»,
Астраханская обл.

ТРУДНОЕ ДЕТСТВО

Каждое утро я вижу, как идут дети в школу: хорошо одетые, обутые. И мне невольно вспоминается мой первый школьный день. Это был 1946 год, первый послевоенный год. Мы с моей подружкой Верой приготовились идти в школу, собрались, а надеть-то и нечего. Мама снимает с себя юбку, сшитую из мешковины, и кофту полотняную, крашенную в бузине. Сейчас смешно вспомнить: сама я маленькая, а юбка до пят, кофта большая, широкая. Ну, зашла я к Вере, а у нее нет и этого. Мы тогда очень бедно жили: отца не стало в 1941 году. А о Вериней семье и говорить нечего, хоть и был отец, да пьяница. Тогда ее мама взяла мешок, вырезала дыру для головы и для рук и надела на нее. А мы-то все равно рады, что идем в школу. Школа была за три километра. Мы с ней бегом и пробежали все расстояние, ведь обе босиком — не жмет. Не встретили нас тогда с цветами, как сейчас. И вот стали учиться: тетрадей нет, пишем на старых газетах, букварь на всех один был. Сначала писали карандашами, а после стали делать чернила из красной свеклы. Один день пишем хорошо, а на второй день «чернила», как клей, тянутся, и уже нельзя писать. В морозы — бежишь босиком, ноги красные, как гусиные лапки. Учительница скорей заматывает нам ноги тряпьем; отогревает их. Когда упал снег, брат сшил из свиной шкуры черевички. А моя подружка Вера не стала ходить в школу: добежала босая, ноги у нее взлялись сплошными ранами. Наступил 1947 год и принес с собой страшный голод. У нас была корова, мы имели молоко, а у Веры не было. Бегу к ней, несу хоть кружку молочка, а то ведь большая лежит, да еще и голодная. Вот так начинались мои школьные годы.

Сейчас у меня сыновья-школьники, а Веру не забываю, езжу к ней в гости.
До свидания.

Клавдия КОЖЕВНИКОВА,
Жданов

РАДОСТЬ

Мне 24 года. Работаю токарем-универсалом на заводе, выпускающем запчасти и механизмы для тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин, в цехе, который «ремонтирует» другие цеха, короче, в РМЦ. Работа самая разнообразная: и простая и, бывает, сложная. Работа нравится. Мне доставляет огромное удовольствие смотреть, как мои втулки, валики, шестерни идут к фрезеровщику, термисту, шлифовщику и, наконец, после ОТК попадают в руки слесарей. Они собирают различные сложные узлы, используя изготовленные мной детали. Вот уже четыре года я работаю на нашем заводе, а до этого два года служил на юге пограничником. В армию пошел из профтехучилища. Служба в погранвойсках запомнилась на всю жизнь: разве забыть ночные наряды, тревоги? После службы в армии, работая на заводе, поступил в вечерний машиностроительный техникум. Вначале очень уставал: отработка смену — и на занятия. Силу и борюсь со сном. Трудно было очень. Но потом привык. Привык к ребятам и к девушкам из нашей группы. В летние каникулы, когда я не вижу их в течение двух месяцев, даже успеваю соскучиться. Вместе сдаем зачеты, экзамены, пишем контрольные, волнуемся, переживаем друг за друга, сочувствуем (и такое в учебе бывает).

Учусь я по специальности «Литейное производство черных металлов», на следующий год закончу техникум. Все чаще думаю: а как же дальше? Кончу техникум, и что же, работать по-прежнему токарем или идти по новой специальности? Это я должен решить сам.

Недавно узнал, что Надя Павлова — лауреат премии Ленинского комсомола. Искренне

рад: как-никак землячка. Моя мама вообще в восторге от нее и очень любит смотреть, когда Надя танцует. Как скажешь ей: «Мама, Надю показывают!» — она тут же бросает все свои дела, мчит к телевизору. И, как замороженная, смотрит. Я тоже люблю смотреть, когда танцует Надя. И еще мы с мамой любим фигурное катание, особенно наших фигуристов Ирину Роднину, Александра Зайцева. А от Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова я в восхищении. Когда они танцуют под музыку Арама Хачатуряна из «Маскарада», я забываю все на свете. Вот когда понимаешь, что искусством можно наслаждаться: музыка из «Маскарада» — одно из любимых моих музыкальных произведений. А танго в их исполнении неповторимо.

И еще один мой земляк — токарь Александр Иванович Виноградов с машиностроительного завода — тоже лауреат премии Ленинского комсомола. Давно я его знаю, он старше меня всего лишь на четыре года. Правда, лично мы с ним незнакомы, но я его часто видел: он жил на соседней улице. И на тебе! Лауреат! Молодец, парень! А вот еще одно радостное событие: выпущены серийные КамАЗы. Я рад. Почему-то мне это не все равно: меня радует, когда выходят на дороги страны новые, более совершенные автомобили. Совсем недавно наш Чебоксарский тракторный выпустил первый трактор — очень хорошо. Вышел в первый рейс ТУ-144 — замечательно! Вы знаете, как иногда хочется написать, чтобы кто-то прочитал, что у тебя на душе, о чем думаешь и мечтаешь.

Виталий ВАСИЛЬЕВ,
Чебоксары

Я — СТРОИТЕЛЬ

Взяться за письмо заставила меня недавняя встреча с соседским парнишкой. Давненько я его не видел: он выпускник средней школы, всю весну просидел за учебниками — готовился к экзаменам, а потом после небольшой паузы снова взялся за книжки — поступал в институт.

— Ну как? — спрашиваю, столкнувшись с ним за калиткой. — Можно поздравить, уже студент?

Парень замаялся.

— Нет, — говорит, — по конкурсу не прошел...

— Куда же теперь? — поинтересовался я.

— Не знаю.

— Может, к нам пойдешь?

— На стройку? Нет, не тянет, уж если ехать, так на большую.

Сам я строитель и строю свой город Фрунзе — город, где я родился и вырос. Прямо на глазах меняется наша столица, у которой еще многое впереди. Главные исполнители громадных планов — строители, люди древнейшей, самой нужной и мирной профессии. Ведь это после них остались египетские пирамиды, Исаакиевский собор, самаркандские минареты — свидетели таланта и труда рук человеческих. И пусть не каждому строителю дано оставить столь прекрасные творения. Но, видимо, каждому строителю знакомо чувство радости, когда расцветет огнями возведенный тобой дом, справят в нем новоселье десятки семей.

Самая совершенная техника пришла сейчас на помощь строителю, наш труд почти полностью механизирован. И все-таки городские строительные организации испытывают недостаток в кадрах. Мой сосед хочет уехать на большую стройку: молодость стремится испытать себя в трудностях. Но строить свой город — это тоже важно, нужно и трудно. Может быть, это и есть старт в большую жизнь, на большую стройку, где от рабочего ждут умелого и квалифицированного труда?

Джумибек ИГЕМБЕРДИЕВ,
Фрунзе

Рисунок Сергея ТЮНИНА

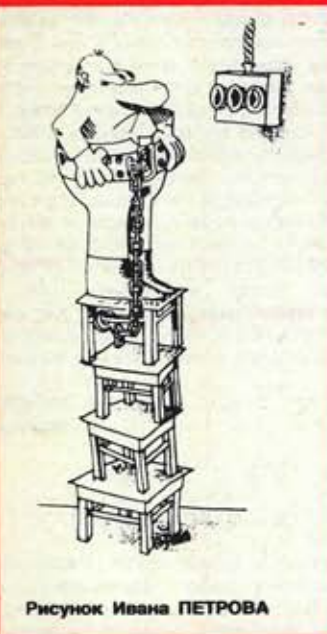

Рисунок Ивана ПЕТРОВА

Рисунки Петра КУЛИНИЧА

Рисунки Леонида ТИШКОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ПЕРВЫЙ—ЧЕМПИОН МИРА!

Естественно, что каждое выступление чемпиона мира вызывает огромный интерес у любителей шахматного искусства. Недавно их внимание было сосредоточено на испанском городе Монтилье, где состоялся международный турнир при участии нашего Анатолия Карпова, намного опередившего гроссмейстеров и шахматных мастеров Англии, ФРГ, Испании и США.

К такому эндшпилю пришел после 41-го хода черных поединок в Монтилье между А. Карповым и международным мастером из Испании Х. Беллионом.

Хотя на поле «боя» наблюдается материальное равенство, на стороне чемпиона мира, игравшего белыми, несомненный позицион-

ный перевес. У него «тандем» перспективных слонов, проходная пешка и весьма активно расположенная ладья. Однако реализация сопряжена с немалыми техническими трудностями, и поэтому непринужденность, с которой белые добиваются успеха, делает честь даже чемпиону мира.

42. Лa1—a7! Крe7—d6 43. h3—h4! Сс7—d8.

Напрасливающийся тактический контрудар 43. ...К:c3 опровергается посредством 44. f6!, и несложный разбор вариантов показывает, что удержать белую пешку от превращения ее в ферзя можно только ценою фигуры, а это было бы равнозначно поражению.

44. Лa7:h7 Сd8—f6 45. Крf3—e3 Сf6:d4+ 46. c3:d4 b6—b5 47. h4—h5 Лb2—b1 48. h5—h6 Лb1—h1 49. Се2:b5 Лh1—h3+.

Испанец изобретательно защищает, и не его вина, что отражение угроз чемпиона мира в данной ситуации оказывается делом нереальным.

50. Крe3—f4 Лh3—h4+ 51. Крf4—f3 Ке4—g5+ 52. Крf3—g3 Лh4—h3+ 53. Крg3—g4 Кg5:h7 54. Крg4:h3 Крd6—e7 55. Сb5—c6 Кh7—g5+ 56. Крh3—g4 Кg5—e4.

Следует изящная жертва белого слона, и вырисовывается беспомощность черного коня в борьбе с рвущимися вперед неприятельскими пешками.

57. Сс6:d5!, и черные капитулировали.

СЕМЬЯ ГРОССМЕЙСТЕРОВ ПОПОЛНЯЕТСЯ

В 1976 году ряд советских шахматистов на различных международных соревнованиях завоевал гроссмейстерские баллы. 23-летний москвич Сергей Макарычев и его земляк 36-летний Игорь Зайцев (тренер экс-чемпион мира Тигран Петросян) уже получили по второму такому баллу и должны пополнить отряд советских гроссмейстеров.

С. Макарычев сделал решающий «шаг» к гроссмейстерскому титулу на турнире в Люблине, где он разделит второе-третье места с чемпионом Югославии Крунославом Хулаком.

Перед вами положение, создавшееся после 19-го хода черных в партии С. Макарычева с Ежи Поковчиком (Польша). Энергичным прорывом в центре советский шахматист (у него были белые) овладевает инициативой и приобретает пешку.

20. e4—e5! d6:e5 21. Фе2:e5 Сс8—d7 22. Кd4:e6 Cd7:e6 23. Фе5:e6+ Крg8—h8 24. Лa1—e1 Кf6—g8 25. Фе6—h3! Кg8—h6 26. Cf2—d4 Се7—f6 27. Cd4:f6 Фb7—b6+ 28. Фh3—e3 Лf8:f6 29. Фе3:b6 Лf6:b6 30. b2—b3!

Упорной защитой черные сумели отразить атаку соперника на королевском фланге и разменять ферзей. Но окончание без пешки и при отсутствии встречной активности выглядит пренебрежительным.

30. ...g7—g6 31. Ле1—e5! Лb8—a8 32. Ле5—e7 Лb6—b8 33. Лf1—e1 Лb8—d8 34. h2—h3! Кh6—g8 35. Ле7—f7 Лd8—d6 36. Ле1—e5 Кg8—f6.

В результате искусного маневрирования белые вторгаются в лагерь противника обоими ладьями. Шансов на спасение у черных уже никаких не остается.

37. Ле5—e7! Лa8—d8 38. Ле7—a7 Кf6—d7 39. Лa7:a5 Крh8—g8 40. Лf7—e7 Кd7—b6 41. Лa5—a7!, и черные сдались.

И. Зайцев второй раз гроссмейстерский норматив выполнил на последнем чигоринском мемори-

але в Сочи. Там в очень сильном по составу участников турнире он разделит третье—шестое места с гроссмейстерами Андрашем Адорьяном (Венгрия) и Флорином Георгиу (Румыния).

Этот любопытный эндшпиль с одноцветными слонами имел место после 51-го хода белых в партии И. Зайцева, игравшего черными с Х. Рее (Голландия). На первый взгляд кажется, что преимущество у белых — у них лишняя пешка и значительно более активный король. Однако неожиданными и очень эффектными тактическими ударами успеха добиваются не белые, а черные. Концовка оставляет сильное впечатление!

51. ...h5—h4! 52. g3:h4 Се7—b4! 53. e5—e6 g4—g3 54. e6—e7 Сb4:e7 55. f2:g3 Се7—b4! 56. Се1—f2 Сb4—c5 57. Cf2—e1 f3—f2, и белые вынуждены были признать свое поражение.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 20/IX 1976 г. А 06009. Подписано к печати 4/X 1976 г. Формат 70 x 108¹/₈. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 2578. Заказ № 2836. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ОПЕРА СЕРВАННО.

На Федюнинских холмах тишина.
Над Малаховым курганом сны.
Будто не было войны, но война
Похоронена на дне тишины.
И, казалось бы, всему вышел срок,
Тридцать лет менялась в море вода,
А как выйдешь, как шагнешь за порог—
И от маков не уйти никуда.

Припев:
Маки, маки, красные маки—
Горькая память земли.
Неужели вам снятся атаки,

МАКИ

Музыка Юрия АНТОНОВА
Слова Григория ПОЖЕНЯНА

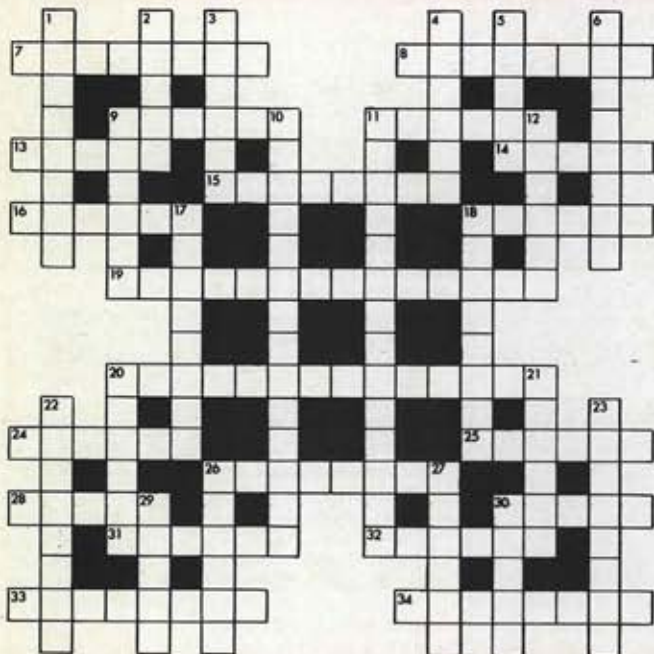
Неужели вам снятся атаки
Тех, кто с этих холмов не пришли.

Над Сапун-горой цветут тополя.
Над Сапун-горой летят журавли.
Но плывут из края в край по полям
Маки, маки—совесть земли.
И казалось бы, ну что в том за страсть,
Тридцать лет они пылают в траве.
Ах, как хочется в те травы упасть,
В красных маках полежать на земле.

Припев.

КРОССВОРД

Составил Б. Тран,
ст. Ленинградская Краснодар-
ского края

По горизонтали:

- Областной центр Казахстана.
- Исследователь Дальнего Востока, этнограф, писатель.
- Советский энергетик, академик, строитель ряда электростанций.
- Денежная система страны, денежная единица.
- Плодовое субтропическое дерево.
- Административная единица Бурятии.
- Специалист, изучающий законы развития общества.
- Один из Курильских островов.
- Земляной орех.
- Отрасль сельского хозяйства.
- Жанр циркового искусства.
- Селение в Средней Азии.
- Советская поэтесса.
- Учебное заведение с общежитием.
- Поэма Д. Байрона.
- Советский пианист.
- Неподвижная часть генератора.
- Ископаемая хвойная смола.
- Звание ученого.
- Птица отряда куликов.

По вертикали:

- Опера Д. Мейербера.
- Азербайджанский поэт, революционный сатирик.
- Южное колючее растение.
- Вступительная часть литературного произведения.
- Самая яркая из малых планет.
- Металл.
- Картина, узор из цветных стекол.
- Работник, совершенствующий производственные процессы.
- Государство в Западной Европе.
- Штат в США.
- Город в Ленинградской области.
- Персонаж оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин».
- Замкнутая кривая.
- Спутник планеты Уран.
- Раздел теоретической механики.
- Французский рабочий, автор мелодии «Интернационала».
- Полуостров в Югославии.
- Коренное население автономной советской республики.
- Пространство между водонепроницаемыми перегородками корпуса судна.
- Пьеса А. Е. Корнейчука.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРДЫ,
НАПЕЧАТАННЫЕ
В № 20

По горизонтали:

- Мотокросс.
- Компас.
- Футбол.
- «Буревестник».
- Корт.
- Ринг.
- Планерист.
- Гиря.
- Шест.
- «Университет».
- Регата.
- Слалом.
- Бакуриани.

По вертикали:

- Бокс.
- Гриф.
- Корбут.
- Конкур.
- Переключатель.
- Теннисистка.
- Велосипед.
- Секретарь.
- Гимнастка.
- Якушев.
- Шатков.
- Амур.
- Скиф.

По горизонтали:

- Финляндия.
- Карпов.
- Рапира.
- Александров.
- Карт.
- Лутц.
- «Строитель».
- Гонг.
- «Финн».
- Аквалангист.
- Ригерт.
- Слалом.
- Олимпиада.

По вертикали:

- Улов.
- Шнур.
- Талант.
- Привал.
- Препятствие.
- Переключатель.
- Марафонец.
- Пансионат.
- Сметанина.
- Грация.
- Футбол.
- Темп.
- Скиф.

КРУГ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ

ПОРТРЕТ ШЕСТАКОВОЙ.

ДОМИК ДОВЖЕНКО.

МАТЕРИНСТВО.

Произведения черниговца Владимира Емеца открываются не сразу — они требуют вдумчивости, неторопливого «вхождения» в мир художника. Мир тишины, дымящихся росой луговых трав, поднимающихся над Десной туманов. Романтические и вместе с тем раздумчивые полотна Емеца перекликаются с народным мелосом. «Очень люблю народные песни, — рассказывает живописец. — И грузинские, и русские, и особенно наши — украинские. Одно из самых дорогих воспоминаний детства — пение женщин у нас в доме: к матери приходили со всего села — она умела «хор вести».

В юности каждый художник выбирает себе учителя, мастера, близкого ему по духу. Для Владимира Емеца таким учителем был Куинджи, у которого он учился поэтическому восприятию природы, любви к открытым просторам, пейзажам, не тронутым рукой человека.

Одушевленная природа определяет эмоциональную атмосферу всех его холстов. Но Емец не только пейзажист, он охотно обращается к композиционным полотнам. Многие его картины («Дитя», «Дорога») посвящены детству — истоку будущей судьбы человека. Как правило, живописец трактует их не в жанровом, но в символическом плане, сочетая жи-

МЕЧТАТЕЛЬ.

вые наблюдения с фантазией и обобщением: стремится показать радость первой встречи ребенка с миром, динамику развития детской души. Картина для него не имитация действительности, но синтез знаний, размышлений, чувств.

Исполнен тепла и дружественного приятия жизни «Маленький мечтатель». Это одно из лучших его полотен. Художник не прибегает здесь ни к плоскостной манере письма, ни к классической перспективе: пространство в «Маленьком мечтателе» сжато, уплотнено, почти условно. Этот прием и общая для всего изображенного голубоватая колористическая гамма (все словно тонет в сгущающихся сумерках), объединяющая человека и природу, утверждающая родство всего живого и сущего, и создают поэтическое настроение холста.

Убежденность в единстве, целостности мира, в котором «и цветы, и шмели, и трава, и колосья, и лазурь, и полуденный зной» слиты в общем круге земной жизни; стремление сделать содержательным самый простой сюжет; напевная плавность рисунка и тонкость колористических сочетаний, из которых создается живописная ткань полотен, — вот черты, определяющие творческое своеобразие произведений Владимира Емеца.

Ольга ВОРОНОВА

